В.Л. Кляус
С.В. Супряга

ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР РУССКОУСТЬИНЦЕВ ЯКУТИИ И СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Материалы к изучению бытования
в иноэтническом окружении

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М.В. ЛОМОНОСОВА
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОТКРЫТЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

В.Л. Кляус
С.В. Супряга

ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР РУССКОУСТЬИНЦЕВ ЯКУТИИ И СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Материалы к изучению бытования
в иноэтническом окружении

Курск
Издательство
Регионального открытого
социального института
2006

ББК 82+81. 2Р-3

К52

Научный рецензент – доктор филол. наук, профессор
Воронежского госуниверситета ***Г.Ф. Ковалев***

К52

Кляус В.Л., Супряга С.В. **Песенный фольклор русскоустьинцев Якутии и семейских Забайкалья: Материалы к изучению бытования в иноэтническом окружении.** – Курск: Изд-во Регионального открытого социального института, 2006. – 213 с.

ISBN 5-88995-093-2

В монографии рассматриваются проблемы взаимодействия с соседними неславянскими народами русского населения Забайкалья и Русского Устья и характер отражения этих контактов в их песенной лексике. Исследование способствует решению теоретических проблем лингвофольклористики, фольклористики, теории языка, культурологии, этнографии.

Книга ориентирована на специалистов в области народной культуры, а также всех, интересующихся проблемами межкультурных коммуникаций и русским песенным фольклором.

ББК 82+81. 2Р-3

Поддержка данного проекта была осуществлена:

АНО ИНО-Центром в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках» (проект № КТК 324 / (1–3)-3-03 «Поэтический фольклор русского старожильческого населения Забайкалья и Русского Устья как историко-культурное наследие в диалоге с иноэтническими культурами»);

Российским фондом фундаментальных исследований (проект № 05-06-80351 «Малые языки и народы: существование на грани»).

ISBN 5-88995-093-2

© Кляус В.Л., Супряга С.В., 2006 г.
© Институт мировой культуры МГУ, 2006 г.
© Региональный открытый социальный институт, 2006 г.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность изучения русского фольклора в иноэтническом, иноязычном, инорелигиозном окружении не вызывает сомнений. Фольклор – главнейший фактор национального самосознания, культурного и духовного единства любой этнической группы. Наблюдения за традиционными фольклорными формами какой-либо русской диаспоры, существующей в условиях отрыва от метрополии, позволяют сделать интереснейшие выводы о духовно-эстетических приоритетах, трансформации структуры жанровой системы, механизмах взаимодействия с иными культурами и т. п.

Миграции русского населения в Сибирь и северные регионы азиатского континента, начавшиеся в XVI столетии, создали уникальные естественные лаборатории для изучения русского фольклора, носители которого постоянно контактировали с представителями иных этносов. Уже в одной из первых теоретических работ, посвященных устно-поэтическому творчеству русских сибиряков, – статье А.А. Макаренко, которая сопровождала публикацию кежемских сказок, записанных собирателем в начале XX в. от Е.М. Кокорина, отмечалось влияние на них фольклорной прозы проживавших рядом ангарских тунгусов [Макаренко 1912: 356]. В последующее столетие эта проблема в той или иной степени затрагивалась многими российскими фольклористами, но она еще остается во многом не раскрытой.

В новейшей академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» издано 6 томов антологии русского устно-поэтического творчества, содержащих былины, исторические, лирические и обрядовые песни, сказки, заговоры [РЭПСДВ, 1991; РССДВВЖ 1993; РССДВЛБ 1993; РЛПСДВ 1997; РКОФСДВ 1997; РСОФСДВ 1997][1]. Буквально в каждом из них составители во вступительных статьях или при комментировании отдельных текстов затрагивали проблему бытования фольклорных традиций русских сибиряков в иноэтническом окружении, в первую очередь в плане влияния на них устно-поэтического творчества коренных народов Сибири. Но авторы сборников, что вполне объяснимо, учитывая общий характер изданий, не акцентировали на этих вопросах особого внимания. Так, Р.П. Матвеева, характеризуя русские волшебные сказки Сибири, лишь пишет, что «русское народное творчество Восточной Сибири в большей степени, чем Западной, бытовало в условиях соприкосновения с иноэтническим устно-поэтическим творчеством, взаимовлияние их поэтических систем было локально». В качестве регионов взаимовлияния она называет северо-восток Сибири и Прибайкалье (Тункинская долина) [Матвеева, Леонова 1993: 24, 29, 30]. В свою очередь Т.Г. Леонова указывает на факты заимствования русскими старожилами бурятских сказок-мифов о животных, отмечая произошедшие при этом определенные жан-

---

[1] В стадии подготовки находится последний «русский» том, посвященный несказочной прозе.

рово-стилевые изменения в текстах [Там же: 44]; Н.В. Соболева отмечает бесспорное влияние фольклора аборигенов северо-востока Сибири на одну из бытовых сказок индигирцев, которое проявилось в нерусском имени главного героя [Соболева, Каргополов 1993: 33, 259–260]. М.Н. Мельников и Ф.Ф. Болонев, говоря о народом календаре русских сибиряков, считают, что этнокультурные взаимодействия и межэтнические связи русских с аборигенным населением Сибири наряду с другими факторами накладывали на календарную обрядность определенный отпечаток и придавали ему локальное своеобразие в каждом отдельном регионе [Мельников, Болонев 1997a: 29]. Они также указали на влияние заговорно-заклинательных традиций коренных сибиряков на русские заговоры. По мнению этих исследователей, оно проявилось в отражении в заговорном фольклоре старожильческого населения Сибири и Дальнего Востока представлений аборигенов о хозяевах местности, духах гор и т.д., то есть персонажах, характерных для иноэтнических традиций, а также в фактах заимствования отдельных текстов [Мельников, Болонев, 1997b: 272–273]. В то же время С.И. Красноштанов и В.С. Левашов, характеризуя песенный фольклор русских сибиряков, однозначно считают, что, «несмотря на многообразие взаимосвязей коренных народов и русских, заметного влияния аборигенов на песенную культуру сибиряков не проявилось, а если и наблюдалось, то это влияние носило сугубо локальный, достаточно ограниченный характер». Здесь они указывают на единственный пример – песни «андыльшины», бытовавшие на Колыме [Красноштанов, Левашов 1997: 24].

В определенной степени эти данные обобщает статья одного из организаторов и научных руководителей серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» А.Б. Соктоева, которая называется «Фольклорные контакты русского старожильческого населения и коренных народов Сибири». В данной статье не просто суммированы многие, в том числе и вышеприведенные наблюдения фольклористов, занимающихся изучением русского фольклора Сибири, но и дается развернутая картина заимствований из устно-поэтического наследия русских старожилов в традициях коренных народов обширного зауральского региона [Соктоев 1998].

Фольклор русскоустьинцев Якутии и семейских[2] Забайкалья занимает особое место на фольклорной карте Сибири. Сохраняя до последнего времени в живом бытовании традиционные жанры, порой уникальные формы исполнения, он привлекает внимание многих исследователей.

В целом, оценивая характер исследований русскоустьинской фольклорной традиции, нам бы хотелось, прежде всего, отметить, что издавна существует тенденция ее понимания как исключительно русской, где все

[2] Так в начале XIX в. стали называть старообрядцев, переселенных в Забайкалье с Ветки и Стародубья, а сегодня называют их потомков.

элементы, восходящие к фольклору их иноязычных соседей, – мотивы, сюжеты, образы, наконец, целые тексты – являются чем-то второстепенным. В том же сборнике «Фольклор Русского Устья», который, исходя из названия, должен был бы отражать всю палитру фольклорной традиции русскоустьинцев, авторы не поместили ни одного сказочного текста, заимствованного от якутов, эвенов или других сибирских народов, хотя и упомянули их в репертуарных списках исполнителей. А, между прочим, эти списки показывают, что, к примеру, у С.П. Кисилева, «самого крупного сказочника Русского Устья», сказки которого «стоят на уровне с лучшими, известными науке» [Русское Устье 1986: 304], одну седьмую часть репертуара составляли тексты именно на заимствованные сюжеты. Были они и у других сказочников XIX–XX вв. (см.: [Худяков 1969: 96; Русское Устье 1986: 311, 314–316; Соболева 1984: 69])[3].

Пожалуй, пока только в работах Р.Н. Базилишиной на основе обстоятельного текстологического анализа сказок нижнеиндигирских русских было показано, что влияние фольклора соседей индигирцев, отличающегося «архаичной системой художественного сознания», на сказочную традицию русскоустьинцев имело очень глубокий характер. Это влияние проявилось, в частности, в сближении «трудно дифференцируемых жанровых образований» сказочной традиции индигирцев со сказочными системами северных народов, «где четкой жанровой разграниченности сказочной и несказочной прозы нет» [Базилишина 2000a: 217], и в том, что принесенные русскими на Индигирку «какие-то древние сюжеты (мотивы), «устарев», не были разработаны в обрядовые сказочные структуры. <…> Сформированные на месте, идентичные иноязычным, сказочные повествования также не успели пройти эволюцию до привычного вида традиционных славянских сказок и «смотрятся» как редуцированные фабулаты, не вполне отвечающие сказочной поэтике» [Базилишина 2000b].

Кроме этого исследовательница пишет о том, что процесс, обозначаемый как заимствование, по отношению к сказкам Русского Устья «не совсем отвечает такому понятию», так как эта традиция «основывалась на «привнесенном» (в основном, славянском) материале, и на «первичном» (инородческом), местном, то есть использовались эндогенные резервы и экзогенные новации» [Там же]. Рассмотрев поэтику сказочных текстов региона, она отмечает, что эта традиция «донесла в живом бытовании сюжеты некоторых сказок, которые носят явно неславянское происхождение», и что «часть репертуара русскоустьинской сказочной традиции сформировалась на основе сюжетов и мотивов фольклора (и не только сказочного) коренных северо-сибирских этносов» [Базилишина 1998: 78; 2000a: 222].

Фольклорная традиция семейских Забайкалья так же, как и русскоусть-

[3] Усилия большинства собирателей, в том числе самых первых, видимо, были направлены в основном на фиксацию именно русского фольклора русскоустьинцев.

инская, интересовала исследователей прежде всего в плане сохранившейся в ней архаики, восходящей к славянскому прошлому. Вопрос о фольклорных взаимодействиях между семейскими и неславянским населением Забайкалья практически не затрагивался, хотя факты проникновения в русскую прозаическую традицию Юго-Западного Забайкалья мотивов и сюжетов бурятского фольклора привел еще Г.М. Осокин. Им опубликовано несколько текстов, бытовавших среди русского населения края, сюжетно-мотивный состав которых в целом или в определенной степени имеет бурятское происхождение. Это предание «Как море Байкал сделалось», легенды «О пещере с золотым кладом», «О зеленом гаде», сказка «Царица-белолица» [Осокин 1906: 91–102]. Другое дело, что из книги Г.М. Осокина не совсем понятно, среди какого русского населения они были записаны: среди забайкальских старообрядцев или православных казаков и «сибиряков». То, что казаки и «сибиряки» были носителями не только русской, но и бурятской прозаической, в первую очередь сказочной, фольклорной традиции, хорошо известно по исследовательской литературе (см.: [Матвеева 1976: 119–120; 2002; Соболева 1984: 65; Левашов 1998: 79–88]), относительно же семейских какие-либо определенные данные на этот счет пока отсутствуют.

Русскоустьинцы, проживающие на северо-востоке Якутии, и семейские (старообрядцы) Забайкалья имеют разную историю. Семейские, предки которых насильственно были переселены в Западное Забайкалье в 60-х гг. XVIII в., на новом месте за более чем 200 лет жизни значительно изменили весь облик края и стали в нем одной из доминирующих групп населения. Русскоустьинцы, потомки первых землепроходцев, которые пришли в Якутию по собственной воле и значительно раньше (видимо, где-то на 100 лет), всегда были немногочисленны по составу и интегрировались в бытовой и хозяйственно-экономический уклад аборигенов индигирской дельты.

В то же время в судьбе этих двух этнокультурных сообществ много общего: и те, и другие оказались оторванными от материнской России, проживали компактно и обособленно, находясь в иноэтническом и инорелигиозном окружении. Самое же главное – и семейские, и русскоустинцы создали уникальные локальные варианты русской традиционной культуры, соединившие в себе элементы древнерусской эпохи и новообразования, обусловленные характером жизни и быта на новом месте и контактами с неславянским населением.

Настоящая работа призвана акцентировать внимание исследователей на проблеме бытования в иноэтническом окружении песенного фольклора этих двух своеобразных групп русских Сибири.

Одной из проблем, к которой не раз обращались историки и этнографы, занимавшиеся изучением русскоустьинцев и семейских, является характер их первых встреч с народами Сибири, хозяйственное и культурное влияние коренных сибирских этносов на жизнь новых насельников на протяжении многовековой жизни. Тем не менее, на наш взгляд, еще далеко не обобщены да-

же известные в исследовательской литературе данные. Именно поэтому рассмотрение собственно лексики песенного фольклора индигирцев и забайкальских старообрядцев в настоящем исследовании предваряет описание их контактов с иноэтническим окружением, обусловивших характер бытовой и обрядовой культуры этих групп русского населения.

Изучение песенной лексики потребовало привлечения максимально большого числа текстов. И авторы работы обратились не только к опубликованным записям песен русскоустьинцев и семейских, но и к различным архивам. Источниками расширения круга анализируемых текстов явились наши собственные полевые записи (семейские) и архивы (русскоустьинцы). Относительно последних: как известно, самое обширное собрание записей фольклора, в том числе песенного индигирцев, находится в Архиве Якутского научного центра Сибирского отделения РАН. К сожалению, оно нам не было доступно, но известно по копиям, которые были сделаны в 1973 г. сотрудниками сектора русского народного творчества Бурятского института общественных наук БФ СО АН СССР под руководством Л.Е. Элиасова (данные копии хранятся в Рукописном отделе Бурятского научного центра СО РАН). Понимая всю сложность использования этого источника, который, являясь вторичным, возможно, содержат какие-то неточности, мы, тем не менее, учитывая огромный интерес к песням русскоустьинцев, опираясь на него, вводим в научный оборот те тексты, которые пока еще не были опубликованы.

Русскоустьинские песни составляют первую часть Приложения (№№ 1–67), песни, записанные от семейских, – вторую (№№ 68–131). Две записи из первой части и все из второй представлены в аудиоприложении на mini-CD в формате mp3 (номера файлов и номера публикуемых текстов песен соответствуют друг другу).

Первая глава книги и заключение написаны В.Л. Кляусом, вторая – С.В. Супрягой. Приложение и аудио-CD подготовлены В.Л. Кляусом.

Авторы благодарят У.А. Пеньковскую за неоценимую помощь, которую она оказала им в процессе работы над данной книгой, а именно – в поиске архивных записей и в компьютерном наборе текстов, использованных для последующего анализа песенной лексики.

Выражается также искренняя признательность Н.А. Антроповой, Т.М. Анаховой, А.М. Белокрысу, А.Г. Гомбожапову, Л.Н. Ильюшенковой, Г.Е. Солдатовой, Л.П. Маховой и В.Д. Осиповой за помощь в собирании материалов и расшифровку отдельных текстов; А.И. Алиевой, В.А. Бахтиной, А.А. Бурыкину, В.М. Гацаку, А.Г. Игумнову, Е.В. Миненок, Ю.И. Смирнову, А.Т. Хроленко – за их советы, рекомендации и критические замечания, высказанные в процессе написания работы.

Особая благодарность – Д.В. Карпухину за помощь в подготовке аудиоприложения.

Глава 1
РУССКУСТЬИНЦЫ И СЕМЕЙСКИЕ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ИНОЭТНИЧЕСКИМИ КУЛЬТУРАМИ

1.1. Русскоустьинцы Якутии

Дата первого появления русских на Индигирке до сих пор точно не установлена. Известно предание о том, что они якобы были здесь уже в XVI веке: стремление жить в вольности будто бы заставило некоторых новгородцев целыми семьями уйти на восток по морю, вдоль побережья Северного ледовитого океана, когда Великий Новгород после 1570 г. потерял независимость [Зензинов 1914: 11–12]. Ряд исследователей указывает на неправдоподобный характер этого предания или вообще не принимают его во внимание при описании истории заселения русскими северо-востока Якутии [Биркенгоф 1972: 81–98; Гурвич 1966: 193–194; Каменецкая 1986b; Смирнов 1991: 23–25; Вахтин и др. 2004: 38]. Другие считают, что оно не лишено определенных оснований [Шуб 1949: 315; Чикачев 1990: 23; Дьяконова, Венедиктов и др. 1986: 5–6]. Составители сборника «Фольклор Русского Устья», в частности, указывают на тот факт, что предки русскоустьинцев не принадлежали к старообрядчеству, а это якобы свидетельствует о том, что они оказались на Индигирке до реформ патриарха Никона[4]. С.Н. Азбелев при датировке появления русских на Индигирке предлагает учитывать раннюю историческую песню о Скопине, бытование которой у русскоустьинцев, по его мнению, указывает на то, что их предки обосновались на Индигирке «немногим позднее 1610 года» [Азбелев 1986].

Однако, вероятнее всего, постоянное население в низовьях реки сформировалось намного позже – к концу XVII века. Предположительно, это были переселенцы с индигирских верховьев, которые ушли в низовья реки, спасаясь от оспы (см.: [Полевой 1990]), а возможно, и выходцы с Анадыря, о чем говорит одно из преданий (см.: [Биркенгоф 1972: 91]). И.С. Гурвич считает, что численность русского населения в дельте Индигирки в этот период составляла всего лишь несколько семей [Гурвич 1963: 91]. Ю.И. Смирнов, опираясь на документальные свидетельства, установил даже имена и фамилии некоторых первых индигирцев: Ярофейка Киселев и Васька Гулызинский. Первый, по данным исследователя, бежал на Индигирку от властей в 1650-м году, второй обосновался там несколько позднее, после 1660-го года [Смирнов 1991: 24–25].

Русское население низовьев Индигирки первоначально оказалось в

---

[4] Относительно аргумента о «дониконианском» субстрате русскоустьинцев укажем, что реформы церкви до крайних северо-восточных пределов страны, вероятно, дошли с большим опозданием и, скорее всего, в условиях удаленности от административных центров (священники даже в XIX веке появлялись здесь не чаще одного-двух раз год) индигирцами они были просто не замечены.

окружении юкагиров и тунгусов. Якуты пришли сюда позже, хотя в настоящее время именно они доминирующий этнос в регионе. Исследователями – этнографами, фольклористами, краеведами – сделано много для изучения русскоустьинцев,[5] однако интерес к этой группе русского старожильческого населения Сибири не ослабевает и поныне[6].

Наиболее ранние документальные свидетельства о низовьях Индигирки – челобитные и отписки царю Алексею Михайловичу – характеризуют этот край как «юкагирскую землицу». *«И в прошлом же, государь, во 147-м году,*[7] – писали в Сибирский приказ якутские воеводы Петр Головин и Матвей Глебов, – *он Посничко с товарыщи з двадцатью с семью человеки пошел с Янги реку вверх по Толстаку на Индигирскую реку в Юкагирскую землицу...»* (цит. по: [Казарян 2002]).

Первые контакты казаков, пришедших *«...по морю на новую сторонную, на Индигирскую реку, а Собачья тож, для прииску новых землиц и для приводу под ... государеву, царскую высокую руку новых неясачных иноземцев»* (из челобитной Ивана Реброва, написанной в 1649 г.) (цит. по: [Открытия 1951: 153–154]), как и в большинстве других сибирских земель не были мирными. Иван Посник, видимо, первым пришедший в низовья Индигирки, писал царю: *«Приходом в Янской острожек с верх Одучея реки тот ясачной байдынской князец Селбук и бил челом тебе государю словесно на юкагирских мужиков, а те юкагирские мужики под твою государеву царскую высокую руку не приведены и ясаку о себе тебе великому государю давывали, а приходят де те юкагиры по вся годы войною на тех твоих государевых байдынских якутов, на него Селбука и на его улусных людей, скот их — кони и коровы — отганивают, а жены их и дети в полон емлют. И мы, государь, холопи и сироты твой по его Селбукову словесному челобитью ходили за теми юкагирскими мужики в погоню и дошли их житьях и кочевьях, и учали призывать под твою государеву царскую высокую руку ласкою и приветом, и учали с них прошат твой, государь, ясак. И они учинились непослушны и ясаку с себя тебе, великому государю не дали. И учали с нами те юкагирские мужики бится и из луков по нас стреляти. И мы, государь, холопи и сироты твои, прося у бога милости, билися с ними и промысл над ними учинили, многих тех юкагирских мужиков побили и улус их повоевали и двух мужиков живьем схватили, взяли с собою в вожи на Индигирскую реку и Юкагирскую землицу»* (цит. по: [Казарян 2002]).

Примеры военных столкновений казаков с юкагирами, взятые из «Истории России» С. Соловьева, приводит и Н.В. Зензинов, фактически первый исследователь культуры русского старожильческого населения

---

[5] См. библиографии исследований и публикаций по русскому населению Индигирки: [Чикачев, Зуборенко 1996].

[6] Одна из последних крупных работ, посвященных им, – книга Н. Вахтина, Е. Головко и П. Швайтцера «Русские старожилы Сибири» (М., 2004).

[7] То есть в 1639 году.

Индигирки (см.: [Зензинов 1914: 22, 24]), хотя, конечно, в его время подобного рода конфликтные отношения с аборигенным населением северо-востока Якутии стали уже областью преданий (см.: [Биркенгоф 1972: 91]). К примеру, по мнению ряда исследователей (см.: [Дьяконова, Венедиктов и др. 1986: 24]), в основе рассказов о так называемых «худых чукчах»[8] (этот образ имеет много мифологических черт) как раз и лежат случаи реальных нападений[9] на русскоустьинцев.

Одно из последних упоминаний о «немирности» коренных жителей низовий Индигирки относится к середине XVIII века. П.Т. Козьмин, участник экспедиции 1820–1823 гг. под руководством Ф.П. Врангеля, передает рассказ восьмидесятилетнего индигирца мещанина Кочевщикова о том, как он попал туда. В 15-летнем возрасте он вместе со своим братом и другими людьми спустился по Лене и после нескольких лет, проведенных в тундре, они поплыли на судне и потерпели кораблекрушение возле устья Индигирки: «На берегу реки, изобильной рыбой, построили они хижину и провели там зиму. Хотя жилище их лежало только в 15-ти верстах от селения Едомки, но с жителями они не видались, потому что прежде много наслышались о хищности и разбоях туземцев» [Врангель 1948: 238–239].

Уже в конце XVII века конфликтные взаимоотношения между русскими и аборигенным населением Якутии постепенно из области вооруженных столкновений стали переходить в сферу тяжб в органах власти. Известно, что уже в 1670-е годы многие районы этого российского края из-за обращений тунгусов и якутов к властям официально оказались закрытыми для русских промышленников (см.: [Гурвич 1963: 83–84]). Яркое свидетельство новых форм решения споров и конфликтов – жалоба индигирских якутов, поданная в 1831 г. в Комиссию по переобложению инородцев ясаком, о том, что русские пришли, расселились на их землях и захватили лучшие рыболовные и песцовые места (см.: [Зензинов 1914: 16]). Первоначально русскоустьинцам предписывалось незамедлительно выселиться, но затем, вероятно, было принято компромиссное решение, по которому к аллаиховским якутам перешли только охотничьи угодья, находящиеся на Средней протоке Индигирки (см.: [Чикачев 1986: 368]).

Конфликтные ситуации, видимо периодически возникавшие между русскими и окружающим их неславянским населением, в основном были связаны с хозяйственной сферой. Вместе с тем, возможно уже на ранних этапах русские и аборигенное население низовий Индигирки в определенных трудных ситуациях помогали друг другу. В исследовательской литературе (см.: [Вахтин и др. 2004: 87; Колбасина 1998]) в качестве примера такой помощи со стороны юкагиров приводятся слова одного из русских

[8] См.: [Кротов 1934: 53; Биркенгоф 1972: 91; Чикачев 1990: 179–180].

[9] Здесь, конечно, необходимо иметь в виду то, что чукчи действительно дольше всех других сибирских народов активно сопротивлялись русской колонизации (см.: [Кузьминых 1994; Зуев 2002]).

без указаний на то, что они принадлежат так называемому «верховскому» жителю (то есть проживающему на Индигирке в районе Ожогино), которого встретил А.Л. Биркенгоф в 1930-х гг.: «Если у нас голодно, привезут без зову мяса оленьего и всего, что у них есть» [Биркенгоф 1972: 23]. Русскоустьинцы, как считается, были в менее тесных контактах с аборигенами, чем ожогинцы, тем не менее еще в 1740 г. Д. Лаптев, зимовавший с командой бота «Иркутск» на нижней Индигирке, упомянул о том, что «вверх по оной реке» в полутораста верстах «есть жила, пять зимовей», где живут «русские и разных родов новокрещенные и якуты» (Цит. по: [Экспедиция Беринга 1941: 161]). Для пробивки канала во льду, чтобы в начале лета вывести бот на чистую воду, было привлечено 85 «туземцев» [Берг 1946: 340]. Как замечает Ю.И. Смирнов, неизвестно, сколько среди них было русских [Смирнов 1991: 26], но, судя по количеству указанных «зимовей», – немного, и основными помощниками Д. Лаптева, скорее всего, были представители коренного населения Индигирской дельты, специально собранные для работы по устройству канала.

За сто шестьдесят лет после этого события этнический состав жителей на нижней Индигирке почти не изменился – русские, якуты, эвены, юкагиры (статистические данные 1897 г. С.К. Патканова) (см.: [Гурвич 1966: 198]). И конечно же, совместное проживание этих этносов на протяжении такого длительного времени не только способствовало их хозяйственным, торговым взаимоотношениям или тому, что русские брали на воспитание детей аборигенов (см.: [Вахтин и др. 2004: 88], нанимали коренных индигирцев в работники (см.: [Зензинов 1914: 28; Зензинов 1920: 79–80]), но и приводило к возникновению брачных союзов и духовно-родственных отношений.

Правда, исследователи пишут, что браки русскоустьинцев с коренными индигирцами были редки (см.: [Зензинов 1914: 84; Гурвич 1966: 197; Чикачев 1986: 368]). Но это в конце XIX – начале XX века. А на первых этапах заселения нижней Индигирки браки с проживавшими здесь инородцами, как предполагается, заключались довольно часто[10]. В частности, на это указывают данные антропологического анализа, объективно доказывающие преобладание монголоидных черт в облике современных русскоустьинцев (см.: [РСС 1973: 159]); подсчеты исследователей, говорящие, в частности, о

[10] Как известно, в XVII веке государственная политика в этом вопросе была противоречива. С одной стороны, было очевидно, что казакам, находящимся на многолетней службе в Сибири, невозможно обходится без семей. И, к примеру, в 1649 г. Енисейскому воеводе было предписано, *«чтобы впредь из ясыря с Байкал-озера, с Лены и из других немирных землиц, из братских людей и из других крещеных женок и девок выдавать за служилых людей и за пашенных крестьян замуж»* (цит. по: [Гурвич 1963: 79]). С другой стороны, было установлено строгое наказание за браки с аборигенами, так как они приводили к уменьшению сбора ясака (см.: [Гурвич 1963: 79: Вахтин и др. 2004: 25]).

том, что во второй половине XVII века у русских служилых людей и промышленников, живущих на северо-востоке Якутии, в женах и наложницах находилось от 10% до 20% женщин-юкагирок (см.: [Долгих 1960: 544–548; Гурвич 1963: 82–83]), а также устные свидетельства современных индигирцев, которые, возможно, основаны на семейных преданиях:

«- Русскоустьинцы – они русские или нет? [Соб.]

- Местные они. Кто-то раньше приехал, в давнишние времена, кто-то поженился, один родился, другой и началось... вот, русскоустьинцы. Потому что здесь они родились.

- Они смешивались с другими нациями? [Соб.]

- Ага, смешивались. С коренным населением. Приезжие приезжают, поженятся, потому у них дети будут – это в старину, давно-давно.» [Вахтин и др. 2004: 116].

«- Русское Устье – русская деревня была? [Соб.]

- Русская. Потому что они давно уж жили очень. Еще вот мы-то сами еще не родились-то. Там жили, правда, старики-то. Вообще, у русскоустьинцев в роду не одни русские были, смесь вот. Ну вот как мы были все, смесь... эвены там или эти другие. Откуда там они, правда, наши пришли или приехали, я уж это и не знаю» [Там же: 150].

Но даже если брачные союзы с юкагирами, эвенами или якутами действительно были такой редкостью, как об этом писал Н.В. Зензинов (а за ним и другие исследователи), то, учитывая общий количественный состав русскоустьинцев, который на протяжении длительного времени (с 1750 по 1985 гг.) не превышал 500 человек (см.: [Чикачев 1990: 25; Вахтин и др. 2004: 40]), эти немногие браки даже в конце XIX – начале XX в. все же составляли значительный процент от общего числа. На актуальность браков с инородцами в сознании индигирцев, между прочим, указывает следующее святочное гадание, которое совершали девушки на перекрестке: «Чертили в снегу круг, ложились в него лицом и слушали. Если слышался конский топот или ржание, то муж будет якутом; если лаяли или выли собаки, – то местный [русский – В.К.]; если слышалось хорканье оленя – мужем будет чукча» [Каменецкая 1986а: 352].

Проблема контактов русскоустьинцев и коренного населения северо-востока Якутии, по мнению Р.В. Каменецкой, неясна [Каменецкая 1986а: 346]. Действительно, авторы, наблюдавшие жизнь индигирцев, довольно скупо об этом пишут, тем не менее их материалы, без сомнения, свидетельствуют о том, что эти контакты были довольно частыми и касались всех сторон жизни – не только брачно-родственных, но и духовных связей, когда русскоустьинцы становились крестными детей своих северных соседей (см.: [Чикачев 1990: 110]), эти связи проявлялись в дружеских и быто-

ных взаимоотношениях (см.: [Биркенгоф 1972: 67–68; Кротов 1934: 58; Зензинов 1914: 83; Зензинов 1920: 75]), имели место в торговле, хозяйственной и обрядовой сфере (см.: [Биркенгоф 1972: 68; Зензинов 1914: 28, 98–100]).

Все это, несомненно, оказало существенное влияние на культуру и быт русского старожильческого населения Индигирки. И фактический материал, приводимый исследователями Русского Устья, многократно подтверждает это. От юкагиров, эвенов, чукчей или якутов заимствованы одежда и обувь, в частности используемые на промыслах [Биркенгоф 1972: 70–73; Каменецкая 1986а: 350; Чикачев 1990: 94–100; Колбасина 1998], способы охоты на оленей [Каменецкая 1986а: 345; Колбасина 1998], домашняя утварь (чувал, орон) [Чикачев 1990: 82–83; Колбасина 1998], жилищные постройки (ураса) [Чикачев 1990: 84; Колбасина 1998], собаководство [Биркенгоф 1972: 18], бытовая привычка есть мясо с ножа [Зензинов 1914: 69–70], вообще отношение к еде как к самому важному в жизни человека [Там же: 60][11].

Примечательно, что достаточно свободные добрачные половые взаимоотношения, при которых многие молодые русскоустьинские женщины еще до выхода замуж имели так называемых «девьих» детей (и это не считалось зазорным, не осуждалось обществом[12]), соотносимы с обыденными нравами аборигенов Севера в этой сфере (см.: [Иохельсон 2005: 108–115; Крашенинников 1948: 226; Гоголев 1999: 27]).

Отдельного упоминания заслуживает язык русскоустьинцев. Исследователи отмечают влияние якутского, юкагирского, эвенского языков на уровне синтаксиса, грамматики, лексики (см. об этом подробнее во 2-й главе), при том что, по свидетельству Н.В. Зензинова, к примеру, на якутском языке русские индигирцы говорили плохо [Зензинов 1914: 103].

Конечно же, не менее значимо было влияние аборигенных традиций на обрядовую жизнь русскоустьинцев. Один из наиболее показательных примеров – так называемые «русские шаманы». Данное явление пока еще слабо изучено, но известно, что русские шаманы в Якутии существовали уже в начале XVIII века. Так, в реестре шаманов (как тогда говорили – инородцев, называемых «шитыми рожами»), подготовленном тобольским дворянином Вокулиным, которому было поручено везти их в Петербург,

---

[11] Здесь, конечно же, нужно помнить о том, что русские, придя в Сибирь, в Якутию, принесли с собой иные, что называется, «технологии жизни». Позаимствовав у аборигенных народов те или иные стороны хозяйствования, они не просто повторили, скопировали их, но даже интегрировали в свой быт и, используя богатый опыт, прежде всего северно-русский, создавали новые элементы хозяйственной и материальной культуры.

[12] Об этом упоминал уже И.А. Худяков, писали Н.В. Зензинов, А.Л. Биркенгоф, Л.Г. Чикачев (см.: [Худяков 1969: 97; Зензинов 1914: 83–84; Биркенгоф 1972: 74; Чикачев 1990: 111]).

оказались и «шаманы Якутского города, тамошние уроженцы, русские люди Федор Турбин, Семен Рубачев» [Серошевский 1896: 628]. Русские шаманы, хотя и редко, но встречались и в других сибирских регионах «пограничья» культур и традиций – на Енисее (см.: [Щапов 1872: 187]), на Чуне (см.: [Чеканинский 1914: 77–78]), на Чукотке (см.: [Богораз-Тан 1939: 123]).

О русскоустьинских шаманах упоминают Н.А. Габышев, А.Л. Биркенгоф и М.А. Кротов. Причем последний поместил рассказ П. Чикачева о своей сестре Марии Чикачевой, в котором описываются ее «пóкусы»[13] и способы лечения:

«Если кто сильно заболеет, – на помощь звали шамана. Иной шаман стрески (сразу, вдруг) на ноги ставить пособлял, иной говорит – другого ищите, у меня сила не берет. У меня сестра была, Мария Ивановна, тоже шаманка. Велит деревянного человека «доспеть» (сделать) или платок дать, потом в бубен как хлопнет, он («человек» или платок) навеки тератса (исчезает). Она всех боле была шаманов. Кровь если накопится у человека внутре – брала она ее на белый платок. А повального поветрия не лечила, сама боялась. Маленько попереди, как запрещенье пришло шаманить, она к ужину горшок повесила, вышла на двор и вдруг умерла, даже и оха не застали...» [Кротов 1934: 56].

На таком фоне случай, рассказанный Н.В. Зензиновым[14], – лечение сына старосты Русского Устья якутским шаманом [Зензинов 1914: 98–100], выглядит вполне обыденной практикой, что на самом деле, видимо, так и было (см.: [Худяков 1969: 98; Чикачев 1990: 124–126]).

Н.В. Зензинов, описывая якутского шамана, упомянул следующий его способ лечения бельма: шаман наставлял на больной глаз медное кольцо (кроме кольца можно было использовать деревяшку с выпавшим сучком) и громко, неожиданно кричал, как бы пугая бельмо, чтобы больной вздрогнул [Зензинов 1914: 100]. Примечательно, что о точно таком же способе, но уже как о собственно русском, бытовавшем среди индигирцев, писали М.А. Кротов («если появится бельмо – кричат на глаз через колечко...» [Кротов 1934: 56]) и А.Г. Чикачев («старались резким криком испу-

---

[13] Ср.: описание камлания, сделанное А.Л. Биргенгофом, во время которого появился и исчез малахай шамана – см.: [Биркенгоф 1972: 124–125].

[14] Опыт Н.В. Зензинова и сделанные им наблюдения интересны, во-первых, в том плане, что о существовании шаманов, несмотря на постоянные расспросы исследователя о них жителей деревни, он узнал совершенно случайно, уже к концу пребывания на Индигирке, что свидетельствует об определенной закрытости русскоустьинцев. В похожей ситуации оказался и А.Л. Биркенгоф, но его настойчивость в расспросах увенчалась определенным успехом: хотя и не у русскоустьицев, но у рядом проживавших юкагиров ему удалось присутствовать при камлании старого шамана (см.: [Биркенгоф 1972: 117–126]).

гать больного, иногда стреляли у его уха; причем кричали через медное колечко» [Чикачев 1990: 122]). Налицо – факт заимствования русскоустьинцами одного из магических средств якутской народной медицины.

Среди других обычаев и поверий, возникших в культуре русскоустьинцев явно не без влияния окружавших их юкагиров, эвенов и якутов, следует также назвать почитание огня [Худяков 1969: 98; Зензинов 1914: 95; Кротов 1934: 52; Дьяконова, Венедиктов и др. 1986: 15; Каменецкая 1986а: 354; Чикачев 1990: 132]; обычай умилостивания сендушного[15] бросанием пищи в огонь после возращения с охоты [Алексеев 1948: 70]; почитание духов гор [Иохельсон 2005: 298–300]; обычай называть ребенка собачьим именем, если в семье не держались дети [Зензинов 1914: 96]; обычай захоронения оружия (в частности, стрелы), из которого убивали «худого чукчу» [Базилишина 2000а: 69–70]; табу жарить рыбу (чир) в промысловый период [Зензинов 1914: 96–97][16]; обычай оставлять жизнь последнему гусю, обращаясь к нему с пожеланием: *«Вот мы тебя оставили в живых и на волю выпускаем. Ты нам за это на будущий год приведи сюда побольше своих товарищей»* [Каменецкая 1986а: 344]; запреты на рассказы о «чертях» [Базилишина 2000а: 86-87, 180]; вера в то, что если ребенок родится во время хорошей погоды, то это позволит ему в будущем влиять на нее, совершая определенные обряды [Смирнов 1986а: 25; Каменецкая 1986а: 353; Чикачев 1990: 132, 182]; поверье, что летом, при тяжелой работе (гребле или на сенокосе) нельзя есть жирной рыбы, так как из-за этого на ладонях появляются водяные мозоли (*«Особенно якуты себя соблюдают – сухую-сухую рыбу едят, да и русский себя наблюдат – когда ездит он-да не ест жирное»* [Биркенгоф 1972: 166]). При этом почитание медведя [Алексеев 1948: 71–72; Дьяконова, Венедиктов и др. 1986: 15; Чикачев 1990: 133], а также хозяев моря и рек [Худяков 1969: 98; Дьяконова, Венедиктов и др. 1986: 13, Каменецкая 1986а: 355; Чикачев 1990: 130; и др.] является типологически общим в культурных традициях русских и коренных жителей Сибири, что, в свою очередь, способствовало взаимопониманию и сближению культур русскоустьинцев и коренных индигирцев на первых этапах их жизни по соседству. К примеру, образ *сендушного*, хозяина тундры, как его описывают индигирцы (см.: [Алексеев 1948: 70–71; Каменецкая 1986а: 354; Чикачев 1990: 128–129; др.]), без сомнения, возник на пересечении русских и аборигенных представлений о мифологических существах, распоряжающихся зверями и птицами, благосклонность которых обеспечивает благополучие и достаток в жизни.

Контакты с коренными жителями северо-востока Сибири на протяжении всего времени проживания «досельных» русских в дельте Индигир-

---

[15] *Сендушным* индигирцы называют духа-хозяина «сендухи» – тундры.

[16] О том же упоминает и А.Г. Чикачев, но без указания на промысловое время [Чикачев 1990: 134].

ки наложили на них неизгладимый отпечаток. По характеру быта, внешнему облику, особенностям языка они, на первый взгляд (особенно для приезжавших сюда с 1950-х гг. так называемых «настоящих русских»), почти не отличались от аборигенного населения края.[17] Тем не менее русскоустьинцы всегда считали и до недавнего времени продолжали считать себя русскими[18].

Основными факторами, способствовавшими сохранению этнической самоидентификации индигирцев, как считает А.Г. Чикачев, являются компактность расселения, натуральный характер хозяйства, территориальная обособленность, некоторая отдаленность от коренных народов и относительно редкие браки с юкагирами и якутами [Чикачев 1986: 368; Чикачев 1990: 32]. Г.Н. Колбасина считает также существенным семиотический аспект культуры: «Здесь, на границе с чужой культурой, явственнее и глубже познается своя. Этим можно объяснить стремление понизовщиков держаться за свои «досельные», старинные обычаи — как они говорили, «вера у нас такая» [Зензинов 1913: 35] (см. также: [Каменецкая 1986а: 356; Колбасина 1998]). Н. Вахтин, Е. Головко и П. Швайтцер отметили фактор внешнего порядка: «Не исключено, что государство, поместив индигирских жителей в главную клеточку своей «этнической таблицы» с названием «русские», просто не позволяло забыть им о своей «русскости» [Вахтин и др. 2004: 87].

Мы бы хотели указать еще на одну возможную причину, способствовавшую сохранению русскоустьинцами исконных представлений о своей этничности. Это – топонимика. Одна из проток Индигирки была названа «русской»[19] по той причине, что она самая западная и находится к Руси ближе, чем Средняя (название говорит само за себя) и Колымская (восточная) протоки. Затем по «русской» протоке было названо одно из поселений

---

[17] Хорошо известны восторженные строки Н.В. Зензинова, написанные им в первый день пребывания в Русском Устье: «Не знаю и не понимаю, куда я попал. После полуторамесячного странствия по якутам с их непонятной речью и чуждой жизнью, я вдруг снова очутился в России. Светлые рубленые избы, вымытый деревянный пол, выскобленные столы – и чистая русская речь. Лица открытые, простые, великорусские черты – нет и намека на Азию. Это, конечно, Россия, но Россия XVIII-го, быть может, даже XVII-го века. Странные, древние обороты речи и слова, совершенно патриархальные, почти идиллические отношения» [Зензинов 1920: 69]. Но это, скорее всего, эмоциональная реакция человека, уставшего от долгого переезда по якутским просторам, наконец достигшего конечной точки своего путешествия и пока еще не познакомившегося со всеми его жителями. Фотографии, сделанные Н.В. Зензиновым, совершенно опровергают его слова о том, что в чертах русскоустьинцев «нет и намека на Азию».

[18] См. новейшее исследование, посвященное этому вопросу: [Вахтин и др. 2004: 69–214].

[19] С этим названием она впервые упоминается в 1651 г. в отписке десятника Пантелея Макрошубова, в которой сообщалось, что он вышел на Индигирку, «на устье первое с русского конца» (цит. по: [Смирнов 1991: 26]).

Русское Устье, ставшее со временем центром края. Эти названия постоянно напоминали обосновавшимся здесь с конца XVII века немногочисленным русским об их исконной этничности: кто может жить на Русской протоке или в Русском Устье, как не «русские»?

Исследования Н. Вахтина, Е. Головко и П. Швайтцера показывают, что самоидентификация русскоустьинцев как «русских» была сильно подорвана в 50-е годы XX столетия, когда они столкнулись с массой «настоящих русских», приехавших на северо-восток Якутии с материковой России [Вахтин и др. 2004: 88–89, 116–128 и др.]. Отвечая на вопрос, кто они, авторы пишут, что русскоустьинцы, равно как колымчане и марковцы, «представляют собой смешанные группы, которые можно представить как расположенные на шкале от «коренных» к «русским», справедливо отмечая, что смешение – это «этническая и культурная реальность на российском Севере и во всем циркумполярном регионе» [Там же: 256].

Русскоустьинцы – яркий пример образования этнокультурной группы в условиях хозяйственного, торгового, фольклорно-обрядового и проч. взаимодействия нескольких традиций (русской с юкагирской, эвенской, якутской и, видимо, отчасти чукотской) и существования этого этнокультурного сообщества на ограниченной территории в течение почти трех столетий.

1.2. Семейские Забайкалья

Изучение культуры забайкальских старообрядцев началось во второй половине XIX столетия. Сотни исследований и публикаций, вышедших за более чем полуторовековой период, посвящены обрядовым традициям, быту, материальной культуре, языку, фольклору и, конечно, истории семейских, которая подробно освещена в целом ряде работ[20]. Поэтому здесь мы не будем останавливаться на этом. Подробно с описанием переселения ветковских старообрядцев в Забайкалье в XVIII веке можно познакомиться, к примеру, обратившись к книгам Ф.Ф. Болонева (1978, 1994, 2004).

Этноним «семейские» появился, видимо, в конце XVIII века, но в литературе употребляется с начала XIX и является, скорее всего, самоназванием (первоначально в форме «семейные») (см.: [Мартос 1827: 115]). Наиболее распространенная точка зрения возникновения данного этнонима состоит в том, что, в отличие от других переселенцев того времени, эта группа русских переехала за Байкал именно семьями (см.: [Гирченко 1921: 5; Долотов 1931: 10; Козина 1998] и др.). Существуют и иные гипотезы. Так, А.М. Селищев полагал, что данный этноним произошел от названия реки Семи (Сейма), где жила часть предков семейских еще до переселения

[20] Библиографию исследований и публикаций по семейским см.: [Рызгенова, Чимбеев 2001; Кляус 2001а].

в Польшу [Селищев 1920: 69][21].

В истории формирования семейской культуры и фольклора пока еще много неясного. Одни исследователи указывают, что группа забайкальских староверов сложилась из последователей «древнего благочестия», в свое время бежавших в Польшу из Московской, Тверской, Тульской, Рязанской, Орловской земель, и считают, что в основе их культуры лежат традиции Центральной России; другие отмечают в ней значительную долю южнорусского влияния; третьи выявляют севернорусское происхождение некоторых ее элементов (см.: [Болонев 2004: 109–122, 130–133; Лебедева 1969; Лебедева 1973; Владыкина-Бочинская 1975: 133–135; Потанина 1994]).

Оказавшись за Байкалом, семейские попали в чуждую для себя природную, хозяйственную, культурную, религиозную и языковую среду, так как в середине XVIII века русское население региона было еще малочисленным. Доминирующее положение в демографической ситуации в тот период занимали буряты, исповедовавшие шаманизм и буддизм. Они были скотоводами и вели полукочевой образ жизни. К концу XVIII века, по данным V ревизии (1796 г.), всего в Прибайкалье и Забайкалье насчитывалось 31336 бурят мужского пола. При этом в Забайкальской области они составляли 42,2% от общего числа всего населения (см.: [Бураева 2000: 198]). Следует также заметить, что кроме бурят в Забайкалье проживали тунгусы (по данным 1796 г., 4843 мужчины). Правда, регион их расселения к этому периоду уже значительно сузился вследствие вытеснения в северные районы и в связи с процессами ассимиляции с бурятами и русскими (см.: [Долгих 1960: 247; Павлинская 1999: 264–267; Бураева 2000: 42–43]).

Надо сказать, что еще находясь «в Польше», предки семейских уже были хорошо знакомы с монголоидным антропологическим типом. Исследователи пока не обращали внимание на то обстоятельство, что один из известных ветковских священников – Михайло, неоднократно упоминаемый в различного рода документах и текстах того времени, был калмык[22]: *«Беглецы по втором заселении Ветки* [после первой «выгонки»[23] 1735 г. – В.К.], *не*

---

[21] Исторические источники показывают, что из проживавших в 1736 году на Ветке 16203 человек более двух тысяч (т.е. 12,5%) являлись выходцами из Белгородской области (включая Курскую и Орловскую земли) (см.: [Болонев 2004: 70]). Возможно, многие из них принадлежали к этнодиалектной группе «саяны» из Посемья, и именно они в середине XVIII века оказалась в Забайкалье (См. также: [Щавелев 2002; Апонасенок 2004]).

[22] Вот как об этом пишет некий Яков Беляев в письме от 1 августа 1789 г. Андрею Иоаннову, своему духовному отцу: *«Поп Михайло, природный Калмык, и виду весьма гнуснаго»* [Иоаннов 1855: 3: 83]. Последняя реплика весьма характерна в том смысле, что и автор письма, и А. Иоаннов, мягко говоря, не были доброжелательны к Михайлу Калмыку и очень плохо отзывались о его наставничестве в стародубских монастырях [Там же: 86–91].

[23] «Выгонкой» называют разгром и вынужденное переселение ветковских и стародубских старообрядческих слобод, которые происходили в XVIII веке в 1735 и в 1764 гг.

на том уже месте, где прежняя церковь стояла, но близ самой слободы, на месте, называемом Долинка, великую часовню поставили, и украсили оную пристойно иконами, и колокольным звоном наподобие церкви, где тогда поп Дионисий лет десять начальствовал. Затем белый поп Иван Федоров, поп Лазарь, в монашестве и схиме Лаврентий, схимник Григорий, чернец Валериан и Калмык Михайло следовали; и все сии попы при той часовне лет до двадцати служили» [Иоаннов 1855: 3: 34–35].

После второй «выгонки» 1764 г. Калмык Михайло переехал в Стародубье, где стал «начальником» в Покровском мужском и Казанском женском монастырях, причем жители Рогожского поселка в Москве «Покровский монастырь материю своею почитали, а Калмыка попа, там живущаго, за общаго отца признавали» [Там же: 37]. Известно, что он и бывал в Москве, в частности, приезжал сюда в 1779 г., чтобы принять участие в обсуждении вопроса о том, могут ли старообрядцы сами варить миро [Там же: 37–59].

Конечно же, часть первых «польских колонистов» знала и помнила Михайло Калмыка, но имело ли это влияние на характер их отношений с бурятами, внешне похожими на их оставшегося «в Польше» попа, сказать невозможно.

Придя за Байкал, семейские в силу хозяйственно-бытовых, конфессиональных, этнопсихологических и других причин оказались самой активной группой русского населения края. Используя весь свой хозяйственный опыт и природную смекалку, конфессиональную корпоративность, они довольно быстро освоились в суровых климатических условиях Забайкалья, успешно развивая хлебопашество, огородничество и скотоводство. Все, кто так или иначе сталкивался с семейскими, отмечают их трудолюбие, ставшее основой их зажиточности, достатка и успеха в деле освоения новых территорий (см.: [Палас 1778: III: 226–227; Бестужевы 1929: 14–15; Геденштром 1830: 60–61]). Буквально до конца XIX века забайкальские старообрядцы были основными поставщиками хлеба в Восточной Сибири (см.: [Болонев 1978: 34]). Показателем высокого уровня жизни семейских является увеличение их численности: по ревизии 1782 года, старообрядцев насчитывалось 4400 душ обоего пола, в 20-е годы XIX века – 8000 душ мужского пола, в 1850 г. – 17880, в 1871 – 30000, в 1892 – 37787, в 1900 – уже 42680 человек (см.: [Болонев 1994: 61–62]). В итоге к концу XIX века семейские стали одной из основных групп населения Западного Забайкалья. Считается, что в 60-е гг. XX века их насчитывалось порядка 100 тысяч человек (см.: [Элиасов 1969: 6]), при этом, как отмечают многие авторы, они хорошо сохранили славянский антропологический тип – светловолосые, голубоглазые, высокорослые, отличались отменным здоровьем[24].

[24] Объективные данные антропологических исследований семейских отражены в работах: [Талько-Грынцевич 1898; РСС 1973: 115–120 и др.].

Предки семейских в XVIII веке первоначально были приведены уже на обжитые места, освоенные пришедшими сюда ранее русскими, так называемыми «сибиряками». Известно, что «польские колонисты» (так называл семейских Паллас) в подавляющем большинстве сначала подселялись в уже существовавшие деревни (см.: [Болонев 2004: 290–301]). При этом генерал Якобий, который руководил их расселением, предписывал: *«По приводе в означенные места приказать геодезии поручику Федорову отводить под то поселение и для хлебопашества и сенных покосов с прочима принадлежащими угодьями места, <...> притом же чтоб прежние владельцы, а паче брацкие иноверцы не могла от отобрания от них земель восчувствовать огорчения»* (цит. по: [Гирченко 1921: 6]).

Академик П.С. Паллас, увидевший «польских» старообрядцев через десять лет после их появления в Забайкалье, писал: *«Оне имеют довольное хлебопашество, а жалуются только, что по подлежащим сенокосам не много для скота травы родится, которым напротив того оне уже довольно развелися <...> Поляки, чтоб кустоватые и лесистые места сделать пахотными, с чрезвычайным успехом употребляют плуг, коего сошники сделаны на подобие в их земле употребляемой ...»* [Паллас 1778: III: 225–226].

Забайкалье – регион рискованного земледелия, и нехватка плодородных земель заставляла семейских осваивать все новые и новые пространства, иногда и не спрашиваясь «высочайшего соизволения» (см.: [Ровинский 1973: 128; Селищев 1920: 2]). Нередко эти внутренние миграции сопровождались стычками с бурятами, чьи земли они занимали. Описание некоторых таких драматических ситуаций сделано П.А. Ровинским: *«Джидинские семейские стали селиться на Бичуре. Не страшил их никакой труд и борьба с природой, не встретили они сопротивления в русских посельщиках, сидевших в какой-то трущобе, в самом тесном месте Бичурской долины, среди болот, почему и названа та часть Грязнухой. Не то ожидало их со стороны бурят-казаков. Едва семейские пришли на место поселенья, которое вперед обследовали их ходоки, как бурята кинулись на них, вооруженные нагайками и чем попало, и стараясь потоптать их конями. Русские гуситы вооружились стягами, затаражились телегами и дали такой отпор, что они удалились. Но после еще были схватки и прекратились только вмешательством власти. Это было между 1798 и 1801 г. <...> У окинских семейских была такая же борьба. Борьба эта продолжалась не малое время, хотя и в другом роде. Бурята крепко жались в средней части Бичуры и жали русских вверх и в то же время не допускали их к Хилку. Таким образом, у русских отняты были луга. Буряты нарочно разбивали свои юрты на покосных местах, травили сено и даже хлеб. В 1810 году местная власть принялась за это дело очень крепко. бурятам велено откочевать на их собственные урочища, и потому уже столкновения становятся реже»* [Ровинский 1873: 127–128] (см. также:

[Гирченко 1921: 15–16; Талько-Грынцевич 2000: 58; Болонев 1978: 62]).

Как известно, последний всплеск земельных конфликтов между семейскими и бурятами произошел в 20-е годы XX столетия. В работе А.М. Селищева, вышедшей в то время в Иркутске, читаем, что «несколько лет тому назад была назначена особая комиссия, которой произведен был осмотр бурятской земли и намечены были участки для передачи крестьянам. При большевиках эти участки были утверждены за крестьянами. Но в настоящее время эта земля остается пока объектом претензий крестьян. «Хлопочим, но наша сила у тук нейдёт». Пока семейские ожидают законного общего передела земли, не хотят «итить на силок, нахратом брать». Но это терпение не прочно. При переживаемом безвременье эти претензии могут повести к печальным результатам» [Селищев 1920: 9].

О том же писала и А.М. Попова в конце 20-х гг. прошлого столетия: «С 1918 года семейские во многих местах путем столкновения заняли бурятские земли, поселились там и начали их обрабатывать. Сейчас семейские ожидают общего передела земли и надеются на то, что часть бурятских земель попадет им» [Попова 1928: 27].

Как порой действовали тогда семейские, можно судить по следующей истории, которую мы услышали в с. Новосретенка Бичурского района Бурятии:

«Тут основная заслуга, в общем, зарождения Новосретенки, нашей Новосретенки, Ткачева Петра Кондратьевича, ныне покойного. Ну, конечно, ему было бы 130 лет от роду. Так. Начали здесь они. Не хотели, не хотели буряты, чтобы это землю-то [продавать семейским – В.К.]. <...> *И потом решили давить на ламу* [лама запрещал бурятам продавать землю – В.К.]. *Да. Лама здесь был, от недалека здесь дом был. Я помню его! Этот дом, где Перфил Демьянович жил. От этот дом. У его шестнадцать комнат было! Дом такой был. Он жил. И от, этот Петр Понкратьевич – он был почти двухметрового сам по себе роста – в одно прекрасное время на лошаде верхом прискакал сюда с Бичуры. Ну, знал этого ламу. К нему. Да. И у Петра был наган. Самый настоящий. Я, – гыт, – только потряс им, и он дал согласие. А то оне не соглашались»* (АПК)

Среди семейских, как и вообще в Забайкалье, хорошо известно предание о том, что приход русских сюда когда-то был предсказан появлением в лесах «необычного дерева» – белой березы. Вот лишь два записанных ими текста:

«Он рассказал [старик бурят – В.К.], *когда-то рассказывал такую легенду, что вот пошли в лес буряты, и в лесу сначала были только сосны, и вот появилась березка, белоствольная красавица. И он сказал. Ну, это не*

он, конечно, еще предки сказали, что скоро русские появятся, станут здесь селиться» (ИВИ)[25].

- А почему буряты бежали, уходили отсюда? [Соб.][26]

- Вот чё-то не взлюбили тут. А вот так они бежали. Говорит, оказалась береза, белая береза оказалось рось там, там по горам, в лесу. Вот белый народ приедет, нас, нам жить не дась. Оне из-за этого по..., убежали. Какие успели, но побагачей-то убежали, а таки-то остались мало-мало, где нет такие возможность. Белая береза оказались на горе. Белый народ будет, нас вроде зажмуть или как она» (КГС).

На наш взгляд, в этом предании в определенной степени отражена напряженность в отношениях между первыми русскими поселенцами и бурятами.

Действительно, первоначально контакты русских с аборигенным населением Прибайкалья и Забайкалья носили конфликтный характер, хотя, как отмечают исследователи, они не были столь кровопролитны, как в Западной Сибири и в некоторых других сибирских регионах (см.: [Павлинская 1999; Бураева 2000: 25–29]). Со временем буряты и тунгусы не просто оказались одними из этносов восточных российских окраин, а стали играть важную роль в геополитике России, в частности, охраняя ее границы в составе казачьих соединений (см.: [Цыбиков 1981; Бураева 2000: 41]).

Для предков семейских, пришедших из Польши в Забайкалье, этот край не был terra incognita. Они знали о нем, по крайней мере, из «Жития» протопопа Аввакума – одного из идеологов древлеправославия, почти десятилетие прожившего здесь в середине XVII века[27]. Основная характери-

---

[25] Здесь и далее приводятся материалы из личного архива В.Л. Кляуса. Расшифровка инициалов (ФИО) исполнителей и информация о них даны в Списке исполнителей (см. Приложение).

[26] Этот вопрос был связан с предыдущим сообщением рассказчика о том, что в 20–30-ее гг. XX в. некоторые буряты тайно от новых властей переселялись в Монголию. Ответ на него прозвучал в форме старого бурятского предания, относящегося совершенно к иной эпохе. Это, очевидно, свидетельствует о том, что оно было актуально для бурят и в сложные постреволюционные годы.

[27] В «Сводном перечне рукописей старообрядцев Забайкалья в государственных хранилищах Сибири», который составлен С.В. Бураевой, «Житие» не упоминается, но это вовсе не означает, что семейские не были знакомы с его текстом. Во всяком случае, они знали и читали другие его сочинения в рукописном «Сборнике с посланиями протопопа Аввакума» [Бураева 2003: 66]. Были известны забайкальским старообрядцам и духовные стихи об Аввакуме, рассказывающие о его мученической жизни:

Ты не плачь, родная матушка,
Ты не бойся, родной тятюшка,
Аввакумушка, сын твой, мученик,
За веру праведну стоит, за христовую. <...>
Во неволюшке сидит сын божеский,
Он сидит, сидит да слово молвит всем,
Как его слова по Руси святой все расходятся... (См.: [Элиасов 1969: 120]).

стика, которую «огнеопальный» протопоп дает забайкальским аборигенам в своем жизнеописании, – «варвары», «немирные», и большинство встреч с ними Аввакум описывает как конфликтные ситуации, что в целом соотносится с общим фоном взаимоотношений, существовавших в тот период между русскими и сибирскими инородцами.

К примеру, в одной из редакций его автобиографии (Прянишниковский список) рассказывается о постоянной опасности, которой подвергалась семья протопопа во время жизни в Верхшилкинском остроге:[28] *«С детьми сам третей отъехав, промышлял траву и коренье, и черемху. И жил на одном месте целое лето, и лишо к жене и к детям приехал, на мое место наши люди промышлять приехали. И на них нападоша варвары и всех иссекоша и побиша. <...> Егда же по бору ходим тово, и смотрим, как застрелит иноземец»* [Аввакум 1960: 322].

Точно такая же характеристика забайкальским аборигенам дана Аввакумом и при описании его возвращения в Москву: *«Таже с Нерчи реки паки назад возвратилися к Русе. Пять недель по льду голому ехали на нартах. Мне под робят и под рухлишко дал две клячки, а сам и протопопица брели пеши, убивающеся о лед. Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошадей не смеем, а за лошедьми итти не поспеем, голодные и томные люди»* [Робинсон 1963: 154].

Именно враждебным отношением «иноземцев» к русским попытался, по мнению Аввакума, воспользоваться Пашков, чтобы погубить его: *«Десеть лет он меня мучил или я ево – не знаю; бог розберет в день века. Перемена ему пришла, и мне грамота: велено ехать на Русь. Он поехал, а меня не взял; умышлял во уме своем: "Хотя-де один и поедет, и ево-де убьют иноземцы". Он в дощениках со оружием и с людми плыл, а слышал я, едучи, от иноземцов дрожали и боялись»* [Там же: 157–158].

Вообще, из «Жития» нам мало известно о жизни протопопа в Даурии, а тем более о его взаимоотношениях с коренными забайкальцами, хотя там он провел несколько лет. Но без сомнения, эти встречи были не так уж редки. Известно, что Афанасий Пашков находился с отдельными их группами, в частности, с некоторыми тунгусскими родами, в союзных взаимоотношениях[29], которые позволяли ему совершать совместные военные походы. Перед началом одного из них, когда казаки и протопоп жили на Иргень-озере, шаман «союзников», чтобы обеспечить удачу, совершил кимлание, которое этнографически достаточно точно описано автором «Жития»: *«Волъхв же той мужик, близ моего зимовья, привел барана живова в вечер и учал над ним волъхъвовать, вертя ево много, и голову прочь отвертел и прочь отбросил. И начал скакать, и плясать, и бесов призы-*

[28] Впоследствии он получил название Нерчинский острог, ныне это г. Нерчинск.

[29] См.: [Артемьев 2003: 56]. О расселении тунгусов в Забайкалье в XVII в. см.: [Уварова 2005: 30–31].

вать и, много кричав, о землю ударилъся, и пена изо рта пошла. Беси давили ево, а он спрашивал их: «Удастъся ли поход?». И беси сказали: «С победою великою и з богатъством большим будете назад» [Там же: 156].

Мог ли Аввакум, в связи с увиденным в Забайкалье и вообще в Сибири, задумываться о миссионерской деятельности среди народов этого обширного края, об обращении язычников в христианскую веру? Вероятно, да. Во всяком случае, протопоп, описывая небогоугодное поведение Афанасия Пашкова в Даурской земле, делает «иноземцев» свидетелями чуда – божьего наказания за грехи: *«Да и паки, бедной, коварничать стал о божием деле* [Пашков – В.К.]. *На другой год насеел было и много, да дождь необычен излияся, и вода из реки выступила и потопила ниву, да и все розмыло, и жилища наши розмыла. А до тово николи тут вода не бывала, – **и иноземцы дивятся*** [Выделено нами. – В.К.]. *Виждь: как поруга дело божие и пошел страною, так и бог к нему странным гневом!»* [Там же: 163].

Вряд ли здесь Аввакум реально читал проповедь «иноземцам», разъясняя им свое понимание причин наводнения, но показательно, что в его повествовании они становятся не просто свидетелями гнева христианского Бога, а людьми, удостоверяющими чудесность произошедшего. При этом они, возможно, действительно реально удивлялись необычно большому паводку, о чем и мог слышать протопоп.

Вообще же, обстоятельства жизни Аввакума в Сибири не способствовали миссионерской деятельности: находясь под начальством Пашкова, ему порой было сложно совершать даже обычные требы для казаков своего же отряда. Но на определенный миссионерский настрой протопопа указывает его поведение во время встречи с остяками[30] на Иртыше при возвращении в Москву: *«Три годы ехал из Даур, а туды волокся пять лет против воды; на восток все везли, промежду иноземъских оръд и жилищ. Много про то говорить! Бывал и в ыноземъских руках. На Оби – великой реке предо мною 20 человек погубили християн, а надо мною думав, да и отпустили совсем. Паки на Иртыше-реке собрание их стоит: ждут березовских наших з дощеником и побить. А я, не ведаючи, и приехал к ним и, приехав, к берегу пристал: оне с луками и объскочили нас. Я-су, вышед, обниматца с ними, што с черницами, а сам говорю: "Христос со мною, а с вами той же!" И оне до меня и добры стали, и жены своя к жене моей привели. <...> Спрятали мужики луки и стрелы своя, торъговать со мною стали, – медведен я у них накупил. – да и отпустили меня»* [Робинсон 1963: 160].

Возможно, здесь – всего лишь реакция человека, попавшего в сложную ситуацию, неверное поведение в которой грозит ему гибелью. Видимо, это и имеет в виду А.Р. Артемьев, который пишет буквально, что Ав-

[30] См.: [Шашков 2004: 74].

вакум «схитрил» во время этой встречи [Артемьев 2003: 59]. Но вероятнее всего, что, прожив несколько лет в Сибири, Аввакум стал относиться к сибирским народам, несмотря на их иные религиозные воззрения, как к божьим детям, тем более что, действительно, были моменты, когда он находился с ними в абсолютно одинаковых условиях. Так, в Братском остроге Аввакум *«сидел до Филипова поста, в студеной башне; там зима в те поры живет, да бог грел и без платья! <...> Хотел на Пашкова кричать: "Прости!" Да сила божия возбранила, - велено терпеть. Перевел меня в теплую избу, и я тут с аманатами*[31] *и с собаками жил скован зиму всю»* [Робинсон 1963: 150].

Доброжелательное отношение Аввакума к «иноземцам» в Даурии более явно видно на примере другого текста – так называемой «Записки о жестокостях воеводы Пашкова», приложенной к первой челобитной Алексею Михайловичу. Здесь коренных забайкальцев он только один раз называет «иноземцами», причем только в начале записки. А затем говорит о них, как о «переводчиках», «аманатах», «государевых служивых людях», называя их при этом по именам – Данилка, Васька, Ивашко Тимофеев Жючерский, Илюшка Тунгусский, Гаврилка, Алешка, Андрюшка, Бакулайко с двумя дочерьми («Имен их не помню», – пишет протопоп), Марьица, Анютка, Овдотьица, четыре Маринки, две Палашки, Офроська с братом Ывашком, Константин и другие[32].

В предваряющей эту записку челобитной Аввакум фактически прощает Пашкова за свои мучения, которым тот подвергал его в Даурии: «*Токмо, государь, за мою досаду не вели ему мстите! И паки тебе, государю, припадаю, глаголю, слезы от очию моею испущая: не вели ему мстите!*» Но при этом он требует, чтобы взыскал его «яко Христос заблуждшее овча», давая такой совет: «*А время ему и пострищись, да же впредь не губит, на воеводствах живучи, христианства*» [Аввакум 1979: 135].

В следующей затем записке Аввакум, описывая мученья «иноземцев», буквально обращается от имени тунгусов и бурят за помощью к Алексею Михайловичу: «*А воевода Афанасей Пашков у казаков их* [Данилко, Ваську, Ивашку, Илюшку – В.К.] *отнял и взял к себе во двор сильно, и оне и по се время плачючи живут, мучатся у него во дворе, пособить себе не могут. А бьют челом великому государю, чтоб их свободил от порабощения и пожаловал в свой чин государев*»; далее о других – «*Да он же, Офонасей, государевых служилых двух людей взял во двор к себе силь-*

---

[31] Аманаты – заложники из числа аборигенов Сибири, как правило, представителей уважаемых родов, родственников вождей, которых казаки брали в плен с целью своевременной уплаты ясака.

[32] Вообще, русские в Сибири нередко для своего удобства давали представителям коренных народов русские имена, особенно тем, с кем давно общались и дружили. Но не кроется ли за этим и то, что некоторые из названных тунгусов и бурят были крещены Аввакумом?

но: Олешку Брацкова да Юшку Иванова. А те все люди, кроме государя, помощника себе не имеют» [Там же: 136].

Конечно, в определенном смысле Аввакум обвиняет Пашкова в том, что своими действиями воевода уменьшает сбор «государския казны», но в искренности его жалости к мучимым «иноземцам» не приходится сомневаться. Любопытно, что только после рассказа о них он описывает истязания, которыми подвергались русские казаки из отряда Пашкова. Это может указывать на то, что мучения «иноземцев»-язычников, которые приводили к ослаблению государственной власти в новых даурских землях, в глазах Аввакума были более тяжким преступлением воеводы, чем мучения казаков-христиан.

Таким образом, несмотря на, вроде бы, однозначную оценку сибирских инородцев в «Житии»[33], отдельные эпизоды из жизни, упомянутые и описанные протопопом: сидение с аманатами в течение целой зимы в Братском остроге, с которыми он делил все подневольные тяготы; интерес к рассказам «иноземцев» во время наводнения в Даурии; почти дружеские (в условиях войны) встречи с остяками на Оби и Иртыше – указывают, что отношение Аввакума к коренным народам Сибири и Забайкальского края не было только отрицательным. Записка к первой челобитной Алексею Михайловичу подтверждает это.

Кроме этих двух письменных источников («Жития» и «Записки») среди старообрядцев России в конце XVII – начале XVIII вв., возможно, бытовали и устные рассказы, посвященные даурскому периоду жизни «огнеопального» протопопа. Во всяком случае, предания об Аввакуме, записанные Л.Е. Элиасовым от семейских, в определенной степени могут это подтверждать.

Опубликованные Л.Е. Элиасовым рассказы об Аввакуме записаны в разных районах Бурятии, в селах Бичурского, Мухоршибирского, Селенгинского, Баргузинского районов. Большая их часть посвящена встречам протопопа с коренными жителями Забайкалья. При этом почти в каждом тексте (ниже приводятся лишь отрывки) присутствует мотив помощи, которую оказывали буряты и тунгусы гонимому за веру протопопу:

«Прожил верный богу и людям Аввакум около Селенги, против Омулевой горы, лет с десяток, а потом буряты с тунгусами его от стражи воеводской украли и на оленях заместо своего шамана за Енисей спровадили. А там Аввакум со своими людями повстречался и на Москву вернулся» [Элиасов 1969: 114–115; Фольклор 1963: № 456, с. Бичура Бичурского района, 1936 г.];

[33] Здесь мы не должны забывать и о том, что в своей автобиографии Аввакум специально акцентировал внимание читателей на тяготах своей жизни в Сибири, на своих страданиях.

«Привезли протопопа к самому Амур-реке, а оттуда завернули да на этом Яблоневом хребте жить оставили. Здесь он прожил подходяще, зверей бил, птицу ловил, рыбой кормился. Тут в христианску веру тунгусов и бурят приводил, ребятишек ихних крестил, тем и кормился» [Элиасов 1969: 116; Фольклор 1963: № 457. с. Елань Бичурского р-на, 1936 г.];

«Вылез Аввакум на берег и лежит. До протопопицы далеко было, мочи нету идти. Тут, откуда ни возьмись, по берегу идет тунгус и видит человек лежит. Тунгус донес его до протопопицы и спросил: "Откель ты взялся здесь и кто ты есь?" Аввакум ему рассказал, как он за веру пострадал и как его мучиться заставляют, как его извести хотят. Тунгус все понял и сказал: "У нас тоже злые шаманы есть, они, как шакалы, на людей набрасываются, если кого не взлюбят. Пойдем к нам в тайгу, там отдохнешь, а потом мы тебя к белым людям отправим". Аввакум послушался тунгуса и ушел со своей семьей к тунгусам. Там они прожили годика три, языку их научился, и стали его тунгусы за родного брата почитать» [Элиасов 1969: 120–122; Фольклор 1963: № 463. с. Никольское Мухоршибирского р-на, 1936 г];

«Этот крест ставил сам протопоп Аввакум. Об этом раньше казаки сами всем рассказывали. Буряты тоже говорили, что первый русский поп здесь жил, такой добрый, что не в сравнении с жадными посольскими монахами. Аввакум не только крест поставил, но и дом построил. Это был первый дом в этих краях. Кабанские буряты с тех пор такие же дома себе строить зачали»[34] [Элиасов 1969: 127. с. Максимиха Баргузинского р-на, 1946 г.];

«Разобрал Аввакум плот, построил себе избенку и стал жить промыслом. Рыбы тогда в Байкале было столько, что ее руками без снастей можно было ловить. Так бы и жил один Аввакум в степи, да тут буряты узнали про нового человека и пришли к нему. Он их хлебом угостил, они ему мяса на варево дали. Так он около бурят и прижился» [Элиасов 1969: 126; Фольклор 1963: № 466. с. Ганзурино Селенгинского р-на, 1938 г.];

---

[34] Мотив, рисующий Аввакума, который познакомил бурят с новыми формами быта, встречается и в другом предании: *«Много время Аввакум мотался дорогой и на третий год добрался до Уды. Тут, где теперь Верхнеудинск стоит, протопоп перебрался через реку, и повезли дальше. Зима застала протопопа в летнем платье. Остановился Аввакум у бурят около Селенги и стал тут жить. Бурятская юрта ему не по нраву пришла, и сказал он казакам, что его охраняли, чтобы дом начать строить. Леса тут полно, у казаков по работе руки чесались, они скоро дом такой срубили, что всем на загляденье.* ***Буряты на тот дом, как на диковину, смотрели, они впервые такое видели, сбежались к дому со всех степей*** [Выделено нами. – В.К.]*»* [Элиасов 1969: 124; Фольклор 1963: № 465. с. Тарбагатай Тарбагатайского аймака, 1938 г.].

В исследовательской литературе высказываются сомнения относительно фольклорной подлинности материалов по несказочной прозе русских Забайкалья, собранных Л.Е. Элиасовым в 1930–40-е годы. В основном это связано с теми соображениями, что, как известно, собиратель часто тогда записывал фольклорные тексты скорописью, возможно, редактировал их при публикации и, главное, придерживался теории собирания устных рассказов, разработанной А.В. Гуревичем (см.: [Гуревич 1936]), в соответствии с которой исследователь должен был сначала расспрашивать исполнителя, а затем сам воссоздавать «утраченный» в процессе бытования «подлинный» текст (см.: [Чистов 1967: 14, 295; Левашов 1990: 6–7]). Именно поэтому, по мнению В.С. Левашова, к преданиям, собранным этим исследователем, «следует относиться не как к достоверным фольклорным записям, а как к свидетельствам возможного бытования в Восточной Сибири тех или иных сюжетов, для поисков которых представленные Л.Е. Элиасовым материалы могут служить лишь своеобразной отправной точкой» [Левашов 1990: 7].

Современные семейские почти не рассказывают об Аввакуме, что, вполне возможно, связано с исчезновением в их среде после репрессий 1930-х годов и в последующие годы грамотных старообрядцев, хорошо знающих историю раскола. Но интересно, что отдельные мотивы преданий о протопопе, опубликованных Л.Е. Элиасовым, встречаются и в других текстах семейских, фольклорная достоверность которых не вызывает сомнений.

В 1925 г. А.М. Поповой в с. Куйтун от А.Б. Наумова был записан такой рассказ (приводим его полностью):

«*Наши предки – уроженцы Черниговской губернии, Стародубского уезда, местечка Климович, ушли в Польшу из-за неподчинения религиозности. Потом, при Катерине, были снова пригнаты за Байкал, и к ним были присланы казаки с Урала – тоже за веру. Когда они пришли на эти места, где стоит Куйтун, тут были горы и агромадный лес. Братски услыхали о приходе, отрядили с Тугнуя паглядеть, што за люди пришли. Поехал братский па хребтом на коне, выехал к нашим, видит: сидят много людей на степе и едят что-то, как большой конь накладет. Подъехал ближе, с коня не слезат (баитца). Увидали его предки, седой старик дал ему кусок (ета был хлеп). Он прожевал, а проглатить не может (братски хлеб не ели). Харашо встретили, астался доволен, паглядели друк на друка. Паехал братский к князькам и все аглядывался, а наши мужики все шапки снимали. С етих пор стали водитца с братскими. На етам месте, де стоял табор, выстроили Куйтун, по-братски «Стюденый». Дела ета была в 1850–1870 годах*[35]*, домов было не больше, как 40*» [Попова 1926].

[35] Л.Е. Элиасов и И.З. Ярневский, публикуя этот текст в сборнике «Фольклор семейских», справедливо указали, что период, о котором в нем говорится, «относится не к

В этом куйтунском предании и в рассказе об Аввакуме, записанном Л.Е. Элиасовым в с. Ганзурино, присутствуют одни и те же мотивы – «буряты/бурят приезжают к Аввакуму/семейским, когда узнают о нем/о них», «Аввакум/семейские угощает/угощают приехавших/приехавшего хлебом», «незнакомство бурят до этой встречи с хлебом», «последующая дружба между Аввакумом/семейскими и бурятами» В двух текстах полностью совпадают не только названные мотивы, но и их последовательность, то есть мы можем говорить о том, что перед нами две версии одного сюжета, характеризующего ранний период заселения семейскими Забайкалья[36], а возможно, уже тогда и бытовавшего.

Как видим, ни одно из преданий о встречах Аввакума или его последователей в делах веры (семейских) с бурятами и тунгусами, которые были опубликованы в исследовательской литературе начиная с 1920-х гг., не описывает конфликтные взаимоотношения между русскими с одной стороны и коренными забайкальцами с другой (см. также рассказ «О жизни семейских с бурятами» [Фольклор 1963: № 471]. Скорее всего, это связано с политикой государства, направленной на укрепление дружбы между народами, хотя, без сомнения, среди семейских бытовали истории и иного характера.

Известно, что у семейских, как и у других старообрядцев, существовали запреты, касающиеся религиозной сферы и быта. Были и такие, которые имели отношение к бурятам. К примеру, у забайкальских староверов указывали делать гроб чаще всего сибирякам, избегая давать эту работу родственникам умершего и особенно – бурятам [Осокин 1906: 108]. Считалось также, что если пойдешь на похороны к буряту, даже другу, то получишь чесотку [Там же]. А если волею случая повитухой ребенка окажется бурятка, то его необходимо три раза перекрестить [Там же: 104].

Относительно запрета на пользование одной посудой с православными и бурятами, бытовавшего у семейских, А.М. Попова писала: «В религии у семейских благотворный сдвиг сделала революция. До 17 года не каждый семейский подал бы из общей кружки пить, не позволил бы коснуться без креста кадки с водой и т. д. Теперь же этого нет, у некоторых передовых старообрядцев даже иноверцу дадут чистую посуду. Но и сейчас есть семьи, где для «еретиков» – православных и бурят – особая посуда, к которой не прикасаются члены семьи. Кроме того, молодежь уже явно и тайно отпала от религии и вносит новые порядки в обращение с ино-

50–70-м годам прошлого века, а к 50–70-м годам XVIII века» [Фольклор 1963: № 471].

[36] О распространенности в преданиях русского населения Забайкалья мотива о том, что раньше народы края не знали хлеба, свидетельствует еще один текст, записанный Л.Е. Элиасовым, – «Как русские приучали тунгусов к хлебу» [Баунтовские эленки 2004: 136].

верцами. Только пожилые женщины и часть средних лет мужчин строго держатся писания» [Попова 1928: 31].

На это же указывал и А. Долотов: «Произошел большой отход и от старых бытовых привычек и обычаев. Теперь только самые заскорузлые фанатики держат отдельную посуду для русских другой веры. Однако у семейских еще сохранился порядок не пользоваться одной посудой с бурятом» [Долотов 1931: 41].

Видимо, табу на использование общей посуды с бурятами, а также другие запреты действительно сохранялись среди семейских до 30-х годов XX века. По воспоминаниям их нынешних потомков, оно проявлялось следующим образом:

«- От эта, ну, старые люди [буряты – В.К.] *говорить – вот, бывало, мы приедем говорить к русским. Русские нас уже отдельно чай пить содють и на стула, за стол не посодить. Ага! А теперь это все. <...> А бурят раньше не любили, русские-то, вообще не любили. У-у! С кискиной чашки, с чашки кискиной нальют – чай поют, с кискиной чашки! Такое было дело. Оне поганые всё буряты.*

- А еще в чем проявлялась эта нелюбовь? [Соб.]

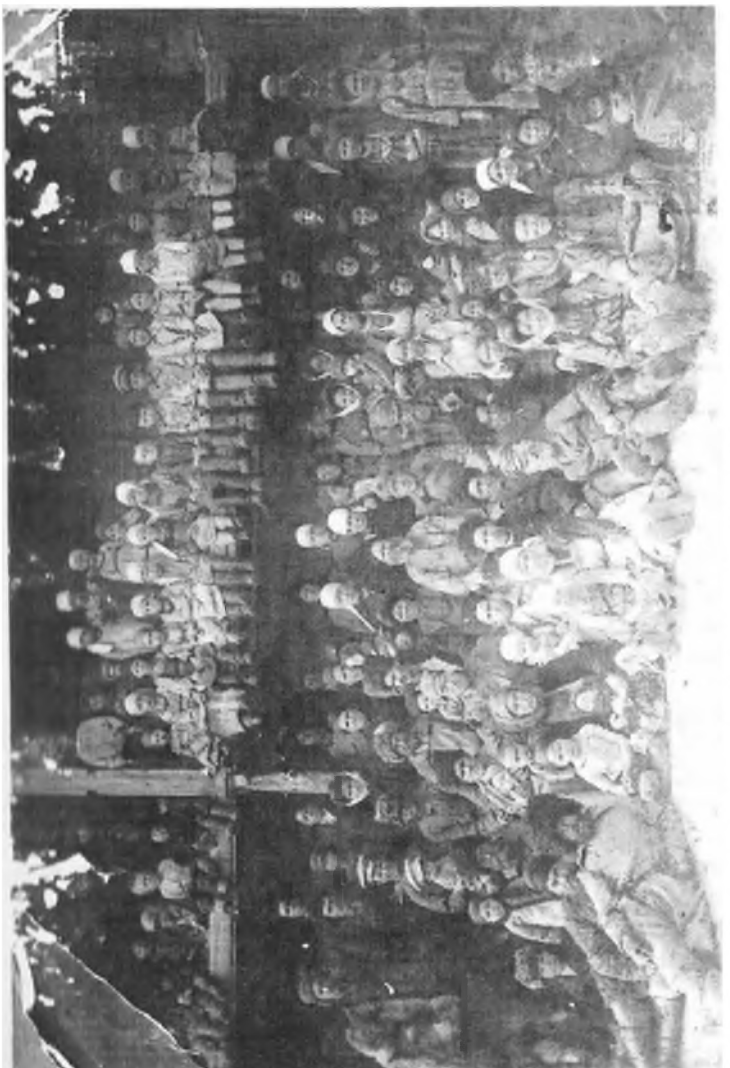
- Но потом ужо в баню не пустят мыться» (КГС).

«Я не помню-от. Вообще, всегда жили здесь, но бурят считали там нечистыми. Приходили, если, там, чай попил, и не садили, отдельно должны были посадить. Если чашку дал, то ее выбросить или в крайнем случае там мыть-полоскать, не знаю» (ИВИ).

«Ну, раньше бабушка рассказывала, что, дескать, допустим, бурят вот подъехал, воды ли попросил, они уже уберут потом эту чашку, кружку ли, с чего он там пил» (АМА).

С организацией колхозов, с установлением общинного хозяйства и образа жизни, открытием школ и интернатов, во-первых, были прекращены споры между семейскими и бурятами за владение землей (она стала «общенародной»), а во-вторых, постепенно ушли в прошлое бытовые запреты. В этой связи интересно следующее замечание одной семейской женщины из с. Покровка Бичурского района Бурятии:

«Но вот бабушка говорила, что давным-давно когда-то, когда вот еще, это когда было, это, наверно, при царе Гаре. Это если буряты заехали, значит им отдельную чашку чё-та там, ложку. Потом, когда вот здесь мы уже в интернате жили, ну вот, вроде, про бурят бабушке я говорю. Она рассказывает вот как. Говорю – но вот, как, бабушка, мы должны? Мы живем, мы в одной комнате живем, мы, собственно, мы с одного все? Она говорит-от типа, но ... она мне как говорела, ну ни молишься, не молись, но Бога не гневи, не хочешь веровать, никто не заставляет, чтобы ты,



Коммуна «Красный Октябрь» с. Петропавловка Бучурского р-на Бурятии.
Четвертая справа в первом ряду сидит бурятка – член коммуны. К сожалению, В.И. Иванова, предоставившая эту фотографию, не смогла назвать ее имя (фото из школьного музея с. Петропавловка, 1929 г.).

вот именно, что вдарься в это, что без Бога никуда. Но Бога не гневи – вот она мне всегда говорила, Бога не гневи. А то, что там. А теперь уже говорит, что с бурятами, раз мы уже вместе живем, она говорит – ну живи, ничё не надо» (АМА).

Необходимо сказать, что сегодня среди семейских, особенно в тех деревнях и селах, которые расположены недалеко от бурятских поселений, нередко встречаются не только хорошо владеющие языком своих соседей, знающие их песни, но и участвующие в шаманских и ламаистских ритуалах. Об этом нам неоднократно приходилось слышать от семейских во время разговоров с ними. Вот лишь несколько примеров:

«Когда лама читает, мы круг ходим ево. И потом эта на каждую веточку там вешаешь свои ленточки. Вот. Потом ставишь тарелочку, налаженную со своей стрепней. Я ставлю, он ставить. Вот эта коло ламы все ставять, отходят, отмолятся, читает что-то по-бурятски, по книге» (КВА);

«И, что характерно, они во время молебна вот окрамя это его, ну Кирина никто по-русски не говорил. Вообще вот. <...> Они все по-бурятски разговаривали и, это самое, ну, молились, и от она мне, он-то мне сказал, что вроде бы это – не стесняйся, в общем, как-то так-от делай тоже. Я тоже так сидела, тоже так делала. Потом от вязочки пошли вязать» (АМА);

«Там у их (на хребте) навязаны ленточки все. Но их срывать, конечно, не желательно. Все ходи, смотри. <...> Ты даже можешь сам, не бурятом, можешь привязать эти вязочки – дай, дескать, детям моим всем сопутствие. Назови имя себе в общем, вот вроде, дороги хорошей, куда ты едешь, тоже можно. Даже плохо нету. Но, например, ломать, конечно, где вязочки привязаны, хоть черемуха сильно, если вязки привязаны ломать то нельзя. Вот чё-то может получиться» (ВМИ)[37].

В 2004 г. мы оказались свидетелями исполнения семейской женщиной обряда на бурятском бурхане, находящегося рядом с селом Петропавловка Бичурского района Бурятии. Его по на нашей просьбе провела М.А. Болдырева, 1932 г.р., неоднократно, по ее словам, участвовавшая в подобных действах вместе со своими соседями-бурятами[38].

---

[37] Этот последний рассказ напомнил нам свидетельство Г.М. Осокина, относящееся, видимо, прежде всего, к «сибирякам», жившим в Западном Забайкалье, о том, что «некоторые из местных русских жителей, проезжая мимо бурятского и монгольского «обо», по примеру инородцев бросают в общую кучу, или, если это дерево, то привязывают к веткам обрывки материй, или конский волос, не объясняя себе, конечно, свои действия, но в глазах инородцев, понятно, выказывают как бы уважение к покровителям «обо» своей жертвой» [Осокин 1906: 109].

[38] Показательно, что от М.А. Болдыревой нам также удалось записать несколько бурятских песен, которые публикуются в Приложении и на аудио-CD (см.: №№ 129–131).

Манита Андреевна Болдырева, 1932 г.р., семейская, замечательная исполнительница русских и бурятских народных песен, родители которой переехали в Петропавловку из Бичуры в 1920-е гг. На бурятском бурхане, находящемся недалеко от села (Фото Н.А. Антроповой, 2004 г.).

К концу XX века у семейских произошли значительные изменения в вопросах веры: определенная часть старообрядцев почти забыла о конфессиональной принадлежности своих предков, для других помимо христианства значимым являются шаманизм и ламаизм[39], третьи перешли в лоно Российской православной церкви, у четвертых значительно трансформировалась обрядовая традиция[40]. Лишь немногие из всего числа семейских Забайкалья продолжают оставаться старообрядцами в подлинном смысле этого слова, являясь прихожанами тех немногих церквей и часовен, которые вновь возникли за последние годы в Куйтуне, Бичуре, Тарбагатае, Новый Заган, Хасурта Улан-Удэ, (все – в Бурятии) [Петрова 2005: 166–167]. Но, несмотря на это, современные семейские, потомки забайкальских староверов, продолжают считать себя именно семейскими, часто не вкладывая в это понятие тот основной смысл (принадлежность к старообрядчеству), который данный этноним имел еще в начале XX века.

В литературе XIX – начала XX в. (в записках путешественников, письмах и работах декабристов, популярных и этнографических статьях) забайкальские старообрядцы характеризовались как народ, твердый в вере, трудолюбивый, зажиточный, крепкого физического здоровья, высоконравственный, чистоплотный (см.: [Кляус 2004]). При этом во многом эти представления о семейских, видимо, соответствовали их собственным самоощущениям. За годы советской власти произошла трансформация содержания этнонима «семейский» в целом. Он сохраняет положительную коннотацию, но главными его характеристиками стали трудолюбие (см.: [Петрова 1999: 39]) и особая роль в сохранении песенной традиции, которая культивировалась и активно поддерживалась государством (см.: [Белокрыс 1985; Болонев, Выхристюк 2002: 61–71; Петрова 2005: 36–37]).

Это привело к тому, что некоторые современные семейские не отождествляют себя со старообрядчеством и порой возражают, когда их так называют (с этим мы столкнулись, к примеру, в с. Укыр Красночикойского р-на Читинской обл.), а также к тому, что потомки православных групп в тех селах, где они издавна бок о бок жили со старообрядцами, стали называть себя «семейскими». Последнее произошло в с. Урлук Красночикойского р-на Читинской обл. (см.: [Кляус, Левитт 2001]).

Именно от этих так называемых «семейских» были записаны сообщения о том, что к ним обращаются за помощью при лечении болезней живущие по соседству буряты. В 1997 г., после сообщения нам текста за-

---

[39] Этим некоторые семейские начала XXI века стали походить на русское старожильческое население края, о котором еще в 70-е гг. XIX века А.П. Щапов писал: «... почти все забайкальские казаки, крестьяне и мещане, у которых отцы и деды родились там и многие предки были бурятско-русского смешанного происхождения, вполне верят в бурятское шаманство или ламайское прорицательство» [Щапов 1872: 196].

[40] См. об этом: [Кляус 2001b, 2002], а также данные опроса самих семейских относительно их религиозности сегодня [Русские 2002: 140].

говора от грыжи исполнительница рассказала:

«Так вот. А вот грызь та загаваривать как та ли ... на чилавека нада патрапить, ана, грызь, капрызная. Ни то, кажый что ей, я загаварила и всё, сразу лучче. Ну, бывает лучче. От другой крови, от буряты усе ка мне приежали. От бурятам за два раза как с роду ни бывала ей. А вот руцким... адна видна кров. А радни... Вот, ну сказала от мне внуки и правнуки, там дажа ни загавариваю, ни загаваришь» (ПФИ).

О том, что лечение русскими заговорами хорошо помогает именно бурятам, мы услышали и от ее соседки:

«Вот эта вот [заговор с сюжетом о св. Сисинии – В.К.]. *А я ей* [бурятке – В.К.] *нагаварела. Ана памылась у нас. Дак ты представляё, я всю ночь ни спала! От мне буряты лезут в глазы! Усю ноченьку я ни заснула! Посля ана приехала к нам. Я гыт: «Дуся (ана па-нашаму Дуся), чё ты?» «О-о! Да как мне лучче стала! Шибка харашо! Тибе курей нету, я щас тибе пирьвизу!» Ну, мине пять ципушичек да курицу привязла.* [Смеется] *«Эта меня ты шибка выличила!» А вить мне патом. <...> Каму на пользу, от патом шибка тяжяло. Вой, да думаю, Госпади, падумай-ка, чё та есь жа! Я вот сама сабой падумала патома. Эта, пра чё я тибе нагаварила. Может быть чё, аны жа ни кряшоныи, буряты, у них свая вера. А вот аны все ездють ка мне»* (ААМ).

При всей сложности взаимоотношений семейских и бурят в XVIII и начале XX века, что было вызвано конфессиональной замкнутостью старообрядцев, существованием в их среде религиозных запретов, споров между семейскими и бурятами по поводу земли и проч., хорошо известно, тем не менее, что между ними нередко завязывались добрососедские отношения. Это выражалось в наделении семейских землей, принадлежавшей бурятам [Тихонова 2001: 184]; в разделении труда, когда семейские давали бурятам на выпас свой скот [Селищев 1920: 10]; в практике приглашения бурят в качестве работников [Геденштром 1830: 61]; в аренде у них земли [Ровинский 1872: 132; Осокин 1906: 69; Селищев 1920: 9]; во взаимопомощи в трудных ситуациях, в обычае гостевания. О последнем известно, что буряты часто приезжали к своим друзьям семейским в конце масленичной недели. Впервые на это обратил внимание Ф.Ф. Болонев в исследовании, посвященном народному календарю забайкальских старообрдяцев: «К понедельнику великого поста в гости к семейским из соседних улусов приезжали знакомые буряты, и крестьяне отдавали им оставшуюся от праздника скоромную пищу» [Болонев 1978: 122, 125]. Он, правда, не указывает, в каких селах поступали таким образом, но любопытно, что в близлежащих деревнях от Бичуры, одним из немногих мест, где и сегодня стойко сохраняются традиции старообрядчества, также рассказывают об этом:

«- У мамы всю жизь у нашей это, какой-то был бурят, от он все, ну от: "Ванька че, седни обжорный день, приходи!" [Смеется. – В.К.]. *Какой-то обжорный день там был, праздник же а, перед Великим постом, ага. Ели, это чтобы после не было-то жирного-то, он приезжал.*

- Его специально приглашали? – [Соб.]

- Ну он сам уже, друг, да ли приедет. Потом Пост вроде <...> И потом съедать надо все. "Ну, Ваньке, я шибко напился, поеду". Вот это я помню» (ВМИ).

Но при этом надо отметить, что, видимо, такая близкая дружба все же не была широко распространенным явлением. К примеру, семейские женщины села Петропавловка вспоминают:

«– Вот, например, бабушка наша. Бабушка Катя, ее здесь нет. Она была такая кампанейская. У нее все друзья были оттудова [буряты – В.К.]. *Там к нам вечно приходили. Ну, многие почему-то там бедновата так жили, и вот, например, у нас же там, если резали корову или там еще, все эти внутренности же никогда понятия не имели там, чтобы там что-то варить или, во всяком случае, употребить, а она, к ней и ходили, там, Церемпил, главный у нее друг. Еще-то кто? Дарима! Они у нее постоянные гости были. Вообще, постоянные, приходили. И она. Церемпил – у него много детей, у них было много детей, и жили плоховато. И она...*

– А вообще-то семейские они изначально. ***Это от некоторые вот так вот к ним относились доброжелательно, а как-то от они не допускали в свои семьи. Ну не все, не все.*** [Выделено нами – В.К.] *Вот бабушка у нас была такая хлебосольная, что она к ним...*

– Все соберет. Там все эти головы отдает. Когда жир топят, все эти. Шкварки у нас называются. Шкварки это все поотдаст это все...

– А они же огороды не садили. Начинаем, я же живу, мы маленькие были. Лук, батву свежую. А они, к нам буряты приходят, батву собирают, как лук они засаливают. А мы все это бросали, а они собирали» (ИВИ и ее сестра).

События, описываемые в этих рассказах, по времени относятся к 20–30 гг. XX в. Исполнители при этом неоднократно указывали, что их родственники или знакомые, дружившие с бурятами, хорошо знали бурятский язык, что подтверждает наблюдения о билингвизме некоторой части русского населения края, в том числе и семейских (см.: [Юмсунова 2005: 34–35]).

Из истории забайкальского старообрядчества, кроме того, известны факты перехода бурят «в раскол». Самое раннее такое свидетельство относится к концу XVIII века: это объяснение протоирею Ливерию Мордовскому, написанное новокрещеным Павлом Никитиным, хоринским бурятом, жителем Хонхолойской деревни, по поводу его желания «быть старообрядцем». В нем сказано, что *«по воспитанию же моих родителей отдан*

был с малолетства в работу живущим в Хонхолойской деревне выведенным из Польши старообрядцам, от коих я понял веру православную и пожелал себе получить крещение» (цит. по: [Болонев 2004: 105]).

Основной причиной перехода в старообрядчество неславянского населения края являлось заключение браков. «Староверы, – пишет Ю.В. Аргудяева, – не признавали строго этнических традиций, полагали значимой в браке только принадлежность к "истинной" вере» [Аргудяева 2000: 30].

Известно, что большое количество семейных союзов старообрядцев с бурятами было в с. Хасуртай (ныне – Хоринский район Бурятии; см.: [Глуховцев 1902; Прыжов 1934: 337; Иванов 1998]). Потомки этих старообрядцев до сих пор прозываются в селе «инородцами», хотя сами себя они считают настоящими семейскими [устное сообщение Р.П. Матвеевой].

По материалам, приведенным Ф.Ф. Болоневым, браки семейских с бурятами, при которых последние переходили в старообрядчество, имели место также в Большом Куналее, Куйтуне, Бичуре, Никольском, Тарбагатае и других селах Забайкалья [Болонев 1974: 61–66]. По статистике конца XIX века, в старообрядчестве состояло 375 забайкальских бурят (см.: [Серебрянников 1914]). С учетом общего числа семейских в данный период (около 40 тыс. человек) это совсем немного, но все же показательно и типично для Сибири.

В конце 20-х гг. прошлого столетия А.М. Попова относительно данного вопроса писала: «Браки у семейских заключаются только между своими старообрядцами; вступать в браки с православными или какими другими иноверцами считается позором и грехом. Но в последнее время такие случаи наблюдаются» [Попова 1928: 21]. По данным же А.А. Лебедевой, с конца 50-х и до начала 60-х гг. XX века (т.е. не более чем за 5–6 лет) не было зарегистрировано ни одного брака между семейскими и бурятами [Лебедева 1975: 91].

По нашим наблюдениям, среди современных семейских браки с бурятами уже не редкость и вопросы веры решаются иначе. Нынешние семейские, породнившись с бурятами, после этого порой и «молятся по-бурятски». Вот лишь один пример, иллюстрирующий это, – отрывок из интервью, записанного в д. Покровка Бичурского р-на Бурятии:

«- А было так, чтобы буряты становились как семейские, на молебны ходили вместе с ними? [Соб.]

- Наоборот, семейские перешли. Вот некоторые женщины ездют. Буряты замуж вышли, у нас есть, и они ихную веру приняли, веру приняли. Они молятся по-бурятски...

- А семейские женщины, которые замуж вышли, они стали вместе с ними туда ездить? [Соб.]

- Да, вера ихняя. Они веру сняли, все.

То есть они уже в церковь не ходят, на молебны не ходят? [Соб.]

- Нет. Она по-бурятские ездит молиться и все. Но, конечно, с табой вроде также все относятся, а молятся оны уже с бурятами. И все.

- А такое часто бывало, чтобы женщины выходили замуж за бурят? [Соб.]

- Раньше-то не было ... Вообще не было» (ВМИ).

Говоря о различных, иногда диаметрально противоположных, отношениях семейских с бурятами, мы, конечно, должны иметь в виду тот факт, что забайкальские старообрядцы не были абсолютно единой и монолитной группой ни в конфессиональном, ни в этнокультурном отношении. Среди них были представители многих согласий, толков: беспоповцы, поповцы, белокрынцы, беглопоповцы, темноверцы, светловерцы, землепоклонники, идолопоклонники, песочники, обливанцы, общинники, необщинники, самочинцы, перемазанцы, а также, конечно, единоверцы (см.: [Селищев 1920: 15; Элиасов 1969: 14; Ровинский 1872: 123–124; Осокин 1906: 18]). Обширность территории, на которой семейские расселились в Забайкалье, разные природно-климатические условия (степь, лесостепь, горы), многообразие фольклорно-обрядовых традиций, принесенных ими с прежних мест поселения привели к довольно значительным отличиям в культуре различных групп старообрядческого населения края, что накладывало отпечаток и на взаимоотношения отдельных локальных групп семейских с бурятами.

Контакты семейских с бурятами и русскими старожилами Забайкалья, как известно, нашли различное отражение в их языке и культуре. Исследователями неоднократно рассматривался вопрос о семейско-бурятских языковых взаимосвязях (см. подробнее об этом во 2-й главе). Определенные наблюдения были сделаны в плане взаимовлияний на уровне хозяйственного уклада и материальной культуры (см.: [Болонев 1974, 2000; Бураева С. 2000]). Но практически неизученной остается проблема взаимовлияний на уровне верований и обрядности, хотя они также имеют место. К примеру, в работах О.В. Голубковой, В.О. Ополева, Г.В. Любимовой описываются обычаи почитания гор забайкальскими старообрядцами [Голубкова, Опалев 1999; Любимова, Голубкова 2000]. Авторами приводится интересный фактический материал по данному вопросу, и в частности рассказывается о сопке «Порушница» в окрестностях Улан-Удэ, на которую «ходили женщины молиться о здоровье и спасении своих детей...» [Любимова, Голубкова 2000]. В качестве параллели к данному обычаю авторы ссылаются на Б.А. Рыбакова, который «обратил внимание на обилие гор с названием «Девичья» в местах исконного расселения восточных славян» и указал, что «в Приднепровье до сих пор на одной из таких гор стоят три памятных креста. "Девичьи" горы сохранили очень древний, общий всем славянам культ женского божества» [Там же]. Но ведь у проживающих рядом бурят культ гор является одним из древнейших, их вершины

отмечались специальными памятными знаками (обо, бурханами), а некоторые из них также почитались как покровительницы женщин (см.: [Абаева 1992: 78]). Если учесть, что в месте исторической родины предков семейских (Ветковщина и др.) сопок и гор как таковых вообще нет, то, вероятнее всего, обычай устанавливать на горах кресты у старообрядцев, как и у русских старожилов – православных, бытовал во взаимодействии и противодействии (в том числе на территориальном и религиозном уровнях) с бурятами, их культурой и традициями. Одним из подтверждений этому может служить известная в научной литературе ситуация с установкой в 1861 г. православными миссионерами часовни св. Парфения на скале Буха-найона (Тунка), на которой задолго до этого у бурят-шаманистов находилось священное место, где они проводили традиционный тайлаган, а ламы построили буддистскую кумирню (см.: [Бураева 2000: 131–132]).

Оценивая характер взаимодействия семейской культуры с иноэтнической, следует заметить, что наиболее активно этот процесс происходил в местах тесного соприкосновения семейских с бурятами, их непосредственного территориального соседства. Именно там мы находим общие для семейских и бурят поверья, приметы, элементы народного календаря, средства народной медицины, праздники (см.: [Осокин 1906: 109–110; Болонев 1978: 68, 74, 78, 101; Болонев 1994: 94]). Все это в целом способствовало появлению своеобразных черт быта и культуры этноконфессиональной группы семейских, формировавшейся в Забайкалье на протяжении более двухсот лет.

1.3. К характеристике песенного фольклора русскоустьинцев и семейских

Первые записи фольклора русскоустьинцев были сделаны И.А. Худяковым во второй половине XIX века. Он собрал несколько образцов их сказок, былин, песенных и заговорно-заклинательных текстов. Затем, уже в XX столетии, в различные годы русскоустьинский фольклор записывали В.М. Зензинов, братья Н.Д. и Д.Д. Травины, А.Л. Биркенгоф, С.И. Боло, Т.А. Шуб, Н.А. Габышев, сотрудники Якутского государственного университета, Бурятского института общественных наук БНЦ СО АН СССР (ныне Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН), ИРЛИ РАН (Пушкинский дом), Иркутского государственного педагогического университета (см. очерки истории собирания фольклора на Индигирке [Кузьмина 1982; Дьяконова, Венедиктов и др. 1986: 9–13]). Значительная часть фольклорного материала, собранного этими и другими исследователями, опубликована (см.: [Худяков 1964, 1969; Зензинов 1914; Шуб 1949; Русское Устье 1986 и др.]). Многое находится в архивах, в том числе личных, к примеру, Ю.И. Смирнова, В.Д. Осиповой.

Особое внимание исследователей фольклорной традиции русскоу-

стьинцев было обращено, в первую очередь, к эпосу. Низовье Индигирки, как и некоторые другие регионы проживания русских старожилов на северо-востоке Сибири, является местом, в котором до последнего времени бытовала былинная поэзия, старшие исторические песни, баллады (см.: [Дьяконова, Венедиктов и др. 1986: 24–29; Смирнов 1986a: 254, 278; 1986b; 1991: 23–32; Азбелев 1986; Скрыбыкина 1995]). Огромный интерес вызывает также сказочный фольклор русскоустьинцев. Он неоднократно был объектом научных изысканий (см.: [Соболева 1981: 31–34; 1984: 68–71; 1985; Шастина 1985: 34–39; Венедиктов 1985; Дьяконова, Венедиктов и др. 1986: 13–24; Афанасьева 1991; Матвеева 1993: 15–16; Базилишина 1998, 2000a])[41].

Специальных исследований, посвященных песенному фольклору индигирцев, пока еще нет. Возможно, это связано с относительно небольшим числом известных текстов – чуть более 200 (почти половина из их числа опубликована в «Фольклоре Русского Устья»). А.Н. Розов, один из составителей этого сборника, справедливо заметил, что, как и в других регионах России, песенный репертуар индигирцев достаточно пестрый, то есть наряду с историческими песнями, балладами, традиционной лирикой, плясовыми и хороводными песнями встречаются также жестокие романсы и песни литературного происхождения [Дьяконова, Венедиктов и др. 1986: 29]. Последние, кстати, не включены в «Фольклор Русского Устья». Вместе с тем, на наш взгляд, они также представляют определенный интерес (см.: Приложение)

Характеризуя песенное творчество русскоустьинцев, А.Н. Розов привел интересное наблюдение, сделанное в середине 40-х гг. XX века Н.А. Габышевым относительно манеры их пения, которая, по мнению этого собирателя, напоминает якутскую: «Певец начинал петь заунывным горлом, растягивая гласные, а между словами вставлял “и-ы-э-у”, не прерывая мелодию, очень тягучую, тяжелую, горловую мелодию… Песня такая напоминала вой ветра за стеной. Поэтому под такой горловой мотив можно было исполнять любую песню» [Там же: 30]. А.Н. Розов пишет, что последующими экспедициями, в частности совместной Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР и Института русской литературы АН СССР (Пушкинского Дома), состоявшейся в 1977 г., подобная манера пения уже не была зафиксирована. При этом, по словам А.Н. Розова, «музыковеды, познакомившиеся со звукозаписями данной экспедиции, засвидетельствовали почти полную утрату в Русском Устье подлинных напевов русских народных песен … По-видимому, в период распространения здесь нетрадиционной для русских манеры пения традиционные напевы оказались забыты» и поэтому собиратели признали «нецелесообразность публикации нотных

[41] Подробнее об истории собирания и изучения фольклора русскоустьинцев см.: [Кузьмина 1982].

приложений» [Там же: 30]. Между тем, работы Т.С. Шенталинской, наоборот, продемонстрировали важность и научную целесообразность нотировок песен русских, проживающих на северо-востоке Якутии, в том числе и индигирских (см.: [Шенталинская 1995, 1996]).

Подобные лакуны, к сожалению, пока не дают полного представления о песенной традиции русскоустьинцев, в первую очередь в аспекте ее бытования рядом с иноэтнической фольклорной культурой. Надеемся, что в будущем данные материалы, возможно, показывающие, что в музыкальном отношении песенный фольклор русскоустьинцев отражает взаимосвязи с мелодикой аборигенного населения, будут изданы.

Одним из примеров достаточно сложного взаимодействия песенной культуры Русского Устья с традициями коренных народов севера Якутии может служить песня, точнее танец, называемый «Омуканчик». Относительно истории его возникновения в 1990 г. А.Г. Чикачев в книге «Русские на Индигирке» возмущенно писал: «Случилось так, что этот танец с легкой руки невежественных культпросветработников 40–50-х годов получил новое странное название «омуканчик» или «омуканово». Дело в том, что жил в Русском Устье обрусевший юкагир Семен Варакин по прозвищу Омуканчик (умер в 1942 году). Он очень любил плясать и припевать. <...> И вот, не разобравшись, «деятели» культуры перекрестили древний русский народный танец в «омуканово» [Чикачев 1990].

Впервые об этой истории написала, видимо, М.Я. Жорницкая, сообщив, в частности, что «омук»[42] – юкагир по прозвищу Вараксин [такой вариант фамилии/прозвища дает данный автор – В.К.] приехал в Русское Устье с Колымы [Жорницкая 1970: 84].

В 1973 г. в Русском Устье В.Д. Осиповой и В.И. Зоркиным была сделана запись «Омуканчика» от И.Т. Чикачева, который, после исполнения песни, рассказал:

«Такой старичок был Омуканчик. Этот, как его, эвенке. Это он пел. Он эту песню видумал, и он завёл. Ну, у нас машкарати ходят, особенность. Вот, особенность у нас вот. С Рождества до этого, до Крещенья целую неделю ходят, машкараты ходят. Вот, это он, это он пел. Запел, и вот потом так пошло. Имо дали Омуканчик».[43]

---

[42] На якутском языке слово «омук» означает «чужанин», «не-якут», служит для обозначения эвенов и, кроме этого, в словосочетании «саха омук» имеет смысловое значение «нация», в данном случае – «якутская нация». Кроме этого «омуки» – легендарное племя, жившее на северо-востоке Якутии до прихода туда якутов (см. подробнее во 2 главе).

[43] Запись и фотографию исполнителя нам предоставили В.Д. Осипова и А.М. Белокрыс, за что мы приносим им искреннюю благодарность. Нотная расшифровка «Омуканчика», сделанная Г.Е. Солдатовой, которую мы также благодарим за помощь, помещена в Приложении к настоящей книге (№ 40).

Валентина Дмитриевна Осипова и Иван Тихонович Чикачев, 1900 г.р., п. Полярный (Фото В.И. Зоркина, 1973 г.).

В Русском Устье хорошо знали эту песню-танец. Судя по известным нам текстам и описаниям исполнения, она представляла собой набор эмоционально окрашенных междометий «эх», «эй», «ах», слогов «дах», «ла-ла», «жа-лей» и других с прицокиванием «ца-цах». Но при этом были и осмысленные фразы типа «Омуканово тох весела»,[44] «Омуканова-та, весела-та»,[45] «Амуканова-та вышёла-та харашё-та»[46] и некоторые другие.

По мнению Г.Е. Солдатовой, сделавшей нотировку «Омуканчика», записанного от И.Т. Чикачева (см. № 40 Приложения), с точки зрения мелодики – это типичная русская плясовая «под язык».

Танцы «под язык» в низовьях Индигирки широко бытовали еще в 30-е гг. XX столетия. Вот как их увидел А.Л. Биркенгоф: «Однажды <...> при мне состоялась многолюдная вечеринка с плясками «под язык». «Музыканты» пели однообразный и своеобразный мотив, отдаленно напоминающий наши «частушечные напевы». В такт пению певцы притоптывали но-

[44] Запись С.Н. Азбелева, Г.В. Матвеева от А.Н. Новогородова, 1936 г.р., п. Чокурдах, 1977 г. (РО ИРЛИ, К. 268. П. 1. №. 66).
[45] Запись А.Г. Чикачева [Чикачев 1990: 103].
[46] Запись В.Д. Осиповой и М.А. Белокрыса (Приложение, № 40).

той (и в этом им помогали присутствующие). С началом пения: «Трута-ту-та-ту-та-ту...» выходил мужчина и приглашал даму, танцуя и кланяясь перед ней. <...> Дама, вокруг которой вприсядку идет танцор, лишь плавно вертится на месте, восклицая время от времени: «Ца-ца-а!» <...> Плясать индигирщики любили, **в особенности обрусевшие юкагиры или ламуты** (Выделено нами – В.К.)» [Биркенгоф 1972: 68–69].

«Омуканчик» как песня-танец, видимо, является устойчивым мелодико-текстовым произведением, «создание» и «первое исполнение» которого русскоустьинцами приписывалось конкретному человеку и названо его именем. Любопытно в этой связи, что о другой песне-пляске русских старожилов северо-востока Якутии – «Россоха», которая является «визитной карточкой походчан» на Колыме[47], также рассказывают, что ее на радостях сочинил какой-то старик-охотник, когда убил лисицу в районе реки Россохи, где растёт мелкий тальничек – «росса» [устное свидетельство В.Д. Осиповой, которой сообщил об этом исполнитель «Россохи» С.Е. Борисов, 1901 г.р., житель Походска].

Подобными «легендами» индигирский «Омуканчик» и колымская «Россоха» напоминают, хотя, конечно, и отдаленно, «андыльщину» – жанр, возникший у колымчан на пересечении русской и юкагирской песенных традиций, который бытовал также и в Русском Устье (см.: [Шенталинская 1995; 1996; Базилишина 2000а: 82–85; Шейкин 2002: 275–276; Игнатьева 2005: 71–72]), и так называемые «личные песни» – жанр, широко распространенный среди народов Севера и Сибири (см.: [Шейкин 2002: 255–272]).

♦♦♦

Первые фиксации фольклора забайкальских старообрядцев были сделаны во второй половине XIX века П.А. Ровинским. Им были записаны духовные стихи, заговоры, отрывки из песенной лирики [Ровинский 1872; 1873]. До этого были известны лишь отдельные их предания о переселении на Байкал в пересказах А.Е. Розена и С.В. Максимова [Розен 1984: 251, 254; Максимов 1871: 2, 323–325].

В конце XIX – начале XX веков песенный фольклор семейских собирал Н.П. Протасов [Протасов 1926]. Его записи высоко оценил Н.А. Римский-Корсаков, но, к сожалению, они безвозвратно утрачены. В XX веке среди семейских работали такие выдающиеся филологи и этнографы, как А.М. Селищев, А.М. Астахова, Н.И. Савушкина, Л.Е. Элиасов. Большую работу по собиранию фольклора забайкальских старообрядцев проводят Ф.Ф. Болонев, а также группа исследователей Института монголоведения, буддологии и тибетологии БНЦ СО РАН (ранее – Бурятского института общественных наук БФ СО АН СССР) сначала под руководством

[47] См.: [Вахтин и др. 2004: 202]

Л.Е. Элиасова, затем – Р.П. Матвеевой (подробнее об истории собирания и изучения семейского фольклора см.: [Матвеева 2005: 6–41]).

Из всех жанров семейского фольклора особый интерес всегда вызывала песенная традиция[48]. Об этом можно судить даже исходя из количества опубликованных текстов песен. Их общее число сегодняшний день составляет более 1000 наименований[49], но это лишь незначительная часть того, что хранится в Рукописном отделе Бурятского филиала СО РАН (Улан-Удэ), фольклорных архивах Бурятского государственного университета (Улан-Удэ), Иркутского государственного педагогического университета и других собраниях, в том числе личных.

Такое внимание к песням семейских неслучайно: по свидетельству этномузыковедов, их исполнительское мастерство имеет уникальный характер (см.: [Щуров 1979; Леонова 1997]). И, на наш взгляд, во многом благодаря яркому и своеобразному искусству многоголосного пения «Культурное пространство семейских Забайкалья» в 2001 г. было включено ЮНЕСКО в список нематериальных мировых шедевров.

По своему жанровому составу песенный фольклор семейских схож с другими русскими традициями Сибири – большое число поздних песен, восходящих к литературным образцам, тюремному и мещанскому фольклору. Определенное место в нем занимают солдатские песни. Но наибольший интерес как в содержательном, так и в мелодическом отношениях составляют баллады, социально-бытовые, рекрутские, хороводно-игровые, шуточные песни и песни о любви.

Если собирание песенного фольклора семейских велось и ведется достаточно активно, то его исследование во многом еще только начинается. На сегодня более-менее выяснен жанровый характер песенного фонда семейских, фольклористами отмечаются яркие содержательные и мелодические сходства и отличия по сравнению с традициями других российских регионов, сделаны попытки анализа музыкальной структуры исполнения отдельных песенных шедевров. Во многом еще ждут своего освещения такие проблемы, как сюжетно-мотивный состав, микролокальные содержательные и мелодические особенности семейской песенной традиции, влияние на нее казачьего, тюремного и городского фольклора, социокультурные и другие аспекты бытования лирической поэзии старообрядцев Забайкалья. При этом вопросы исследования языка песенного фольклора семейских и влияния на него музыкальных

---

[48] См. новейшее исследование Р.П. Матвеевой, убедительно доказавшей, что отношение П.А. Ровинского и С.В. Максимова к семейской песне не было абсолютно негативным, как это до сих пор считалось в сибирской фольклористике [Матвеева 2005: 7–13].

[49] Наиболее крупные и интересные публикации песенного фольклора забайкальских старообрядцев и их потомков принадлежат Л.Е. Элиасову и И.З. Ярневскому, Н.И. Дорофееву, Ф.Ф. Болоневу и О.И. Выхристюк [Фольклор 1963; Дорофеев 1989; Болонев, Выхристюк 2002].

традиций со стороны иноэтнических соседей, в первую очередь бурят, пока еще не рассматривались.

Песенная традиция наряду с трудолюбием является одной из важных составляющих современной "семейщины", неизменной чертой характеристики семейских.

Патриархальность и общинный характер жизни забайкальских старообрядцев имели в своей основе выверенную веками систему трансляции духовной культуры от старшего поколения к младшему на всех ее уровнях, в том числе и музыкально-поэтическом. Наблюдения исследователей семейской культуры на этот счет, к сожалению, немногочисленны, тем не менее, весьма показательны: «Приехав домой [на Троицу, после того, как березку потопят в реке], молодежь идет на гулянку куда-нибудь за село, где и поет разные проголосные, старинные песни и частушки, некоторые же, не «кумясь», одеваются в лучшие наряды и шелк, в атлас (если своего нет, то займут у кого-нибудь) и ходят с песнями по улице. Дети также собираются группами и «гуляют»...» [Попова 1928: 24–26].

В этом несколько ироничном «гуляют», поставленном относительно детей в кавычки, – указание на подражательный характер их поведения, копирование ими действий и пения взрослых. В данном случае зафиксировано, как в игровой форме семейские дети перенимали песенный репертуар своих старших братьев, сестер и родителей.

Ф.Ф. Болонев, один из наиболее известных исследователей семейского быта и культуры, очевидно, по собственному опыту (он родом из Большого Куналея) писал о том, что в певческих семьях его села «подростки с малолетства ставили свои голоса, шлифуя их оселком постоянных каждодневных упражнений. И никто в семьях не осуждал, когда дети пели, сидя с самодельными куклами, сшитыми из пестрых тряпок, или же гоня коней на водопой, или во время бороньбы, сенокоса или других крестьянских трудов» [Болонев, Выхристюк 2002: 57].

В его же книге помещено редкое, но очень важное свидетельство – воспоминание одного из известнейших семейских певцов – большекуналейца И.А. Рыжакова:

«*Мы раньше жили на Барке. Хозяйство, поле, покосы – все рядом. Времени свободного было достаточно, оставалось и на разучивание песен. Дядя Тит Титыч пел с нами, с ребятней. Его старуха ругается. А он вроде бы не может петь, не может правильно взять ноту. И вот она сама начинает выводить. И так все распевались, помогая друг другу. Вот от него и позаимствовали мы песни*» [Болонев, Выхристюк 2002: 68].

Обучение музыкально-песенным традициям, прежде всего, религиозным текстам, происходило и путем прямой дидактики: «Детей сначала, в первую очередь, учили молитве «Отче наш», потому что она пелась всегда перед едой, перед обедом. Все вставали из-за стола: и хозяин с хозяйкой, и

старушка со старичком, и дети, – и все пели "Отче наш"» [Науменко 1998: 331].

Процесс передачи песенно-поэтического фольклора от старшего поколения к младшему у семейских фактически не рассматривался исследователями, даже в книге Ф.Ф. Болонева и О.И. Выхристюк «Певцы и песни Большого Куналея» есть только небольшие наблюдения на этот счет [Болонев, Выхристюк 2002: 57, 68, 69, 71, 92]. И сегодня, обращая внимание на исполнительские, репертуарные и другие особенности того или иного песенного коллектива семейских, мы фактически забываем, что перед нами лишь его конечный результат.

Условия, которые влияют на данный процесс, наиболее наглядно прослеживаются на примере песенно-музыкальных традиций, связанных с ритуальной обрядностью, так как они не подвергались прямому идеологическому воздействию, не контролировались советскими и партийными органами. Наши наблюдения и видеофиксации поминальных обрядов лишь в трех семейских селах – Укыр, Архангельское, Гутай (Красночикойский р-н Читинской обл.) – выявили существенную разницу в порядке поминального молебна, характере исполнения молитвенных текстов и их содержании, что объясняется конкретной историей каждого из указанных населенных пунктов: доминирующей ролью того или иного согласия (поповского или беспоповского), наличием или отсутствием в дореволюционное и постреволюционное время церковных школ, продолжительным или недолгим существованием в советские годы грамотных духовных наставников, отдаленностью или близостью к районным центрам, особенностями процесса укрупнения деревень в 50-е гг. XX века и др.

Практически все эти факторы влияли также на уровень и качество сохранности светских музыкально-песенных традиций – особые приемы исполнения и репертуар (баллад, лирических, игровых, хороводных и др. песен) фольклорных коллективов семейских, состоящих сегодня в подавляющем большинстве из пожилых женщин 1920–40-х гг. рождения. Фактически в каждом семейском селе Бурятии и Читинской области при клубе существуют подобные ансамбли, многие из которых до сих пор выступают с концертами и песенными номерами на различного рода фестивалях и конкурсах[50].

---

[50] Такие коллективы не единственная форма бытования семейского фольклора. Как отмечала еще в 60-е гг. прошлого века Н.М. Владыкина-Бочинская, «пение небольшими ансамблевыми группами <...> – одна из самых распространенных в народном быту семейских сел форма музицирования <...> Ансамбли-дуэты, трио, реже квартеты и секстеты бывают родственными – поют муж с женой, братья, сестры и другие родственники или соседские. В последнее время развиваются ансамбли и хоры участников одной полеводческой бригады и разных других производственных объединений» [Владыкина-Бочинская 1975: 137].

Зачинателем «фольклорного движения» семейских по праву считается хор Большого Куналея (Бурятия), возникший в 1930-х гг. На его примере хорошо видно, что огромную роль в создании и творческой жизни семейских коллективов играют люди, обладающие авторитетом и всеобщим уважением на селе. Интересно, что в случае с Большим Куналеем лидеры хора и его основатели были и носителями знаний древнего благочестия – молитвенных песнопений и духовных стихов. Известно также, что в этом селе существовала певчая школа, в которой обучали мальчиков культуре знаменного распева (см.: [Болонев, Выхристюк 2002: 99]). Впоследствии организацией такого рода ансамблей, которые становились визитной карточкой семейских сел, стали заниматься работники культуры, имеющие нередко специальное музыкальное образование. Последнее обстоятельство, а также стремление к созданию образцово-показательных фольклорных хоров в различных семейских селах привело, на наш взгляд, к сужению репертуара, обеднению исполнительского мастерства и даже – в некоторых случаях – к искажению собственно семейских музыкально-песенных традиций и т.д. К примеру, фактически не семейским является известный ансамбль из с. Урлук, записи которого неоднократно публиковались и преподносились как образец семейского фольклора (см. [Лисин 1966; Урлук 1992; Волков 1996; Зенкова, Кирюшкина 2001]). В Урлуке старообрядцы жили с XVIII века, практически с первых лет своего появления в Забайкалье – это факт. Но фактом является и то, что основной исполнительский состав урлукского хора – А.М. Андреева, Ф.И. Пыткина, Т.А. Федорова, супруги Маниковские и др. по своей родословной принадлежат к православной общине Урлука, к так называемым «хохляцким» (см.: [Кляус, Левитт 2001])[51].

Отмеченное нами нисколько не умаляет значение семейской музыкально-песенной традиции ни в целом, ни в ее отдельных проявлениях. Напротив, это указывает на ее внутреннюю силу, восходящую к древлеправославному благочестию, демонстрирует стремление следовать вере и закону своих предков. Собственно говоря, в годы советской власти духовные традиции забайкальских старообрядцев, находившихся, как и прежде, в иноэтническом и иноконфессиональном, а в добавок еще и иноидеологическом, антирелигиозном окружении, не имели иного способа выражения, как в культивировании песенного фольклора, доставшегося им от отцов и прадедов.

В этой связи интересно рассмотреть характер восприятия и оценку забайкальских этномузыкальных традиций разными этническими группами региона.

---

[51] Урлукский парадокс состоит в том, что все участники (пожалуй, кроме А.М. Андреевой) этого коллектива, с которым мы общались в 1997 и 2000 гг., искренне уверены, что они семейские. При этом на вопрос о том, как складывали пальцы при перекрещивании их родители и как они это делают сами, нам демонстрировали троеперстие.

Прежде всего, необходимо указать на многообразие этих традиций. Можно назвать следующие функционально обусловленные виды и жанры, которые для той или иной забайкальской этноконфессиональной группы являлись актуальными и в некоторых случаях остаются таковыми до сих пор: эвенки – лирическое, хороводное, обрядовое пение (в том числе шаманское)[52]; буряты – лирическое, застольное, хороводное, ритуальное пение (последнее подразделяется на обрядовое пение шаманов, исполнение молитвенных песнопений во время различных ритуалов и храмовое пение в буддистских дацанах и дуганах); русское старожильческое, преимущественно сельское, население (семейские и казаки) – лирическое, застольное, хороводное, ритуальное пение (последнее подразделяется на обрядовое – во время Троицы, Рождества и др. праздников и храмовое пение – молитвенные песнопения в старообрядческих и православных церквях).

Для нас, как и для подавляющего большинства исследователей традиционной культуры, любая встреча с хорошими исполнителями народных песен вне зависимости от их этнической и конфессиональной принадлежности является значимой как с научной точки зрения, так и с эстетической. При этом понятно, что ощущения фольклориста не совпадают с тем, что по этому поводу думают и чувствуют люди, не относящиеся к кругу профессионалов или любителей, занимающихся и интересующихся народным музыкальным творчеством.

В конце 1990-х гг. нами был проведен небольшой опрос (см. подробнее: [Кляус 2003а]), который, в частности, показал, что высокая оценка всем трем указанным выше этническим песенным традициям дается только людьми, имеющим профессиональное отношение к сфере образования и культуры. В целом же выяснилось, что «обычные» русские респонденты Забайкалья высоко оценивают пение семейских, казаков, церковное пение (т.е. русское) и негативно – бурятское и эвенкийское. При этом последнее во многих случаях заочно, то есть, отрицательно ответив на вопрос, слышали ли они эвенкийские, бурятские песни, молитвенные песнопения в дацанах или шаманские песнопения, на вопрос, хотели ли они это услышать, русские забайкальцы, среди которых опрашивалось немало семейских, отвечали «нет». К сожалению, у нас пока не было возможности задать подобные вопросы эвенкам, но бурятские респонденты, по сравнению с русскими, проявили большую эстетическую гибкость и достаточно высоко оценивали пение русского старожильческого населения, в том числе и храмовое. Последнее даже заочно, то есть, отвечая отрицательно на вопрос, слышали ли они пение на молебнах, в церквях, на дополнительный

[52] По отношению к эвенкийской традиции, к сожалению, об этом приходится говорить в прошедшем времени, при этом не только потому, что музыкальная культура эвенков Забайкалья фактически исчезла, но и потому, что «на родном языке говорит меньшая половина эвенков, в основном – люди пожилого и старого возраста» (см.: [Найканчина 1998: 102]).

вопрос, хотели ли они это услышать, ответили «да».

Такая эстетическая оценка является одним из факторов, влияющих на уровень взаимодействия музыкальных традиций в забайкальской зоне этнокультурного пограничья. Музыкально-звуковой образ «иного», «чужого» этноса, представленный в светском и храмовом пении бурят, с эстетической точки зрения мало привлекателен для семейских и русского населения Забайкалья в целом. И действительно, наши полевые наблюдения показывают: женщины и буряты Забайкалья чаще, чем русское старожильческое население, имеют в своем фольклорном репертуаре русские песни, которые они переняли от своих русских друзей, знакомых, соседей, выучили благодаря радио и телевидению. И дело здесь, конечно, не только и не столько в насильственной русификации коренного населения, что имело место всегда, а особенно активно осуществлялось в 1930–1980-е гг., но и в том, что русские Забайкалья (здесь мы имеем в виду прежде всего семейских) в своих собственных представлениях выделяли, отделяли и в определенной степени огораживали себя от остального населения края, особенно иноэтнического. В то же время мы должны сказать, что обозначенное отчуждение семейских от бурятской народной песенной культуры никогда не было полным и безусловным, особенно в тех случаях, когда буряты и семейские жили непосредственно по соседству. Здесь уже не только буряты пели фольклорную лирику, воспринятую ими от их русских соседей (как правило, это песни позднего происхождения), но и семейские становились носителями бурятской народной песенной традиции. Показательно в этой связи следующее интервью, которое мы записали от одного из жителей с. Новосретенка Бичурского р-на:

«- А вот семейские, они всегда отличались тем, что песни хорошо поют. И у вас здесь был хор. Даже имел звание народного! [Соб.]

- Но был.

- А бывало так, что семейские могли бурятские песни петь? [Соб.]

- Русские пели, только не наши. Вот я знаю, билютайские пели песни семейские, покровские[53]*. А вот наши, допустим, не пели.*

- В каком смысле «билютайские пели бурятские песни»? [Соб.]

- Бурятские песни! Покровские. А вот наши, наш хор, наш не пел бурятские песни. У них свой коллектив был, всегда он был мощный, гутайский, да и шабиртуйский[54]*.*

- Гутайский – там бурятский коллектив? [Соб.]

- Бурятский.

- А вот он, они русские песни пели? [Соб.]

- Оне поют! <...> Оне поют замечательно. Они поют русские, бурятские, все, частушки и все. Оне боле мене так. А каки-та вот мы-та от замкнутые. Видимо, когда нас эта спакон веков, видимо, гнали сюда в око-

---

[53] Билютай, Покровка – семейские села Бичурского р-на Бурятии.

[54] Гутай, Шибертуй – бурятские села Бичурского р-на Бурятии.

вах-та. Екатерина Вторая, видимо, нас сюда сопровождала за Байкал-та. И вот так осталось все от как-то. И притупление, между прочим. <...> *Ну, а семейский тут хор был, он народный фольклорный хор здесь.* <...> *Так много раз выступали они на заключительных смотрах в Республике выступали»* [АНФ].

От фольклорного коллектива из Покровки бурятских песен нам услышать не удалось, только русские (см.: Приложение №№ 95, 96), но от их соседей, из сел Судутуй и Петропавловка, тоже семейских, мы записали интересные образцы лирического фольклора бурят (№№ 129–132).

♦♦♦

Значительные и репрезентативные корпуса песенного фольклора русскоустьинцев и семейских дают возможность поставить вопрос о глубине влияния иноэтнических соседей на язык песенных текстов рассматриваемых здесь двух групп русского населения Сибири. Мы рассмотрим это на примере лексического состава их песенного фольклора. Его анализ позволит выявить локализмы и факт проникновения в песни русскоустьинцев и семейских слов иноязычного происхождения, благоприятной почвой для чего, как представляется, являются контакты индигирцев и забайкальских старообрядцев в бытовой, культурной сфере с иноэтническими соседями, использование русскими насельниками в обыденной речи заимствованной от них лексики, билингвизм определенной части русскоустьинцев и семейских, а также знание отдельными исполнителями песенных произведений из фольклорного репертуара коренных сибирских народов. При чем в сравнительном плане уровень этих процессов у забайкальских старообрядцев был значительно менее интенсивным, чем у русских индигирцев, хотя бы по причинам их относительно большей численности и закрытости от любых иноверцев вследствие специфики бытования религиозных традиций.

Глава 2
ЛЕКСИКА ПЕСЕН РУССКОУСТЬИНЦЕВ И СЕМЕЙСКИХ В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ БЫТОВАНИЯ В ИНОЭТНИЧЕСКОМ ОКРУЖЕНИИ

Для выявления элементов качественного своеобразия языка песенного фольклора русскоустьинцев и семейских как следствия их языковых и культурных контактов с коренным населением этих регионов необходим дифференцирующий анализ лексики их песен.

Имеющиеся в настоящее время специальные работы по языку индигирцев и забайкальских старообрядцев дают возможность сориентироваться в истории происхождения их говоров, что позволяет, в частности, исключать из числа «локализмов», т.е. слов, встретившихся только в песнях одного региона и территориально ограниченных в употреблении, фонетические варианты общераспространенных слов.

Приводимые различными авторами высказывания о языке **русскоустьинцев** практически повторяют друг друга. Так, в книге «Русские старожилы Сибири» Н.Б. Вахтин, Е.В. Головко и П. Швайтцер [2004: 204–214], рассматривая их язык как этнокультурный маркер, отмечают: «Все авторы в один голос говорят о высокой степени сохранности русского языка в селе Русское Устье. Так, Н.Л. Гондатти отмечал: «...у индигирщиков обычная русская простонародная речь» [Гондатти 1897: 160]. Е.Ф. Скворцов писал, что «отличительной чертой русских на Индигирке является то, что среди них почти в полной неприкосновенности сохранился русский язык» [Скворцов 1910: 166][55]. М.А. Кротов, побывавший у русскоустьинцев в 1930-х годах, также писал, что русскоустьинцы часто вместо звука «с» произносят «ш», вместо «ц» – «с» (*сар* и *цар*, царь), вместо «ж» – «ж» (вжал), но в противоположность русским низовьев Колымы они не шепелявят, они не сладкоязычны [Кротов 1934: 54], – т.е. имеется в виду, что язык русскоустьинцев ближе к литературной норме по сравнению с языком колымчан.

Все исследователи едины в том, что основным диалектным источником лексики индигирского и некоторых др. аналогичных говоров Севера, которые имеют русское происхождение, были говоры северных областей Европейской России (см.: [Богораз 1901: 4; Дружинина 1986: 356; и др.]).

Изучением языка **семейских** Забайкалья занимались на протяжении ряда лет многие лингвисты (см.: [Ровинский 1873; Селищев 1920, 1921; Белькова 1970; Козина 1987, 1991, 2001, 2004 и др.; Тынтуева 1973, 1992, 1997 и др.; Эрдынеева 1986, 1992; Юмсунова 1988, 1992, 1997, 2001, 2005 и др.]).

---

[55] В другом месте этот автор также отмечает «удивительную сохранность русского языка» индигирцев (см.: [Скворцов 1914: 409]).

А.М. Селищев [1920, 1921] уже в начале прошлого века отмечал, что якающие говоры, к которым относится говор семейских, в Сибири очень редки среди типичных северно-великорусских говоров, зато они имеют много общего с говорами Курской области, на основе чего он сделал предположение о происхождении носителей красночикойского и верхнеудинских говоров семейских Забайкалья из Курской губернии.

В.А. Белькова считает, что говор семейских Красночикойского района Читинской области, составляющих одну из локальных групп старообрядцев западной части Забайкальского региона, вследствие своего отрыва от материковых русских диалектов, а также вследствие относительной замкнутости и этнической обособленности его носителей сохранил свою самобытную, в основном ярко выраженную южно-великорусскую фонетическую и грамматическую организацию языка с заметным количеством архаических особенностей, утраченных говорами европейской части страны [Белькова 1970 и др.].

Рассматривая красночикойский (семейский) говор, являющийся инодиалектным образованием в составе северно-великорусских говоров, В.А. Белькова доказывает, что он сохранил практически все черты говора курских «саянов»[56], к которому он исторически восходит [1970].

Источниковедческой базой для анализа лексики песенного фольклора русскоустьинцев и семейских послужили корпуса текстов, собранных и опубликованных исследователями за небольшим исключением в основном в XX столетии.

В качестве источников по песенному фольклору **русскоустьинцев** нами были использованы следующие издания и песенные собрания:

Зензинов Н.В. Старинные люди у холодного океана: Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. – М., 1914 <1>[57];

Шуб Т.А. Исторические песни Русского Устья // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. 3. – Л., 1958 <2>;

Фольклор Русского Устья / Сост. С.Н. Азбелев, Ю.Н. Дьяконова и др. – Л., 1986 <3>;

---

[56] Этимологию названия курских «саянов», проживавших в центральной и северной частях бывшей Курской губернии, дает А.А. Потебня. По его мнению, это название является производным от формы дательного падежа возвратного местоимения *сае (= себе)* по аналогии с названиями и других диалектологических групп южно-великорусского наречия: «ягуны» возникло по особенности произношения носителями говора личного местоимения третьего лица единственного числа *яго*, по особенности произношения *ц* вместо *ч* произошло название «цуканы» [Потебня 1865]. По другим версиям, это название возникло из наименования особого вида женской одежды: *саяны* – сарафаны особого покроя [Халанский 1904]. А.И. Соболевский определяет появление названия «саяны» отличительной чертой этой группы – произношением *с* вместо *ц* (так, в некоторых районах Курской области до сих пор можно услышать *куриса* `курица`, *погребиса* `надстройка над погребом`) [Соболевский 1905: 35, 40–41].

[57] В угловых скобках указана условная нумерация сборников, принятая в тексте.

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 15 / Сост. Ю.И. Смирнов. Новосибирск, 1997 <4>;

Тексты из Архива Якутского научного центра Сибирского отделения РАН по копиям, хранящимся в Отделе памятников письменности Института монголоведения, буддологии и тибетологии Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН (записи 1931 г. М. А. Кротова, 1946 г. Н.А. Габышева, инв. № 2181/3315, папки 1 и 2, Материалы фольклорной экспедиции в Якутскую АССР сектора русского народного творчества ВНОН в 1973 г.), тексты Фольклорного архива Рукописного отдела Института русского языка и литературы РАН (Пушкинский Дом) (записи экспедиции 1977 г. С.Н. Азбелева, Ю.Н. Дьяконовой, Г.В. Матвеева, К. 268. Н 1.), тексты личного архива В.Д. Осиповой (записи экспедиции 1973 г. В.Д. Осиповой, В.И. Зоркина), которые опубликованы опубликованы в Приложении <5>.

В качестве источников по песенному фольклору **семейских** использованы следующие издания и песенные собрания:

Ровинский П.А. Этнографические исследования в Забайкальской области // Известия Сибирского отдела РГО. – 1872. – Т. 3. – № 3. – С. 120–133. Он же. Материалы для этнографии Забайкалья // Известия / ВСОРГО. 1873. - Т. 4. – № 2. – С. 99–101; №3. – С.113–132 <6>;

Протасов Н.П. Песни забайкальских старообрядцев. – Иркутск, 1926 <7>;

Гуревич А.В., Элиасов Э.Е. **Старый** русский фольклор Прибайкалья. – Улан-Удэ, 1939 <8>;

Фольклор семейских / Сост. Л.Е. Элиасов, И.З. Ярневский. – Улан-Удэ, 1963 <9>;

Элиасов Л.Е. Народная поэзия семейских. – Улан-Удэ, 1969 <10>;

Русские свадебные песни Сибири / Сост. Р.П. Потанина. – Новосибирск, 1979; Обрядовые песни русской свадьбы Сибири / Сост. Р.П. Потанина. – Новосибирск, 1981; Русская свадебная поэзия Сибири / Сост. Р.П. Потанина. – Новосибирск, 1984 <11>;

Хороводные и игровые песни Сибири / Сост. Ф.Ф. Болонев, М.П. Мельников. – Новосибирск, 1985 <12>;

Волков В.Н. Фольклор Читинской области. – Чита, 1996 <13>;

Дорофеев Н.И. Русские народные песни Забайкалья: Семейский распев. – М., 1989 <14>;

Сторона ты моя, сторонушка: Песни семейских Восточного Забайкалья / Сост. Т.М. Зенкова, И.О. Кирюшкина. – Чита, 2001 <15>;

Записи из фольклорного архива Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (экспедиция 1997/98 гг., осуществленная по проекту РГНФ «Традиционная культура "семейских" Чикоя», № 97-01-18061, записи В.Л. Кляуса, Л.Н. Ильюшенковой, В.С. Левашова), записи из личного архива В.Л. Кляуса (записи разных лет), которые опубликованы в Приложе-

нии <16>.

Необходимо отметить, что в этих публикациях и собраниях качество подачи фольклорных текстов весьма неодинаково. Если брать, к примеру, семейских, то сравнение ранних записей (П.А. Ровинского, Н.П. Протасова и др.) с некоторыми современными показывает, что первые передают лишь содержание этих текстов, не отражая особенностей их пропевания исполнителями. Это говорит о том, что, видимо, тексты подвергались определенной редакторской правке. Существуют достаточно серьезные замечания по поводу подачи текстов и в некоторых недавно изданных сборниках[58].

Относительно русскоустьинских материалов также есть одна существенная проблема. Известно, что Н.А. Габышев, который записал самое значительное количество текстов индигирцев, не очень хорошо понимал их говор, и поэтому вполне возможно, что его записи не всегда точно отражают услышанные им песни.

Тем не менее мы анализируем то, что имеем, при этом ранние записи ценны тем, что в них зафиксированы многие уже ушедшие из бытования фольклорные произведения. Можно только предполагать об ошибках, которые были сделаны при их фиксации или расшифровке, а без учета всего массива известного материала анализ лексики песен русскоустьинцев и семейских, на наш взгляд, не представляется возможным, особенно в свете поставленной задачи выявления влияния на нее языка иноэтничных соседей.

2.1. Сравнение словников песен русскоустьинцев и семейских Забайкалья со словниками фольклорных текстов других регионов России

Анализ лексики народных песен двух указанных регионов мы начали с составления словников[59] и частотных словарей[60]. Затем было произведено сравнение словников песен русскоустьинцев и семейских Забайкалья методом аппликации, что позволило нам выяснить, насколько сильно отличается лексическое наполнение этих словников при схожем репертуаре и едином ядре частотной лексики (сравнивались наиболее частотные лексемы обеих фольклорных традиций).

---

[58] По поводу сборника «Сторона ты моя, сторонушка: Песни семейских Восточного Забайкалья» (Чита, 2001) см. рецензии: [Кляус 2003b; Миненок 2003].

[59] Подробно технология автоматизированного составления словников с использовнием современных электронных средств обработки информации описана в: [Хроленко 2005: 199–207; Бобунова, Хроленко 2005: 3–19: Бобунова, Хроленко 2006: 3–25].

[60] К сожалению, объем получившихся словников (всего их шестнадцать, общее количество лексем – более 30 тыс.) не позволяет нам дать их в качестве приложения к настоящей монографии, как изначально планировалось. Опыт курских лингвофольклористов показывает, что такого рода эмпирический материал вполне достоин отдельного издания (См.: [Степанова 2002; Бобунова 2003 и др.]).

После проверки по словарям из общего числа несовпавших слов была исключена общелитературная лексика. Она составила более 70 % слов для обеих фольклорных традиций.

В оставшемся массиве (четвертая часть от первоначального списка) содержался большой процент диалектной лексики, которую мы смогли идентифицировать с помощью диалектных словарей различных регионов России. Так, у семейских в песнях имеется значительное число диалектизмов, характерных для тех регионов, откуда они были переселены в Забайкалье (в основном это юг России), у русскоустьинцев – большой процент северорусских диалектных слов.

При сравнении словников мы учитывали определенные расхождения, обусловленные как установками составителей, так и нерешенностью проблемы статуса слова в языке [Климас 1998b: 3–6]:

а) неодинаковая представленность видовых глагольных пар. В таких условиях, вслед за И.С. Климас, мы считали совпадающими глаголы разных видов, т.е. зафиксированный в одном из словников глагол воспринимался как соответствующий обоим членам глагольной пары, отмеченной в другом словнике (например, *крикнуть – кричать, кончиться – кончаться* и т.п.);

б) диминутивные формы считались совпавшими с недиминутивными словами лишь «в тех случаях, когда их денотативная тождественность с бессуффиксными образованиями в других словниках не вызывала сомнений» [Климас 1998b: 4] (например, *притворок – притворочек, компания – компаньица* (Рус. Устье));

в) полная и краткая формы прилагательного, встретившиеся в различных корпусах текстов, также считались совпадающими;

г) то же и с формами единственного и множественного числа существительных, образованных по достаточно регулярным моделям, типа *зятья – зять* и др.;

д) в рамках вопроса установления пределов варьирования лексемы (см. [Климас 1998b: 4]) мы рассматривали как совпадающие только слова с типичными чередованиями (например, *сокатиться / скатиться* – чередование *со / съ* отмечено у Даля [Даль: IV: 332]), слова с изменениями морфологических характеристик (ж.р. вместо м.р.: *карманница* (*На шейке-то платок – В карманнице другой – Тальнинский голубой*); *путя* (*Ой да понесла его то лошедь не путёю*) (Рус. Устье), и наоборот, м.р. вм. ж.р: *цепочек* (цепочка) (Забайк.); мн. ч. вместо ед.ч., несомненные фонетические варианты (отраженные в толковых словарях), а в тех случаях, когда проявлялась яркая фольклорно-диалектная специфика, отмечалось несовпадение;

е) при сопоставлении словников мы столкнулись также с “проблемой разграничения слова, в том числе сложносоставного, и сочетания слов” [Климас 1998b: 4]. В частности, оказался важным для нас вопрос о нареч-

ных формах на *-ым (-им)*. В словниках они фиксируются по-разному: либо отдельно, либо в составе сложных тавтологических наименований (например, *пустым-пусто, ранним-ранешенько* (Рус. Устье), *студяным-студяна гладым-гладешенько, располным-полна, малым-малешенька* (Забайк.) и т.п.).

Курские лингвофольклористы считают формы на *-ым* «самостоятельными лексемами с предельно узкой сочетаемостью (только с однокоренными прилагательными и наречиями / словами категории состояния)» [Набатчикова 1997: 57–59; Бобунова 1998: 19–20]. Так, аргументируя свою позицию, М.А. Бобунова ссылается не только на фольклорные тексты, но и на Академическую грамматику [Русская грамматика 1982 Т.1: 399–400; Бобунова 1998: 19–20].

Итак, все не нашедшие отражения в словарях наречия на *-ым* мы исключили из списка специфических для исследуемых регионов лексем на том основании, что такие наречия являются характерными не только для русского фольклора, но и для литературного языка (См.: [Бобунова 1998: 2–21]).

Интересно, что среди лексем, упоминающихся только в одном-двух словниках по обоим исследуемым регионам, большинство имеют единичную частотность либо встречаются в одном или схожих текстах.

Оставшийся список несовпавших по двум корпусам текстов лексем мы наложили на имеющиеся в арсенале курской лингвофольклористической школы словники [Моргунова 1995: 14–48; Климас 1998а: 41–72; Петрова 1998: 42–70; Шишкова 1998: 21–36; Крисанова 1998: 37–64 и др.].

Поскольку большинство «локализмов» имеют единичную частоту употребления, мы посчитали нецелесообразым составление словарных статей и ограничились приведением контекстов к ним.

2.2. Выявление лексем, не отмеченных в словарях

На следующем этапе анализа лексики народных песен двух регионов мы исключили общеупотребительную лексику, сопоставив контекстуальное значение выделенных слов с их лексическим значением, приведенным в толковых словарях русского языка [Даль, Ушаков, МАС, БАС, Ожегов и др.] (слова, отмеченные в словарях пометами *обл., разг., устар., простореч.* и *поэт.*, были также исключены из рассматриваемого списка).

Русское происхождение некоторых слов было подтверждено с помощью этимологических словарей русского языка [Фасмер-Трубачев: I–IV; Преобр.: I–II, Вып. посл.]. Были использованы с той же целью и исторические словари: Словари древнерусского языка [Срезн.: I–III; СДРЯ: 1–4], Словарь русского языка XI–XVII вв. [СлРЯ XI–XVII: Вып. 1–21], Словарь русского языка XVIII в. [СлРЯ XVIII: Вып. 1–9].

Возможно, наличие такого рода лексики в анализируемых текстах говорит о присутствии в языке песен Русского Устья и Забайкалья элементов «консервации», но, может быть, эти слова были сохранены говорами, лексика которых является продуктом ряда веков. Во многих диалектах до сих пор используются слова, давно утраченные литературным языком. Следует еще раз отметить и единичность словоупотреблений этой лексики, что говорит о случайном характере их использования в текстах лирических песен.

Итак, литературная лексика (в том числе и устаревшая) составила более 70 % от оставшегося списка, часть таких слов зафиксирована в словаре В.И. Даля. Оставшиеся слова мы проверили по Словарю русских народных говоров, областным словарям [ПОС, СБГ, СВГ, СОГ, СРГК, СРГН, ССГ, ССРНГ и др.], а также по картотекам СРНГ и ПОС [КСРНГ; КПОС].

Из числа характерной только для исследуемых регионов лексики, несомненно, следует исключить также ряд диалектных слов, не отмеченных в словарях, но, бесспорно, русских. Это такие слова, как двукорневые (сложные) прилагательные *белолоб, беломенный (беломедный); землегреческий, златоверховый, золоточудный* и производные от прилагательных *долгоухий, круглолицый* и *полоротый* существительные *долгоушечки, круглолицка* и *полорот*, которые "понятны по составу слова" [Даль: 1: 1361] (*полый* – `открытый, отверстый, незакрытый, растворенный настежь, распахнутый, разверстый`) [Даль: 3: 689]. В говорах русского языка можно встретить немало примеров образования диалектных слов из двух или трех слов, непосредственно соседствующих друг с другом [Кузнецова 1979: 62]. Сочетание таких слов, постоянно употребляющихся в одном и том же порядке, постепенно лексикализуется, превращаясь в единый словесный комплекс, в одно слово. Этот способ образования новых слов обычно называют агглютинацией. «Агглютинация состоит в том, что два или несколько слов, первоначально раздельные, но часто встречающиеся внутри предложения в одной синтагме, сливаются в полностью или почти полностью неанализируемую единицу» [Соссюр 1977: 212].

При составлении словника мы фиксировали практически все деепричастия на *-ши, -учи (-ючи), -цы* (типа *сидючи, повесивши* (Забайк.), *заметаючи, разлягши* (Рус. Устье)) без учета наличия при них глагола-сказуемого. Такие лингвисты, как И.Б. Кузьмина, Е.Б. Немченко, Е.Б. Артеменко, А.Б. Шапиро, относят слова со значением «находиться в состоянии совершающего или совершившего данное действие или подвергавшегося данному действию» [Шапиро 1953], традиционно интерпретируемые как деепричастия, к особой диалектной причастной форме на *-ши, -учи* [Кузьмина, Немченко 1971]. Е.Б. Артеменко же относит подобные случаи к специфически диалектной схеме, представляющей собой двусоставную формулу N_1 – Part, где N_1 – подлежащее – имя в именительном падеже, а Part – сказуемое – причастие. Автор отмечает, что такая структурная схема

предикативных единиц является специфически диалектной схемой и реализуется в песне значительно реже других. Артеменко приводит пример из песни северно-русского ареала, где предикативные единицы построены по этой схеме [Артеменко 1977: 96–97].

В анализируемых нами текстах построенных по этой схеме структур достаточно. Исходя из вышесказанного мы не склонны рассматривать подобные лексемы как заимствованные, тем более что в диалектологическом атласе русского языка [Диалектический атлас 1989: 141–148] также отмечена характерная для западных и северо-западных групп говоров особенность употребления причастия на *-ши* в функции предиката.

Здесь же указываются причастия на *-вши* и на ***-мши***, преобладающие в западных среднерусских и севернорусских группах говоров (причастия, оканчивающиеся на ***-вши***), а также в восточных среднерусских и южнорусских говорах (на *-мши*) [Диалектол. аталас 1989: 148].

Наречия *жалобнешенько, крепчешенько, мельчешенько, умнешенько* и т.п. (Рус. Устье) мы также должны исключить из нашего списка, так как лексемы с такой же аффиксацией уже были исключены нами из него, поскольку зафиксированы либо в словарях [Даль, ПОС, СРНГ], либо в других словниках русских лирических песен, указанных ранее.

Известно, что **песни** обнаруживают тесную связь со всем укладом **жизни их** творцов, хранителей и исполнителей. Эта связь прослеживается и в языке. Многочисленные примеры употребления диалектных слов в народных песнях являются ярким свидетельством этой связи. Песни в живом исполнении всегда передают особенности диалекта, в них отчетливо прослеживаются диалектные фонетические, морфологические и лексические черты [Евгеньева 1963: 11–12; Сороколетов 1979: 54–55]. О том, что в языке фольклора заметное место занимают диалектные слова и выражения, пишут все исследователи, занимающиеся изучением народно-поэтической лексики [**Оссовецкий 1958, Кретов 1973, Зайцева** 1973, Сороколетов 1976, 1979; Бобунова, Праведников, Хроленко 2003 и др.].

2.3. Локализмы песен русскоустьинцев Якутии и семейских Забайкалья

Большая часть лексики песен жителей Русского Устья и семейских Забайкалья, изначально попавшей в список локализмов, отражает диалектную специфику говоров этих регионов. В число таких слов вошли фонетические, словообразовательные и диалектно-фольклорные варианты известных в русском языке слов. Так, в песенном фольклоре **Русского Устья** мы встречаем много фонетических вариантов литературных и диалектных слов, к примеру, *безбоязжный, вжять; жделать; желеный; жемля; жмея; жолотой; залежать; кажна; нажвать; понёжёшенько; призымать;*

рижвеять; хожайка; жемчузинка; прохлаздаться; бешеда; Вашильевич; вешелый; вовшю; вошьмой; вше; вшегды; гошть; завшегда; крашный; кушт; лишт; мешец; немилошливый; непошпелый; нош; ношить; пошерсть; проглашить; хриштиянин; шабля; шбыться; швадьба; шветлица; швечка; швинцовый; швокровушка; омманывать; беломенный; бенный; шшо; ланно; менный; поннебесо; трунный; холонный; бладой; гумажечка; воударыня; восподин; жиччьё-быччьё; очец; скачерть; треччий; клюци; ручка; словецько; певиса; сар, сарский; шветок, разношветный; ленда; стражeнье; стрезать; струбить; фатера, хачера (квартира); хвронцуз, хвронцузский; кахтан и другие.

Большинство из описанных фонетических изменений в языке русскоустьинцев подробно описаны исследователями: [Зензинов 1914; Кротов 1934; Худяков 1969; Дружинина 1986 и др.]. Такие деформации русских слов могли быть вызваны, как нам кажется, билингвизмом русскоустьинцев. Впрочем, нельзя исключать и тот факт, что в язык жителей Русского Устья многие слова, вошедшие в русский язык в XVII–XIX веках, входили в просторечной форме или в той форме, какую они приобрели в каких-то иных диалектах русского языка, носители которых появлялись на севере Якутии.

Отметим, что многие черты языка песен этого региона вполне характерны для лексики русского фольклора вообще. Так, употребление *[р]* вместо *[р']*, свойственное (правда, в меньшей степени, чем другие фонетические явления) языку русскоустьинцев, встречается в различных группах говоров, но лишь как особенность произношения отдельных слов (Ср. в РФЛ: [Супряга 2001: 126]). Наиболее распространено данное явление в западной группе южного наречия [Захарова, Орлова 1970: 122].

Как и во многих окающих говорах (см.: [Русская диалектология 1989: 13], в песнях русскоустьинцев встречаются слова с надставкой (протезой) гласного [а] или [о], [и] в слове *аржаной* (ср.: (*оржаной, иржаной*)).

В песнях **семейских** Забайкалья так же, как и в песнях Русского Устья, достаточно много фонетических вариантов: *боляре, бытто, взамуж, востальной, вострый, времитько, вулица, вумереть, вшибить, ден, денецек, дарошти, дожж, жаниться, жештокий, жисть, зялезный, испужаться, каковать, какушка, клятба, колясочта, кораб, кудерышти, кульорский, куроцка, ливорверт, лябедушка, лянок, невелицка, ноць, ноценька, ночевать, Петенбурх, платоцек, сляза, сповести, спожалеть, сторонушка, сярцо, тёша, трахт, упушать, устренуть, цай, цасочек, цатыре, чжаны* и другие.

Фонетические особенности языка семейских подробно описаны в целом ряде работ таких исследователей, как В.А. Белькова, П.А. Ровинский, А.М. Селищев, Е.И. Тынтуева, Т.Б. Юмсунова и др.

Выше мы оговорились, что исключили такую лексику из числа локализмов, поэтому далее о ней практически не будем упоминать.

Среди словообразовательных вариантов в песнях русскоустьинцев можно выделить такие, как: *виплениить* (пленить), *возрыданьице*, *перграбить*, *передрогнуть* (продрогнуть), *поширить*, *призаплакаться*, *призахвастаться*, *развоенный*, *разъякутский*, *спокаяться*, *спроговорить*, *бесхвостовый*, *гончевой*, *женишечка* (жена), *побранишечка* (побранка), *засланивать*, *мерышка*, *многострадательный*, *омоёчка* (от *омыть*), *полюбовушка*, *пьянский*, *шурняк* (шурин) и др.

Диалектное / фольклорное словообразование в фольклоре семейских можно наблюдать на примере таких лексем, как: *арестанец*, *бездомовный*, *бохрничек*, *возвиться*, *возговорить*, *возрыдать*, *воскипеться*, *воспеть*, *воспомереть*, *дожидать*, *жалобнишенуко*, *жалчеи*, *жалчеинико*, *заламливать*, *залётывать*, *златокветка*, *избыть* / *избывать*, *караульщик*, *куковенок*, *людюшки*, *многразный*, *наливчастый*, *напроскучить*, *наступливать*, *нахмелить*, *обручателинский*, *охвицерик*, *воскричать*, *подзаметить*, *поизотовски*, *покурьер*, *полегохонько*, *потихохонько*, *попалывать*, *привзакрыть*, *привзастыть*, *привзуныванo*, *привзуныть*, *приятливый*, *разбедный*, *разрусый*, *раздубрава*, *разогонь*, *размолоденький*, *разосенний*, *приукрашеный* / *привзукрашенный*, *расплаточек*, *рассапожки*, *рассафьяный*, *растабун*, *рассыпчастый*, *расхижина*, *соловьятушки*, *стакашок*, *сподёрнуть*, *спошатнуть*, *утоплять* и другие.

Все описанные случаи не несут на себе следов заимствования, слова со схожей аффиксацией зафиксированы в словарях и описаны в диалектологической литературе (см.: [Андреева-Васина 1971, 1974, 1979; Розейзон 1996; Сенкевич 1973; Симина 1979; Тришина 1966 и др.]).

В новых условиях бытования традиции, часто под влиянием языка-соседа в фольклоре и диалектах вообще у известных слов могут развиваться новые значения, либо появляются омонимы.

Так, в текстах русского фольклора, записанного в иноэтническом окружении, встречается много слов, омонимичных словам литературного языка. В Русском Устье такими словами являются *барабан*, *ветка*, *горный*, *плащ* и др.

Барабан (2) Барабанчик он пекет, Барабанчик пригорел, Васька старший одурел (<5>, №43: «Силиванов казачёк»). *Барабан* – жареная пресная крупитчатая лепешка [Рус. Устье 1986: 381]. *Барабан* – 'кушанье из толченой икры с мукой, поджаренное на сковороде' сиб., камч.; 'блин из икры, мелко истолченной в замороженном виде, иногда с примесью муки' колым., якут. [СРНГ: 2: 99]. В словаре А.Г. Чикачева также есть слово "барабан" – 'большая лепешка из теста; блин из толченой икры' [Чикачев 2005: 15]. А.Е. Аникин соотносит слово *барабан* (в указанных значениях) и *барбан* – 'большая лепешка из муки', 'жареная пресная крупитчатая лепешка' н.-индиг [Аникин 2000: 116, 118]. То есть, если верить толкованию, данному в сборнике «Фольклор Русского Устья», то *барабан* = *барбан* (по Аникину). Это слово вряд ли было заимствовано, поскольку А.Е. Аникин

приводит другое соответствие в якутском языке [Аникин 2000: 116]. Встречается в текстах Русского Устья *барабан* и в омонимичном данному, более привычном нам значении: *На горе-горе петухи поют Под горой-горой барабаны бьют* (<3>, № 150).

Ветка `лодка` (15) Ну, хорошо как, братцы, ветка изукрашенная: Рис нос-корма у ветки подзолоченныя, И рытом бархатом ветка обколоченная (<3>, №144: «Из-под камешка речка разливалась...», см. там же №119, 120; <2>, № 2, 10). *Ветка* в приложении к сборнику «Фольклор Русского Устья» – «легкая лодка, удобная для переноски» [1986: 381]; в словарях: `легкая лодка-однодеревка, удобная для переноски; челнок; берестяная лодка, весом не более 30 фунтов у якутов, остяков и тунгусов` [СРНГ: 4: 194]; `маленькая одиночная лодчонка, особенно берестяная; сшитый на деревянном остове из бересты челнок` сиб. [Даль 1998: I: 460]; `вид судна на реке Ветке` вят. [Фасмер-Трубачев: I: 306]. В Диалектном словаре Русского Устья "ветка" – 'одноместная лодка' [Чикачев 2005: 18]. По мнению А.Е. Аникина, «объяснение возникновения из коми иж., печ. и др. *ветки* `маленькая одиночная лодчонка` было бы неверно, так как коми слово из рус.» [Аникин 2000: 155]. Автор словаря считает также, что слово едва ли связано с названием реки *Вятка*, как это утверждается в: [Фасмер-Трубачев: I: 306].

Горный (1) Погодушки горны, От жемли отдерни! Погодушка волновая, Погодушка парусная! (<3>, №155: «Погодушки горны...»; см. также: <3>, № 159). *Горній* – верхний [Даль: 1: 927]. В СРНГ к лексеме *горний* приводятся сочетание *горний ветер* – «ветер, дующий с материка, береговой, прибрежный», *горний путь* – `ехать, идти сущей, не водой`; *горный* – дующий с материка, береговой, прибрежный, о ветре` [СРНГ: 7: 46; 49]; *погода* в этом случае может означать `плохую погоду, непогоду, ненастье`; *большая погода* – `большое ненастье; сильное волнение на море, реке, озере`, *верховая погода* – `ветер с верховьев рек; северо-западный верховой ветер` *Иркут., Якут.* (см.: [СРНГ: 27: 297– 298; 4: 166]). Встречаем в текстах и другие сочетания со словом *горный* – *горная осиночка* (<3>, № 153) и *горный тонгус* (<3>, № 158), где *горный* – производное от *гора*.

Плащ (1) Его черные кудри расчесала, Ему кунюю шубу надевала, Его золотыми плащами застегала... (<3>, №196: «Хорош был жемчуг в ожерельях»). *Плаща* – `пуговица` *Перм.* [СРНГ: 27: 106].

В песнях **семейских** находим лексему ***фанты*** (2) На ем дулевый кафтан, фанты дуются, Фанты дуются, раздуваются (<14>, №344: «По мосту мосточку»). Как видим, здесь слово *фанты* – омоним известной в литературном языке лексемы, поскольку речь идет о предмете или части одежды. В других вариантах этой песни, в частности, в текстах **русскоустьин-**

цев, изофункционально используются слова *сволки*, *свалки*[61] в значении 'складки'. Даль пишет: «*Фанты?* <...>, *фанцы* ... 'боры, сборки, складки; полы, фалды одежды' [Даль: 4: 1132]. Созвучное слово находим и у **А.Е.** Аникина: «*Фанза* – 'китайская шелковая ткань вроде фуляра' *сиб.* (со ссылкой на Даля), 'китайская материя, род тафты' *сиб.* ... из маньчж. (< кит.) [Аникин 2000: 598]. Однако вероятнее всего слово *фанты* – фонетический вариант лексемы *фалда* 'задняя пола мужской одежды, имеющей разрезанную снизу спинку; трубкообразная продольная складка на одежде' (из польского) [Евгеньева: 4: 549].

Анализируя оставшуюся часть локальной лексики песен двух исследуемых регионов, мы постараемся придерживаться следующей последовательности подачи материала: сначала рассмотрим локализмы, возникшие на основе русского языка, но лексическое значение которых в той или иной мере затемнено; затем те, у которых русскоязычная этимология более вероятна, нежели допустимо заимствование, но которые могли ассоциироваться с иноэтнической лексикой; и наконец, слова, иноязычное происхождение которых не вызывает сомнений.

Итак, некоторые локальные слова мы по традиции отнесли к «темным» (см.: [Власова 1981; Бахтин 1998, 1999 и др.]) или, вслед за И.Г. Добродомовым [1973: 124–127; 1999: 101–106][62], к «призрачным».

Зачастую такого рода лексика появляется в языке фольклора (и не только фольклора) в связи с трудностью усвоения фонетических особенностей чужого языка в случаях, когда есть иноэтническое соседство. Русскоязычное население в таких условиях практически всегда стремится сохранить свой фольклор в первозданном виде. А лирическая песня вообще не терпит искажения художественного образа и практически не допускает вторжения инородных слов (за очень редким исключением).

Однако трудность толкования «темных» слов мы расцениваем больше с точки зрения современного литературного языка, не задумываясь над тем, что в фольклоре, впрочем как и в диалектах, такая лексика, наверное, существовала всегда. Доказательством этому может служить хотя бы тот факт, что аналогичные «темные» слова встречаются практически во всех регионах. Так, в сборнике «Русский фольклор в Латвии: Песни, обряды и детский фольклор» (сост. И.Д. Фридрих. – Рига: Лиесма, 1972. Далее –

---

[61] В песнях **Русского Устья** к таким, в частности, относятся лексемы ***сполки*** (1) / ***сволки*** (1) / **свалки** (3) На нем голевый кафтан, Сполки дуются, раздуваются (<5>, №35: «Ой, по мосту, по калиному»; см. также: <1>, № 254 <3>, № 169, 170). В СРНГ зафиксирована лексема *сволки*, встречющаяся в ряде исследуемых текстов, которая толкуется авторами как «*складки, сборки* [?]», в качестве примера приводится аналогичный нашему отрывок из песни, записанной Зензиновым [СРНГ: 36: 320]. Возможно, от *сваливаться* (?). Таким образом, перед нами фонетические варианты известной в русском фольклоре лексемы.

[62] См. также: [Козлова 1994: 75 – 80; Грищенко 1978: 107–109].

РФЛ) нам также встретились слова, семантика которых неясна. Это такие лексемы, как *варея (варя) (1)*[63], *зелененги (1), селенги (1), сеньги (2)*[64] и др. [Супряга 2001: 101–127].

Большое число, на первый взгляд, «темных» слов представляют собой фонетические или другого рода «искажения» русских литературных или диалектных слов. Это становится ясно из контекста либо при сопоставлении с записями этих же песен в других регионах.

К примеру,

- у **русскоустьинцев**: *берчени* (2) `перстни`; *вальянский* (1), *галянский* (1), *гальянский* (1), *тальнинский* (2) *тальянский* (2) `итальянский`; *камешиный* (3) `камышовый`; *коливерт* (1) `конверт`; *манкрут* (1) `банкрот`; *(мать)калиный* (2) / *меж калчновый* (1) / *мошколиновый* (1) *мошкалиновый* (1) `миткалевый`; *медерный* (1) `ведерый / имбирный` (впрочем, возможно, здесь контаминация *мёд* + *мадера*); *оларет* (1) `во ларец`; *патрэчики* (1) `портретики`, возм., `ордена или другие нагрудные знаки отличия`; *пеганый* (1) `пегий`; *плича* (1) `плиты`; *сердень* (2) `сержант`; *серденьский* (2) `сержантский`; *стапер* (2) `штабс-`; *убуточки* (1), *кубуточки* (1) `обуточки, обувь` и др.;

- у **семейских**: *вскокоченый* (1) `всклокоченный`; *гардиста* (1) `гордо`; *далиный* (1) `дальний`; *дараскистный* (1) `да расписной / да раскисейный` (?) (о рукавах); *зазноблешенек* (1) `зазноба`; *закубастый* (3), *кубастый* (1) `закубанский / кубанский`; *запурхаться* (1) `запыхаться (устать)`; *косятчский* (1) `косящатый, коситчатый, косяковый` (об окне); *кудрияны* (3) `кудри`; *куканеночек* (2) `кукушонок`; *лавайка* (1) `лавка`; *матница* (1) `матица` (ср.: *палатница* `палатица` в той же песне) и *матовина* (1) `матня`[65]; *миткалиновый* (1) `миткалевый`; *навистный* (1) `ненавистный`; *нарывны* (2) `на равне`[66]; *некрут* (10) / *некрутский* (1) `рекрут / рекрутский`; *обсывлять* (1) `обсыпать`[67]; *палашок* (2) `полог`[68]; *перьстецкой* (1) `персидский`[69]; *пе-*

---

[63] *Уже в меня, дитятко, давно справлена: Сорок варей да пиво сварено, Еще больше да того зелена вина* [РФЛ, № 89].

[64] *Плету, плету сито, Плету решето. Ой, сплел я сеньги, Сплел я зелененги, Сплел я хорошо* ...> *Ой, расплел сеньги, Расплел селенги. Расплел хорошо* [РФЛ, № 9].

[65] *Матня, матница* `основная балка, служащая опорой для потолка, матица` [СРНГ: 18: 44]. Ср.: *матня* `основная балка, поддерживающая потолочный настил, матица` [Элиасов 1980: 198]; *матница, матица* – `балка, поддерживающая потолок` [СГССЗ: 260].

[66] *Ой, станьти, вядры, Да са краямы нарывны.*(<16>, № 108: «Ах, ивушка, ивушка»)

[67] *Собачки, бяжитя, кровь зверя ляжитя, Сейчас обсывлю, я вас накормлю.*(<15>, №81: «По островам охотник») Видимо, здесь *обсыпать* – `обложить, окружить зверя` [СРНГ 22: 241; Даль: 2: 1604–1605].

[68] Не шей, не шей, маменька, да шитым бравым палашком.Мне не спать с младцом да шитым бравым палашком.(<14>, №42: «Во горенке»). Вероятнее всего, здесь от *полог* «*положок* – завеса, занавес у окна, дверей или замест разгородки...» [Даль 3: 665].

[69] *Кораб, кораб приукрашенной, Перьстецкой у его убор.*(<9>, № 191: «Кругом, кругом с протеста»). *Перьстецкий* – `персидский` [Элиасов 1980: 296]. СРНГ дает *перстец-*

шехотой (2) 'пешком'[70]; *покурьер* (1) 'курьер'; *покрас* (1) 'как раз'; *прогаровать* (1) 'прогоревать / прогуровать'; *разрюхаться* (1) 'расхрюкаться'; *скылабаться* (1) 'всколебаться, закачаться'; *татенький* (1) 'статненький / статный'; *утольки* (1) 'только'; *уваю* (1)[71] 'у гаю (?); в лесу'; *хвабара* (1) / *хвайбара* (1) 'обора, оборка'; *чебярики* (4) / *чеверики* (2) /*чебирики* (2) 'черевики'; *чибартной* (1) 'чеботарь'; *шавёры* (1) 'шивера'[72]; *юхта* (2) 'юфть'[73].

Подчас в фольклорных текстах встречаются лексемы, корни которых известны в русском языке, но необычная для литературного языка аффиксация делает эти слова неузнаваемыми, причем контекст не позволяет нам точно определить их лексическое значение. К примеру, в текстах семейских встречаем:

- ***желтырь*** (4) Насеяла желтырю, Желтырю, желтырю, Ходи браво, черноброва, Говори, что желтырю (<9>, №332: «По улице ремода»). *Желтырь* – 'луговой цветок с желтыми лепестками' [Элиасов 1980: 111]. В СГССЗ и СРНГ' лексема отсутствует. Заимствование исключено, поскольку корень этого слова праславянский (см.: [Фасмер-Трубачев: 2: 43]);

- ***павальница*** (1) А ты, Ваня, не дурак, Схватил девку – да в кабак, За кузницу, за павальницу, За старыми дравами, За паленницей, Там не трубы трубять, Разговоры говорить (<9>, №351: «Девчоночка бравая»). В Словаре русских говоров Забайкалья зафиксирована форма *павальница* – «[Знач.?]» [Элиасов 1980: 283]. Причем Элиасов приводит аналогичный пример: *Схватил девку – да в кабак, за кузницу, за павальницу...* [Элиасов 1980: 283]. В СГССЗ такая лексема не встречается. В СРНГ у лексемы *повальница* значение 'посуда для помоев', что не подходит к нашему контексту. Возможно, здесь производное от *повалуха, повалушка, повалыш, повалы, повалыша, поваль* – все эти слова обозначают различного рода помещения в избе или за ее пределами [СРНГ: 27: 118–119];

кий в том же значении с поместой *Забайк.*, следовательно зона распространения данной лексемы ограничена, ее можно считать локализмом [СРНГ: 26: 291].

[70] СРНГ фиксирует лексемы *пешехотой* и *пешехотом* [СРНГ: 27: 13]. Возможно, перед нами соединение двух лексем: *пеший* + *пехота*. Интересно, что диал. *пехий* и *пеший* одно и то же (см.: [Фасмер-Трубачев: 3: 254, 257]). В песнях Русского Устья встречается лексема *пешеходом* в аналогичном контексте (см. приложение 1, №34). Аналогично в РФЛ: *телисман* (См.: [Супряга 2001: 114]).

[71] Уваю травынику-ли рвал да ва, ва пучочки паря ее визал, Во пучечки явон-та вязал да ли на аганёк накладал (<14>, №37: «За Уралом за рекой»).

[72] *Шивера* – сиб. 'перекат, плоская гряда, порог речной; мелкое место во всю ширину реки, по твердому дну, и быстрый кат, теченье' [Даль: 4: 1432].

[73] *Юхта* (1) 'юфть' [Элиасов 1980: 468]. *Юфть, юхть* – 'особый сорт мягкой кожи' [Фасмер-Трубачев: 4: 536]. В словаре под редакцией Т.Б. Юмсуновой находим *юфта=юхта* – 'сорт кожи, получаемой особой обработкой шкур крупного рогатого скота, лошадей, свиней; юфть; кожа, получаемая в домашних условиях' [СГССЗ: 535].

- ***галец*** (1) И над трупом согнувшися люди, Гальцы вышли сражеиье сматреть, Так не лейте горячие слезы – Труп халодный уж вам не согреть (<9>, №482: «Там в селе, где в убогой избушке»). *Гальцы* – `юноши, молодые люди` [Элиасов 1980: 87]. *Голец* и *голиха* – `голыш или нагиш, бедняк, нищий` [Даль: 1: 918]. В СРНГ находим: *голец* – `неимущий человек, бедняк, нищий` (со ссылкой на Даля); маловероятно, что здесь *галица* `приятель` [СРНГ: 6: 113] либо производное от *галь* – `шутка, забава, смех` [СРНГ: 6: 120; Даль: 1: 843]. Ср.: *галиться* – `смеяться, насмехаться над кем-либо; просмеивать` [СГССЗ: 95]; *гальство* – `издевательство, глумление, насмешка` [СРНГ: 6: 123]; *галичанье* – `зубоскальство, перешучивание, кривляние с целью осмеять кого-либо, разозлить, а других этим потешить` [СРНГ: 6: 114]. В этом значении имеется и в других славянских языках. См.: [Фасмер-Трубачев: 1: 387]. Этимологический словарь отмечает также *галить* – `глазеть, таращиться` [Там же], которое наиболее подходит нашему контексту;

- ***галенец*** (2) Ис кажицы выйдет юхтица ... Из юхтицы выйдут галенцы (<9>, №287: «Жыл Яшенька у пана»). Исходя из того что *юфть, юхть* – `особый сорт мягкой кожи` [Фасмер-Трубачев: 4: 536], можно предположить, что речь скорее всего идет о *голенце* (ср.: *галевой кафтанец*), производном от *голь* – китайская шелковая ткань, вроде камки. *Голевой* – из этой ткани сделанный [Даль: 1: 920]. А.Е. Аникин считает, что пришло из китайского, хотя источник неясен: «Во всяком случае, *голь* осторожнее отделять от колым. *голь* `замша`» [Аникин 2000: 167]. Судя по тому, что речь идет о кожаных материалах, *голенец* может обозначать одежду без меха, ворса, с «голой» поверхностью. К примеру, *голица* – `кожаная рукавица по себе, то есть без вареги` [Даль: 1: 917]; *голицы, голички* – `рукавицы без подкладок` [СГССЗ: 101]. *Либо* от *голень*: к примеру, *голешки* – `голенище сапога` [СРНГ: 6: 292]. Ст.-слав. ***голѣнь*** [Фасмер-Трубачев: 1: 428]. Видимо, здесь *голенцы* – `кожаные сапоги / перчатки`;

- ***дулевый*** (1) На ем дулевый кафтан, фанты дуются, Фанты дуются, раздуваются, Медкалинова рубашка белеется, Она белеется, голубеется (<9>, №344: «По мосту-мосточку»). В словаре Даля лексема *дулевый* имеет значение `к дуле относящийся` [Даль: 1: 1245–1246], это значение не соответствует контексту песни. В СРНГ есть *дулебый* – `бестолковый, глупый, неотесанный; слепой, косой, разноглазый` и *дулелый* – `гнилой` [СРНГ: 8: 253]; *дуля* – `длинная женская шуба` [СРНГ: 8: 255]. Этимологический словарь тоже дает нам только историю возникновения в языке слова *дуля* – `груша` [Фасмер-Трубачев: 1: 552]. Можно предположить, что *дулевый* из-за «раздувающихся *фантов*» напоминает грушу по форме, либо *дулевый* – производное от *дуться* («Фанты дуются, раздуваются»). В СГССЗ и в словаре А.Е. Аникина *дуля, дулевой* отсутствуют. Скорее всего, здесь *дулевый* не то же самое, что *дулелый* (`гнилой`), поскольку в целом в песне все оценки героя положительные;

- ***житенка*** (1) Ой, аде травка ах, зеленет Да я там житенку да расстелю (<14>, №55: «Травка зеленеет»). Вероятнее всего, речь идет о *житетке*. Мало вероятно, что от *жито*, *житовье* – ржаная солома [Даль 1: 1353]. *Жито* – 'рожь' [Элиасов 1980: 113]. См. то же в: [СРНГ: 9: 190], там же находим *житки* 'пожитки, имущество';

- ***лити*** (1) В литях вижу белый снег напал, Да мил с дабра каня упал (<16>, № 110: «В литях вижу белый снег напал»). *В литях* – здесь, возможно, от *ледянка* – 'дорога по льду' [Элиасов 1980: 184]. Зимой в Забайкалье дороги шли только по льду замерзших рек. Словарь Юмсуновой дает нам такое толкование данной лексемы: «специально облитая водой колея зимней дороги на лесозаготовках. То же, что и *льдянка*; [СГССЗ: 243]. Однако можно предположить также, что в данной песне имеется в виду что-то типа *ледья* – мн. ч. от *ледина* – В СРНГ *оконная ледина* – 'льдина, которая вставлялась зимой вместо оконного стекла' (*Колым.*, *Якут.*) [СРНГ: 16: 321], то есть, возможно, в песне девушка смотрит в окно на милого;

- ***начёкать*** (1) Спиряди на нас, братцы, грозятца, Да ли во... ой, биспощадна-та нас сзади бюти, Дали да ну, яой, да спины, плечики-ли мы начёкая, Ай, да ли да ну, ой, в воспиталинай-тай в дом-та нас вядут (<14>, №31: «Ой, поселенцы, вы наши бродяги»). Здесь либо звукоподражательное (звон цепей), либо от *начекмарить* – 'набить чекушей, чекмарем' [Даль 2: 1290]. «*Чекалина – трещина*, череповецк. ... Темное слово» [Фасмер-Трубачев 2004: 4: 324]. Ср.: *нашоркать* – 'натереть' [Элиасов 1980: 239]. Исходя из контекста, последнее значение нам подходит более, чем все другие: впрочем, в СРГСУ встречаем *чёкнуть* 'ударить, щелкнуть' [СРГСУ: 7: 20]. В СРНГ отмечено два омонимичных слова: *начека́ть* – '*накусать, натравить* (собаку)' и *начека́ть* – '*накусать, искусать*' [СРНГ: 20: 282]. Есть в этом словаре и еще одно созвучное с нашим слово – *начеканить*, которое имеет также одно из значений 'накусать, искусать' и второе – 'поставить знак, клеймо, сделать отметку на лбу' [Там же];

- ***сполавный*** (1): Для того я тебе, дочь, родила, Да чтоб сполавную всю жисть испытать. Я помру на Вудинских шавёрах (<14>, №94: «Голова гы моя удалая»). Скорее всего, от *славный*, *исполу славный* = 'вместе, совместную славную жизнь прожить'. «*Сполу* 'пополам'. От *с-* и *пол* 'половина'» [Фасмер-Трубачев: 3: 737]. В Словаре редких и забытых слов находим: *сполагоря* – 'без особого труда, заботы и т.п.; легко просто' [Сомов 2001: 442].

В русскоустьинских текстах в этом плане интересна лексема ***картушка*** (1): Он поставил тройку нартушку, Да снимает с нее картушку (<5>, №44: «Бекренёв-от бешится»). В этимологическом словаре русских диалектов Сибири читаем: «*Нарта тройка* – 'нарта на трех парах копыльев' *колым.*» [Аникин 2000: 403]. А.Е. Аникин считает это слово исконным, хотя оно и имеет параллели в других языках. Вообще, *нарата* – 'сани, ис-

пользуемые для езды и перевозки грузов на собаках, оленях, ручной тягой` [СлРЯ XI–XVII: X: 222]. Что такое *картушка,* исходя из контекста трудно точно определить. В СГССЗ встречаем только *картошка* [СГССЗ: 194]. Едва ли от *карта,* либо от *картуш* – `виньетка`, `роза ветров в компасе` [Фасмер-Трубачев: 2: 203; 205]. Возм., от *карты* – `проволочные щетки для расчесывания шерсти` [СРНГ: 13: 107].

Ср. также: ***корточка*** (1): Един сын у отца. Он при корточке стоит Приободриться говурит. Ухватил кирпичу, Меня ударил по плечу (<5>, №31: «Что за горницею за поварницею»). *Корточки* – `плечи; верхняя часть спины` [СРНГ: 14: 376], в СРНГ зафиксировано сочетание *положить кого-либо на корточки* – победить в борьбе, положив на лопатки [СРНГ: 14: 367]. У Даля *корточки* – `поджатые под себя ноги и колени, положение человека, как бы сидящего на перевес, упершись ступнями в землю` [Даль: 2: 434]. В этимологическом словаре находим *корточки* без указания значения и *кортышки,* где упоминается значение `плечи` [Фасмер-Трубачев: 2: 339–340]. Словари фиксируют также лексему *корт* в значениях, которые едва ли подходят к нашему контексту, например, `плата за землю, воду, лес, охоту; таежная речка` (см.: [Аникин 2000: 304; СРНГ: 14: 373–374].

К «темным» словам следует, конечно, отнести и лексемы, входящие в конструкции типа *сюря-буря* (**русскоустьинцы**), *ленточки-баленточки* (**семейские**):

- ***сюря-буря*** (1) Вот поднялася сюря-буря И комарика сдула, сдула (<1>, № 7. Плясовая «Вот про комарика да не спели»), ср. также: Пришла буря, шура-бура (2). Комарыка с дуба сдула (<1>, № 182 «Вше ми песни перепели»). В тексте толкуется как `молния` [Зензинов 1914]. В словарях лексема не зафиксирована. В СРНГ *сюря* толкуется как `название домашнего животного, слово для подзывания овец`, что не соответствует нашему контексту. Мы склонны думать, что *сюря-буря* здесь – ассоциативная конструкция, представляющая собой аппозитивное сочетание приложения с определяемым словом. Подобные сочетания довольно подробно описаны в языкознании (ср.: *эвкалиты-мевкалипты, акации-макации* и т.п.: [Хроленко 1975: 79–81]).

В песнях **семейских** таких конструкций встречается несколько:

ленточки-баленточки (1) Ой, вы ленточки-баленточки мои, да, Заплетите в косы русые, да» (<15>, №38: «Из кружка конь поворачивался»). Конечно, можно предположить, что баленточки – производное от *балентрясы* `пустяки, вздор` [Элиасов 1980: 59]; *балентряс* – `болтун` [СРНГ: 2: 81], либо от *баленный* – `ласковое обращение к ребенку` [СРНГ: 2: 81], однако скорее всего здесь то же, что и в предыдущем примере;

заловки-калатовки (1) У нас заловки-калатовки Кала кошкам сидит (<16>, № 119: «Ой, зашёл-зашёл ватычёк»). Могло стать производным от *колот, колат, колотушка* – `орудие кедрового промысла: деревян-

ный молот или дубинка, которыми бьют по кедру, чтобы сбить с него шишки' [СГССЗ: 207]. В СРНГ *колотовка* – 'деревянный молоток, колотушка; небольшой пестик, толкушка; деревянное приспособление (обычно с разветвленным концом) для сбивания масла, теста; валик для катанья белья; доска, в которую стучит ночной сторож', и переносные значения, которые вполне отвечают нашему контексту: 'болтунья, сплетница, глупая, упрямая женщина; браное слово' [СРНГ: 14: 182];

- ***Настюха-лястюха*** (4) Ой, ты Настюха, ой, ты Настюха, Ты, Настюха-лястюха моя, ты, Настюха-лястюха моя, да (<15>, №46: «Ой, ты Настюха...»). *Лясать* – 'пустословить, говорить глупости' [Элиасов 1980: 191]. Возм., от *лясы* – 'шутки, лесть, заискивание', *точить лясы* – болтать [Фасмер-Трубачев: 2: 552]. *Ляса* – 'о льстивом либо болтливом человеке' [СРНГ: 17: 282];

- ***систи-мести*** (1) Систи-мести наговаривать (<11>, №172: «Ворота были стеклянны»). Думается, этот пример аналогичен вышеприведенным, ср.: *тити-мити*.

Есть в песнях и другие, на первый взгляд, похожие на указанные конструкции, однако в них обе лексемы достаточно самостоятельны в своем значении. Правда, второе слово, как правило, иностранное, обозначает то же, что и первое, как бы одно толкует другое либо они взаимно дополняют друг друга. Р.Б. Козлова, анализируя важнейшие памятники всех жанровых разновидностей фольклора на предмет наличия в них заимствованных слов, отмечает, что для толкования иноязычных слов используются как русские, так и ранее усвоенные иноязычные слова. Толкуемое и толкующее слово образуют своеобразный «повтор» (*лакеи-прислужники, штыки-ружья, псалтырь-книга* и др.), компоненты которого обладают разной степенью семантической близости, а иногда и разным семантическим объемом [Козлова 1974: 7].

В песнях семейских зафиксировано несколько таких конструкций – *мылко-шолука, старуха-шепетуха* и др.:

- ***мылко-шолука*** (2) С ключей воду насила, В мылке-шолуки варила (<16>, № 110: «В литях вижу белый снег напал»). В словаре под редакцией Т.Б. Юмсуновой зафиксирована созвучная лексема, которая семантически не подходит к данному контексту – *шёлуди (шолуди)* – 'струпья, коросты; парша (у домашних животных)' [СГССЗ: 525]. *Мылка* здесь может быть *мыльня, баня* [Даль: 2: 954; СРНГ: 19: 55], а *шолухи* – это шелуха от чего-либо, например, «от стручка, яблока, ореха» [Даль: 4: 1420]. Однако эти два слова едва ли совпадают с нашим контекстом по значению. Скорее всего, *мылко* – мыло, а *шолухи* – *щёлоки, шёлок* – 'раствор, содержащий какую-либо щелочь, преимущественно едкую' (употребляется при стирке белья, мытье полов и т.п.) [Евгеньева: 4: 741], 'щелочь, которую раньше также использовали для стирки, как и мыло' (см.: [Даль: 4: 1499]).

Некоторые слова в песнях не записаны собирателями через дефис, однако в соответствии с их семантикой вполне могли бы составить бинарные конструкты, в которых одно слово «разъясняет», уточняет значение другого. Ср. в песнях **семейских**: ***челина*** (1) и ***болина*** (3) (Там на горке калина, Да там на горке калина, Челина, болина, болина, Чубаренькай чубчик, болина (<14>, №97: «Там на горке калина»)) представляют собой взаимодополняющие в лексическом отношении друг друга слова. Так, если *калина, челина, болина* – это наименования ягод, то, возможно, здесь *калина, черемна* (черемуха) (ср.: *черёмный* – `цвета ягод черемухи` [СГССЗ: 513]), *бурина* (?). Предположим, что *челина* и *болина* – какие-то растения. В СРНГ есть *белена* – три различных растения носят такое название [СРНГ: 3: 209], у А.Е. Аникина отмечено слово *бальни* – `пушистые почки на вербах, камыше` (со ссылкой на СРНГ) [Аникин: 116], *былиной* названы три вида растения в СРНГ [СРНГ: 3: 344]. *Челим* и *чилим* – `*водяной орех*` [Фасмер-Трубачев: 4: 362]. Можно предположить также, что *болина* – `боль, недуг`, либо, что ближе к контексту, `о милом, любимом, дорогом (человеке)` [СРНГ: 3: 75], а *челина* – от *чельный* `дорогой` [КСРНГ]. Это толкование можно допустить с учетом того, что *челина* и *болина* идут в одном перечислительном ряду с *чубаренький чубчик*. *Чалина* в СРГСУ – `прутик, ивица` [СРГСУ: 7: 16]. Тогда *болина* может быть искаженным *былина* `былинка, прутик`. Впрочем, слово могло быть использовано в таком виде исключительно для рифмы.

В текстах песен достаточно часто встречаются варианты известных слов, появляющиеся под воздействием рифмы, которая диктует в поэтических жанрах фольклора не только форму слова, но даже и его фонетический и морфемный облик (это случаи «новоделок», зачастую характеризующихся «разовым употреблением». Их, наверное, можно считать фольклорными окказионализмами).

Например, в текстах **семейских**: ***ватычёк*** (1) Ой, зашёл-зашёл ватычёк Ва царевый кабачёк (<16>, № 119: «Ой, зашёл-зашёл ватычёк»)[74]; ***вылистенький*** (1) / ***ялистинький*** (3) Капустка, капустка, Ты вылистенькая, кочелистенькая (<9>, №293: «Капустка»); Капуска, капуска Ялистинькая. Качанистинькая. Ой, ялистинькая, Да качанистинькая (<16>, № 112: «Ой, ни на азеру туман»); ***галенец*** (2) Ис кажицы выйдет юхтица … Из юхтицы выйдут галенцы (<9>, №287: «Жыл Яшенька у пана»)[75], ***дулить*** (2) Сулят,

---

[74] В СРНГ находим *ватажчок* = *ватажник* – `владелец рыболовного промысла` (обычно ватажник имеет в данном селении лавочку со всем необходимым для казаков); с пометой *Урал. Ватажник* также – `рыболов на ватагах` и `взрослый член семьи, работник`; *ватажок* – `атаман, вожак` [СРНГ: 4: 69].

[75] См. ниже

дулят, сулят, дулят (<12>, №247: «По улице, по улице»)[76], *заворки* (1) Сивка да бурка и те в Петербурге, Пеньковые заворки висят у Егорки (<12>, №95: «Сяду я, сяду ко милому саду»)[77], *зазноблешенек*[78] (1) Старый прежний друг размилешенек, Моему сердцу зазноблешенек... (<11>, №176: «Солнышко обогреет, *палатица*[79] (4) Жестяная матица, да золота палатица, На палатице лежала, балалаечку держала (<15>, №53: «Печаль молодца берет»), *ухач* (1) Командиры – усачи да ухачи (<15>, №79: «Из-под горки да сивый конь»)[80]

В некоторых текстах значение зарифмованного слова не всегда прозрачно. Ср., например, у семейских: *стрихня* (1) При нявестам гаварят: «Как нявестина стряпня – Рукавом стрихня!» (<16>, № 119: «Ой, зашёл-зашёл ватычёк»). Здесь либо от *стрешить* – 'городить чепуху, врать' [Даль: 4: 575], либо от *стрехнуть*, *стряхивать*. Мы склонны думать, что данный пример по семантике схож с *золовки-колотовки* и т.п. (см. выше).

Аналогично в текстах семейских употреблена лексема *шилдарянычка* (1) У Ивана Кудриша Пыявилыся дачка. Доча панычка, Шилдарянычка да (<16>, № 114: «Рамадушка белыя»). *Шиндара* – собир. 'шваль, бедняки', костром. (со ссылкой на Даля), авторы указывают: «темное слово» [Фасмер-Трубачев: 4: 439]; возможно, деформированное *шиндриголка* – 'легкомысленная женщина', донск. Неясно [Там же]; *шелыганить* и *шалыганить* – 'шляться без дела, обманывать', связано с *шалыга*, *шалыган* 'негодяй' [Фасмер-Трубачев: 4: 426]. В СГССЗ отсутствует.

Рассмотрим еще две «зарифмованные» семейскими лексемы:

Вящи (3), *клучи* (1) Манах ризу надивал, Бальшу книгу в руки брал, Вящи направлял. Он ни направился вящей да Проклял Ванька со клучей, Сам пашёл плисать (<16>, № 119: «Ой, зашёл-зашёл ватычёк»). Может быть, здесь не предложное сочетание, а целое слово *соклучи (проклял соклучей)*, тогда следует выводить этимологию именно этого слова. Так или иначе, в словарях А.Е. Аникина и Т.Б. Юмсуновой, а также в СРНГ именно

---

[76] В СРНГ находим: *дулить* – 'пить много' *Орл.*, *Вят.*; 'пить с тем, чтобы выпить из сосуда все без остатка' *Вят.* Возможно, также от *дули* – 'кукиш', *Кур.* [Даль: 1: 1245]. В этимологических словарях только одно значение – 'груша' [Фасмер-Трубачев: 1: 552].

[77] В СРНГ *заворки* – 'разборное звено изгороди из свободно вынимающихся жердей в заборе', либо 'веревка, стягивающая мотню невода' (см.: [СРНГ: 9: 337]). Если от *завор*, *завора* – 'частокол, околица, межа, забор', то др.-рус. *заворъ* 'запор, ограда' [Фасмер-Трубачев: 2: 72].

[78] Ср.: *зазнобушка*.

[79] От *полати* – 'дощатый настил, нары' [Фасмер-Трубачев: 3: 307]. *Полати*, *полатица* 'полати для сна' [СРНГ: 29: 37]; *матня*, *матница* – 'основная балка, служащая опорой для потолка, матица' [СРНГ: 18: 33].

[80] По-видимому, производное от звукоподражательного межд. *Ух* (Ср.: *ухарь*, *ухать*, *ухарский*, *ухариться*) [Фасмер-Трубачев: 4: 177, 178]. Элиасов приводит сочетание *ухарем ехать* и толкует его как 'ехать на паре лошадей очень быстро' [Элиасов 1980: 431].

таких лексем не содержится. Здесь может быть и для рифмы: *вящей – клучей*. Если исходить из того, что в песне выше речь идет о монахе, то можно предположить, что здесь *клучей = клучерь = клучарь = ключарь. Ключарь* – духовное лицо (обычно священник), заведующее церковной утварью` [Сомов 2001: 173]. Поскольку строки «*Он ни направился вящей да Проклял Ванька со клучей*» не дают нам ясной картины: кто из них кого проклял, то нужно рассмотреть и другие варианты того, с чем или с кем мог быть Ванька: *ключок – замочный ключ; ключка = клюка* [СРНГ: 13: 325]; *кляч* – прозвище крестьянина`; `палка, шесток` [Там же: 339]; *кляча* – `о человеке с физическими недостатками`, `о ленивом, неповоротливом человеке`, `о жадобнике, кляузнике, придирчивом человеке`; *клячье* – `неколотые дрова` (см. *вящи* ниже) и т.д. [СРНГ: 13: 339; 341] – все эти значения в целом не противоречат нашему контексту. Кроме того, СРНГ приводит *ключник = ключарь* в свадебном обряде – распорядитель (обычно крестный отец невесты). Может быть, монах проклял *Ваньку с ключарем,* а сам *пошел плясать?* Неясно также, возможно, *вящи – вещи* или «призрачное» от *в ящик.* Можно предположить, что он *вочи* (очи) направлял. В СГССЗ и в словаре А.Е. Аникина таких лексем нет. В СРНГ *вяще* и в словаре В.И. Даля *вящо* – мелкий кустарник, прутья для веников`, а также `место, где режут прутья для веников` [СРНГ: 6: 81; Даль: 1: 828]. Едва ли монах направлялся в это место, кроме того, сомнительно, что здесь *вяще* от др.-рус. *вяче* `больше` (см. [Фасмер-Трубачев: 1: 378]). Поскольку мы предположили, что *клучей* – искаженное *ключарь* (см. выше), то, скорее всего, *вящи = вещи*, церковная утварь, которой это духовное лицо (монах) заведует (риза, книга), либо *вящи – в ящик* («*направлял*» он эти предметы).

Часто в песнях рифмуются междометные лексемы: ***карманэ / тарнанэ / карнанэ, нанэ***: Эй, нанэ, карманэ, Сеял Сенька гречку (<16>, № 121: «Эх, на дубе, на дубе»); ***вир, ликтур, чур***: А жил Лазарь у попа … Припев: Ликтур шштур, Вир вир чур (<9>, №307: «Жил Лазарь у попа»), ***фыр дал подшверду, кур дал придалын далын***: Ис кажицы выйдет юхтица, Фыр дал подшверду. Кур дал придалын далын Из юхтицы выйдут галенцы (<9>, №287: «Жыл Яшенька у пана») и т.п.

В самом деле, очень многие песни содержат распевные строки, не несущие никакой содержательной информации. Об этом свидетельствует, в частности, припев в последнем контексте.

Иногда трудно такие лексемы отличить от других, несущих какую-то смысловую нагрузку в тексте. К примеру, слово ***руя*** (5) в песне «Не сидела бы, Дуня», записанной у **семейских**: «Да и не тушила бы огня, руя, Ой, да ни разогня явах, Дунюшка ядна да бяло (<14>, №5). Можно предположить, что это не междометие, а песенная редукция *разогня – руя* (?) Впрочем, это похоже на деепричастие по глаголу движения, производное от *реять*: плавно стремиться, быстро нестись или течь, летать, падать [Даль 3: 1683]. В СРНГ *руить* – `плакать, реветь`; *руиться* – `проявлять активность…`

[СРНГ: 35: 238] и *ру́я* – *`груда, куча`* (сена, бревен) [Там же: 292]. Однако вероятнее всего, *руя* – ничего не значащая ритмоподдерживающая вставка, как *явах* в том же тексте (скорее: *разогня-я-вах*). Таких вставок много, по свидетельствам исследователей, не только в русских текстах, но и в эвенских **песнях-импровизациях, и в фольклорных традициях других народов [Бурыкин 2004: 97].**

Иногда лексика с затемненной семантикой в текстах появляется по вине собирателей, которые не смогли «узнать» то или иное слово, расшифровывая записи, либо в результате опечаток при наборе текстов и подготовке их к изданию. Это так называемые «призрачные» слова. Такие «дефекты», как правило, можно устранить меной словоделения, правкой одной-двух букв с почерковедческой мотивировкой или ссылкой на типичные опечатки либо дефекты записи. Об этом явлении пишут многие исследователи[81], его мы, вероятно, наблюдаем и в некоторых анализируемых текстах: ***В оларет*** вместо *во ларет (ларец)* в фольклоре **Русского Устья** («У вас сердце каменное, В оларет сердце положенное, Трама замками запертое, Клюци море спущены (<3>, №192: «Я брошу, брошу камешок»)).

Такие «призрачные» слова зачастую представляют собой не что иное, как оторванные части каких-то слов. Ср. в песнях **семейских:**

- ***давора*** (1). («Ай, не сидела ба ты толька, Дуня, ну я, А ой, да рад, Дуня, яох, Дунюшка, давора поздно да вя… , аи, ну я, Да ой, да позна вячаром, Дуня, поздно вя..., вячиром (<14>, №5: «Не сидела бы, Дуня»). *Давора* – скорее всего, здесь фонетическая редукция в результате рифмования: *до вечора* либо от *даве* – некоторое время тому назад, недавно [СлРГНП 2003: 164; Даль 1: 1019]; однако скорее здесь ***давора*** = *да воро[чаться] поздно вечером*;

- ***садвоя*** (1) «Скажи таварищ, ох, где ж садвоя. Лишь ты красотку, дай, палюбил?» / «Ой, ни люблю я ету же я красотку И не па ней страдаю я. Люблю радимую ж я та старонку, Слетал бы сокалам туда» (<16>, № 102 «О чём задумался, ой, служебнай»).Такая лексема не зафиксирована в словарях. Можно предположить, что это слово производное от *сад* `род, порода, характер человека; о жизненной силе, жизнеспособности, хорошем здоровье`. Может быть, здесь *садвоя* = *сад твоя*. Ср.: [СРНГ: 36: 20]. В СРНГ находим созвучные *садиво* – `физическая боль`; *садбище* – `место обитания и гнездования водоплавающих птиц` [Там же: 21–22]; *садьба* – `огороженое место, огород` [Там же: 37]. Однако все эти лексемы, как нам представляется, не соответствуют данному контексту. В СГССЗ и в словаре А.Е. Аникина такие лексемы не значатся. Видимо, *садвоя* – *«призрачное»* слово. Возможно, восстанавливается: «…*где ж <кра>са твоя, Лишь ты красотку, дай, палюбил?*»;

---

[81] См., например, опыт критики Словаря русских говоров Забайкалья Л.Е. Элиасова А.Е. Аникиным: [Аникин 1999: 31–45].

- ***лея*** (2) Ой, лес-дубравушка в леей шумит (<14>, №2: «Закаталось красно солнышко»); Ех, да птах да ня слышна-то ли в леей-то пташки да ни ядной (<14>, №9: «Расчерёмушка»). Значение затемнено, возможно, *лея* ¬ *лес* (?). Впрочем, СРНГ фиксирует лексему *лея* в значении 'ливень' [СРНГ: 17: 38], хотя форма, в которой употреблено данное слово, не соответствует той, которую приводит словарь. Скорее всего, здесь *в леей* – фонетический вариант от *в ей* (в дубраве) либо редуцированное *в ле<се> ей*...

Аналогичный пример в текстах Русского Устья: ***калиберес*** (1), ***каливерец*** (1), ***кашверец*** (1) Дай мне силушку иж троих жемель: Иж первой из жемли немцов-каливерцов... (<2>, №4: «Про Скопина»; см. также: <4>, № 191, 192); Дай мне силушку иж трох жемель: Иж первой жемли немцов-кашверцов, Иж другой жемли, жемли греческой, Иж треччой жемли, иж шведской жемли (<3>, №122: «Скакал тут Скопин с горы на гору...»). Видимо, здесь речь идет об иноверцах, коливерцах от *коло* – 'круг', что-то вроде «околоверец» (?). Ср.: коловер – человек, переходящий из одной веры в другую [Элиасов 1980: 160]. Ср.: каливо, калево – 'немножко', калива 'мало' [Фасмер-Трубачев: 2: 166], т.е. можно предположить, что здесь – 'немцы-маловерцы'. *Кашверец*, похоже, «призрачное» от *каливерец*: Вполне вероятно, что здесь имеет место опечатка или неверное прочтение записи собирателя: *ли / ш*. Если же все-таки предполагать, что мы имеем сложное слово с первой частью *каш-*, то оно могло появиться под влиянием *кашенок, кашехлеб, кашириха, кашкала, кашкарь, кашкыр* – насмешливые прозвища [СРНГ: 13: 150–152].

Варианты лексемы ***миткалевый*** – 'из бумажной ткани, набивного ситца' [Рус. Устье 1986: 382; Даль: 2: 861; СРНГ: 18: 176–177], постоянный эпитет в русском фольклоре, «от рус. диал. (онежск.) *миткалина* 'миткаль'... < тюрк.» [Аникин 2000: 388], – подчас искажены собирателями до неузнаваемости: ***Мать калиный*** (1), ***меж калчновый*** (1) (здесь, бесспорно, имеют место «призрачные» слова: мы легко устраним «ошибки» путем несложной коррекции: [ж] / [т]; [ч] / [и]), впрочем, в некоторых фольклорных текстах это слово также имеет и иной фонетический облик: ***мошкалиновый*** (1), ***мошкалиновый*** (1) и т.п. И только по контексту подчас можно догадаться, о чем именно идет речь: Мошколиновая рубашоночка алеется. Как на шейке-то платок, будто аленький цветок... (<5>, №34: «По мосту-мосточку», см. там же № 35; а также: <1>, № 25; <3>, № 169, 170, 211).

Однако фонетические варианты одного и того же слова с затемненной семантикой для фольклора – нормальное явление: поскольку собиратели фиксируют живую речь, специфика говоров неизменно отражается на записях. Ср. в фольклоре Русского Устья: ***пофитовый*** (3), ***похвидовый*** (2), ***похвитовый*** (2) Молодец тростью подпирается, Сам похвидовой лентой похваляется: (<3>, №170: «По мосту, мосточку», см. там же № 169 и 211; <1>, № 25; <5>, № 34). Все эти лексемы, видимо, не что иное, как видоизмененное *порфировый* – алый, багряный [Рус. Устье 1986: 382] (см.: [Даль:

3: 847]). **На то, что это** постоянный фольклорный эпитет с неясным лексическим значением, указывают и словари: «*Пофитовый* [Знач?] на тросточке **[в руках]** – *ленточка пофитовая* (песня) Верхоян., Якут., 1913» [СРНГ: 30: 337].

В песнях семейских имеет место употребление как изофункциональных лексем ***блюдить*** (2) **и** ***блюшить*** (1) `блюсти`: Егоркина женка скотину блюдила, Скотину блюдила, имян нарекала: Кобыла Ненила, жеребец Данила, Корова Алена, бык Алешка... (<12>, №95: «Сяду я, сяду ко милому саду»); Скрозь зеленую решотку Часовой уш там блюшит (<9>, **№395: «Было времечко дорогое»). *Блюдить*** – 1) блюсти, беречь, охранять что-л.; 2) наблюдать, следить за кем-л. [Элиасов 1980: 65]. *Блюденье* – `тщательный уход, хранение` [СРНГ: 3: 32]. *Блюду, блюсти* – наблюдать, ст.-слав. блюсти `хранить, соблюдать` [Фасмер-Трубачев: 1: 178]. Можно предположить, что *блюшить* – призрачное слово, неверно отражающее чередование *д / ж*.

Возможно, к этой группе слов можно отнести и ***полорот*** (3) Деряевский полорот, ой, не кричи во весь народ Не кричи во весь народ, да мой батюшка из ворот (<14>, №41: «Уж вы, стары старики»). В ссылке к тексту собиратель дает следующее толкование: «*Полорот* – местное название колодезного журавля». Однако из контекста видно, что речь идет о **человеке. Здесь явная** «техническая» неточность. Думается, сочетание *полый рот* (пустой, беззубый) дало название субстантиву *полорот*. СРНГ, к примеру, *полорот* трактует как 1) разиня; 2) тот, кто производит шум, гвалт. Нужно сказать, что в словаре к данному значению приводится аналогичный нашему пример: «*Воробей-то полорот, не кричи во весь народ*» со ссылкой на Шейна с пометой *Нижегор.* [СРНГ: 29: 114]. Юмсунова также толкует *полорот* как `крикливый, горластый человек`, иллюстрируя **словарную статью словами одного из** вариантов анализируемой песни (см.: [СГССЗ: 361–362] Словарь В.И. Даля толкует лексему «полорот» с пометой *новг, яросл.* как `горлан, крикун` [Даль: 3: 669]. Этимология слова ясна из его состава, впрочем, в словаре читаем: «Др.-рус. *полъ;* сравнивают с ***поле***, лат. **Palam «открыто»... *полъ*** – «открытый, полый» [Фасмер-Трубачев 3: 320].

В других же случаях толкование лексемы затруднено, поскольку часто мы не идентифицируем в них русский корень. Однако и на заимствование этих слов ничто не указывает.

Примером таких «темных» слов в песнях **русскоустьинцев** является лексема ***петроня*** (1) *На поле убит. Под ракит кусточком На коврах лежит. Петроней покрыт* (<5>, № 12: «Скажи, моя маминька»). Можно предположить, что это слово производное от *Петровки* (этот православный праздник дал название многим предметам крестьянского быта). В частности, СРНГ фиксирует у слова *петровка* целый ряд значений, в частности, это беличья шкура, добытая летом, около Петрова дня, а также овечья

шерсть летней стрижки [СРНГ: 26: 330]. Возможно, *петроня* – вид одежды из беличьей шкуры или покрывало, плед, сотканный из шерсти – *петровки* (?). А быть может, *Петроней (Петроний)* – имя собственное, например, от *Петр*? Можно также предположить, что в тексте использовано слово *пятрочка* – `навес или помост выступом; фронтон или балкон; навес крыши над входом в амбар` [Даль: 3: 1452]. Тогда *петроня* может обозначать доски, крышку гроба, в который постелен ковер. В СРНГ *пятра* в одном из значений – `доски...`[СРНГ: 33: 234–236], в Диалектном словаре Русского Устья есть слово "патри" – 'полки в сенях или в амбаре' [Чикачев 2005: 45]. В СРНГ также отмечено: «*Пятрочек* – `трава` (какая?): «*Трава василечек, Багровый пятрочек*» [СРНГ: 33: 236]. Возможно, покойного украсили цветами, что свойственно русской традиции, тем более что убитый лежит под *ракит кусточком*.

У **семейских** среди слов с затемненной семантикой, возникающей вследствие трудности установления производящей основы либо по причине «непрозрачности» морфемного состава встречаются следующие лексемы:

- ***расчучовый*** (1) Висят, да рубашенька, Ой, да рубашоночка у Машеньки, ой, чучова, Ай, да расчучовое, да раскистны, Ай, дараскистны у Машеньки рукова (<15>, №82: «Да только чё я видел»). У Элиасова в словаре встречается лексема *чуча* со значением, не соответствующим нашему контексту: «по местным преданиям, первые люди, которые населяли территорию Забайкалья» [Элиасов 1980: 457] (см. также: [Аникин 2000: 679]). Здесь, скорее, от *чуха* – `кафтан, верхняя одежда из синего сукна` [Фасмер-Трубачев: 4: 388–389]. Несмотря на то что в тексте есть лексема *чучовый со* значением, видимо, `сделанный из *чухи*`, вероятнее всего, *расчучовый* – это не производное от него, а сильно фонетически измененное *чесучовый* – `относящийся к *чесуче*`, «плотной суровой (шелковой) ткани полотняного переплетения» [БАС: 17: 991–992]. О том, что слово не было заимствовано из языка окружения свидетельствует тот факт, что, в соответствии со Сводным словарем современной русской лексики, слово *чесучовый* с формами *чесунчовый, чечунчовый* отмечено в самых различных справочниках русского языка (См.: [СССРЛ 1991: 675]).

- ***рамадушка*** (1) Рамадушка белыя Па беружку бегыла. Милыва праведыла (<16>, № 114: «Рамадушка белыя»). Вероятно, имя собственное, поскольку в песне № 113 того же корпуса текстов в схожем контексте используется имя Варвара: «Варварушка белыя»[82]. Возможно, здесь имеет связь с *ремода* (см. далее), хотя используются эти две лексемы в разных корпусах текстов;

---

[82] Такую вариативность в фольклорных текстах К.В. Чистов называет *вибрацией* [Чистов 2005: 73–104].

- ***ремода*** (2) По улице ремода Ходи браво, черноброва, Говори, что ремода (<9>, № 332: «По улице ремода»). В словаре А.Е. Аникина находим только *рёма – 'сухие полосы на сограх (кочковатых, болотистых), по которым можно проезжать'* сиб., Алт. [Аникин 2000: 464]. В СГССЗ отсутствует. В СРНГ *ремги* – 'лохмотья', ремега и ремога – 'рваная одежда, тряпка, лохмотья' [СРНГ: 35: 52]. Впрочем, там же зафиксирована лексема *ремеза* – тот, кто спешит, торопится в каком-то деле [Там же];

- ***шилдарянычка*** (1) У Ивана Кудриша Пыявилыся дачка. Доча панычка, Шилдарянычка да (<16>, № 114: «Рамадушка белыя»). Подробно об этой лексеме см. выше.

Часто темные слова возникают именно как локализмы на стыках культур, то есть в ходе межъязыковых и межэтнических контактов. В некоторых регионах, как, например, это происходит в Якутии, возможно влияние билингвизма носителей русской традиции. Конечно, механизм возникновения и количество такого рода лексики в текстах варьируются в зависимости от региона бытования фольклора, от специфики контактов с «чужой» языковой и культурной средой.

Судя по тому, что «новые» слова появляются в текстах и сохраняются там длительное время, то есть они не «разового изготовления» (при повторном исполнении эта лексика сохраняется, а не заменяется чем-то другим, каждый раз новым), наверное, можно говорить о фольклорных неологизмах, хотя это и кажется несовместимым со спецификой устного народного творчества, основанного на традиции. Особенно это касается поэтических жанров устного народного творчества, отличающихся «жесткостью» структуры. Да, возможно, эта «новая» лексика несколько «шлифуется» в процессе многократного исполнения песни, несколько видоизменяясь при этом. Часто фольклор заимствует слова, изменяя их до неузнаваемости. Однако некоторое сходство в звуковом облике слова-оригинала и слова-неологизма все-таки сохраняется. Там, где это возможно, либо иноязычный корень заменяется русским, либо добавляется «родная» для традиции аффиксация.

О том, что «чужие» слова с трудом приживаются в русском фольклоре, свидетельствует тот факт, что у них, как правило, много фонетических вариантов. Так, в песнях **русскоутьинцев** наблюдаем:

Стох (1) Он стохам офицерушкам челом не бьет, Астраханскому губернатору под суд не идет... (<3>, № 1: «Очутился млад дытинушка, незнамой человек», см. также в: <1>); ***Стапер*** (2) Еще стаперам офицерам-че поклон к нима не дает, Востраханскому губернатору под суд к нему не идёт (<3>, № 125: «Появился здесь да детинушка, незнамой человек»; см. также: <4>, № 201); ***Шшапер*** (1) Ешшо шшапером. офицерам-че поклон к нима не даёт, Востраханскому губернатору под суд к нему не идёт (<2>, № 8: «Стеньки Разина сынок»). Из примеров видно, что во всех трех случаях мы имеем один и тот же контекст. Однако изофункционально исполь-

тованные в нем лексемы значительно разнятся по своему фонетическому облику: *стох / стапер / шшапер*. В сборнике «Фольклор Русского Устья» указано, что *стапер офицер – штаб-офицер* [Рус. Устье 1986: 382]. В сборнике, откуда взят последний из приводимых контекстов, *шшапер* толкуется как `щеголь, франт` (<2>, № 8). Действительно, словари фиксируют лексемы *Щап, шап* – `щеголь`. Др.-русск. *Щапити* – `щеголять` [Фасмер-Трубачев: 4: 496].

Поскольку слово *штаб* появилось в русском языке в эпоху Петра I (пришло из немецкого [Фасмер-Трубачев: 4: 476]), оно не сразу, видимо, попадает в фольклор и усваивается им. Так, *стох* может ассоциироваться у русского человека с немецким же *шток*, который является атрибутом офицера, *шшапер* – с созвучным *щап*, *стапер* же ближе всего к немецкому *Stab* `штаб`.

В текстах русскоустьинцев многовариантна также лексема *бурзамецкий*: *Борзуменовский* (1), *бурзуменский* (1), *бурзаменский* (3), *борзуменсковый* (1) Борзуменсковой кушачок за один конец волочил, С призументами черную шляпу на-в онном ухе ношил Ой да, подкололись на два копья бурзуменския (<4>, №201: «Сынок Стеньки Разина»; см. тамже № 110, 110а; <3>, №125). *Борзаменьский = бурзаменьский = бурзамецкий = бурзамецкий = бургомецкий = буржомецкий =буржумецкий = бурзаменький = бурзамеческий* и т.д. Фольк. «эпитет копья, меча» [СРНГ: 3: 286, 287]. У А.Е. Аникина – то же, что *мурзамецкий* – `татарский, восточного происхождения, бусурманский`. Автор объясняет как преобразование исходного *басурманский, бусурманский* (ст.-сиб. *бусорманья* – `иноверцы, нехристиане`) под влиянием *мазовецкий* (смол.) [Аникин 2000: 369], а также если от *мурза* (титул феодальной знати у татар) образовалось *мурзамецкий*, то *борзуменский* могло появиться под влиянием *борзый* – скорый, проворный, прыткий [Даль: 1: 281]. *Бурзамецкий* – «языческий», устн. народн. творчество = *мурзамецкий* «басурманский; татарский» (эпитет при названиях оружия в устн. народн. творчестве: копье, сабля), с.-в.-р., воронежск., *бурзамецкий, борзомецкий, борзоминский, бурзаменский*, олонецк. Вероятно, из *басурманский, бусурманский*, смешанного с *мазовецкий, ср.: марзовецкая шабля*, смол., от польск. mazowiecki, др.-польск. mazowieski ... возм., формы на *–у-* подверглись влиянию со стороны слова *мурза* [Фасмер-Трубачев: 1: 244].

Сравним встречающиеся также в фольклоре Русского Устья слова *Кучинуха* (1), *кучумиха* (1), *кичунуха* (1) Ми Кучинуху-старуху за себя вожьмем, За это нас государь-цар пожалует (<3>, №121: «На утреннем на сходимом красном солнишке»; см. также: <2>, № 3; <4>, № 190). *Кучум, кучумовец* – татарин, Том. [СРНГ: 16: 193]. Здесь связано с именем сибирского хана XVI в. *Кучум*, ст.-сиб.; и / или с лексикой типа обл. *кучумка `безобразный, некрасивый человек`* [Аникин 2000: 340]. В этих и других песнях встречаются также *Кучум-город, кучум-старик, кучумиха* и прила-

гательное *кучумский* в одинаковых контекстах (см. паспортизацию к примеру).

Сравним уже упоминавшиеся выше лексемы из различных корпусов **русскоустьинских** песен: ***вальянский*** (1) Зажигает свечу воску ярого, Сам не подвигает стремечко вальянское... (<1>, № 12: «О Тите царе»), ***галянский*** (1), ***гальянский*** (1) В кармане-то другой, галянский голубой (<5>, №34: «По мосту-мосточку»; см. также: <3>, № 170), ***тальнинский*** (2), ***тальянский*** (2) На шейке-то платок – Аленький цветок, В карманнице другой – Тальнинский голубой... (<3>, №211: «По мосту, мосточку, по калиновому»; там же, № 169; см. также: <1>, № 25; <5>, № 35). Все указанные лексемы употреблены, видимо, как изофункциональные слову *итальянский*. По крайней мере, *тальнинский* и *тальянский* – `итальянский` [Рус. Устье 1986: 382]. В первом случае могла повлиять на форму данного слова лексема *вальяжный* – `массивный, крепкий, прочный; изящный, искусно сделанный, обработанный, резной` [СРНГ: 4: 33]. Видимо, от *вальян* – `резьба`, *вальявочный* – `резной, с.-в.-р.` [Фасмер-Трубачев: 1: 271]. Впрочем, фонетический облик лексемы *гальянский* вполне мог возникнуть под влиянием *голландский*, если учитывать народную этимологию этого слова.

«Постепенное» усвоение русским фольклором иноязычного слова мы имеем и в случае с ***магяра*** (1): Пили ханжину, магяру. Не хватало им вина, Спирт возили поездами, Выпивали все до дна. (<9>, №238: «Как мы Перемышль сдавали»). *Магяра* (в СРНГ, СГССЗ и словаре А.Е. Аникина отсутствует), по всей видимости, – *мадера* – `сорт крепкого виноградного вина` (франц. *madère*) [Евгеньева: 2: 215]. Можно допустить, что от *магарыч, могорец* `взятка, подарок, угощение, выпивка при заключении сделки` «через тюрк. посредство из араб.» [Аникин 2000: 234–235; 388]. Очевидно, здесь мы имеем дело с изменением морфемики слова по ассоциации, например, с *водяра* `водка`.

Ср. также в текстах Русского Устья: ***елынчата*** (9): Выезжают два удалые елынчата, У добрых коней по колени ноги закованы (<3>, № 124: «Как по три года Азов-город взаперти стоял»; см. также <2>, № 11; <4>, № 203). Указатель местных и старинных слов и оборотов к сб. «Фольклор Русского Устья» [1986: 381] толкует данное слово как *янычары* (тур. «новые войска»), прежняя регулярная турецкая пехота, образованная в 1330 г., комплектовалась из военнопленных христианских мальчиков, обращенных насильно в ислам [Брокгауз, Ефрон 2003: 665]. *Янычар*, уже др.-русск. *янычаръ, янычанинъ*. Ввиду наличия *–ы-* заимств. через укр. из тур., букв. «новая армия» – сословие, основанное Орханом в 1330 г. [Фасмер-Трубачев: 4: 558].

На стыке двух языков вследствие билингвизма могут возникать, видимо, не только фонетические деформации русских слов, как, например, в песнях русскоустьинцев *берчени* (2) `перстни`, *манкрут* (1) `банкрот`, *сер-*

ьчь (2) `сержант`, но и фольклорные локальные неологизмы, толкование которых теперь практически невозможно, поскольку собиратели в свое время не уделили этой лексике должного внимания.

Так, у некоторых «темных» слов исходя из контекста можно определить их семантику хотя бы приблизительно. Ср. в песнях **семейских Забайкалья**: ***ненерский*** (1) / ***венерский*** (1): Да нихто не спраклали-, ой-я-ёй, ни спракла(я)дывал. Да ни спракладывал. Да ни как та и шли, ох, да ну пришли Да два, ой, два неней- ой-я-ёй, два ненерских палка.Да два венерских палка, да как-та за етам да палком (<16>, № 100: «Ой, дарожинька, ну, мня»). В СРНГ, СГССЗ отсутствуют обе эти лексемы. Вряд ли здесь идет речь о *венгерских полках*, к которым ближе всего фонетический облик слова *венерский*, по нашим наблюдениям, в вариантах песни исполнители порознному искажают название полков, но везде речь идет об одном и том же: о *линейных полках*. В Словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой читаем: «*Линейный* (устар.) – `расположенный по линии границы; пограничный`. *Линейное казачье войско*». И еще одно значение: `Составляющий основу армии, регулярный. *Линейное войско* (пехота). Линейные полки…» [СлРЯ / Евг.: 2: 184].

В песнях **Русского Устья** есть аналогичный пример: ***шеранея*** (1), ***шерапея*** (1) Ох же, мать ти Божья, Пречиста Богородица, Еще та була, Шеранея Премудрая, Победить-то этуту тварь поганую (<3>, № 122: «Скакал тут Скопин горы на гору»); Воходит Скопин во болыпу церковь, Служил он молебны великие: – Ох же, мать, божья пречиста богородица, Еще га була шерапея (<4>, №191: «Скопин просит помощи у шведского короля»). Возможно, *шерапея* от *шкурупея, скоропея – скора* – `шкура` [Фасмер-Трубачев: 3: 650]). Очень похоже на то, что речь идет о какой-то почитаемой в данной местности святой (к примеру, Соломея или Серафима) либо о сказочной (мифологической) героине. В заговорных текстах старожилов Сибири встречается *Шкуропея* – `змея`. В <3>, № 188: «*У Сарфеи у премудрой*». Думается, здесь *Сарфея* употреблено изофункционально лексеме *Шеранея, шерапея*. Буквы *Н* и *П*, близкие по начертанию, вполне могли быть неверно расшифрованы при обработке текстов.

В других же случаях толкование лексемы затруднено, поскольку часто мы не идентифицируем в них русский корень. Однако и на заимствование этих слов ничто не указывает.

Ср. в песнях **Русского Устья**: ***парута*** (1) Пойду богу помолюсь, Кто-нибудь откроет, Сиротиночку меня Паруту раскронет (<5>: №54: «У лисички есть гнездо»[83]). «*Паруту раскронет*» – `возьмет замуж` (так тол-

[83] В той же песне встречаем еще одну интересную для исследования лексему – ***полечки*** (1) Пойду богу помолюсь, Кто-нибудь откроет, Пойду детей покормлю, Полечки развею (<5>: №54: «У лисички есть гнездо»). Собиратель толкует *полечки развею* как «погуляю в поле» (см. приложение № 1). *Полечко* – уменьш.-ласк. `поле, полюшко` [СРНГ: 29: 65]. Видимо, здесь – *в полюшке развеюсь* (?).

кует это сочетание собиратель). В данной песне исполнитель употребляет и другие «темные» слова. См., напр., *рата, раскронуть*. В СРНГ лексемы *парута* нет. *Парух* – `слуга` и *паруха* `парочка` [СРНГ: 25: 246]. Может быть, имеется в виду, что девушку возьмут в слуги, либо в жены (?), а может быть, здесь «призрачное» *пару-то (раскорнет)*. Наверное, в данном контексте *парута* = *паруха*. Можно также предположить, что *паруту* = *паргу-то*. *Парга* – `короткая доха из шкур оленя или козы` *ирк.* [СРНГ 25: 219, 228] = *парка* `верхняя зимняя одежда в Северной Сибири, сшитая обычно из оленьих шкур мехом наружу`[Евгеньева: 3: 24]. В Диалектном словаре Русского Устья *парка* – 'женская меховая одежда' [Чикачев 2005: 45] Этимологический словарь русских диалектов Сибири указывает на происхождение данной лексемы из ненецкого языка; якут. pärky < рус. [Аникин 2000: 441]. Тогда *раскронет* может быть искаженным *раскроет*: *парку-то раскроет*. То есть можно предположить, что исполнители имели ввиду, что *кто-нибудь откроет сиротиночке, предложит войти в дом, снять верхнюю одежду (?)*.

Обратим внимание также на лексему ***рата*** (1) из той же песни: Сирота я, сирота, Плохо я одета, Никто замуж не берет Девичку за рату (<5>: №54: «У лисички есть гнездо»). Относительно данной лексемы собиратель пишет: «Исполнительница не понимает значения слов – заучены». В других вариантах этой песни (например, см. фольклор семейских) на месте этого сочетания: «Никто замуж не берет Девицу за это» (<4>, № 445). Мы склонны предположить, что здесь имеет место скользящее [*р*], возникающее между словами под иноязычным влиянием (?). Впрочем, в словаре А.Е. Аникина находим слово *порато* `сильно, крепко, очень, много` [Аникин 2000: 454], созвучное как лексеме *парута* (в тексте употреблена форма *паруту*, которая близка по фонетическому облику к *порато*, из чего можно предположить, что это не существительное, а наречие), так и к словоформе *за рату*. Этимология слова *порато* восходит к славянскому *рога [Аникин 2000: 454, со ссылкой на: Фасмер: 3: 328]. А.Е. Аникин указывает на имеющиеся предположения о том, что на семантику данной лексемы могло быть оказано влияние со стороны фин., карел. *Aika* `время, срок, пора`, `дельный, подходящий, большой`... [досиб.] [Аникин 2000: 454].

Поскольку *рата* и *парута* воспринимаются в данном тексте исполнителем как близкие в семантическом плане слова, а в других регионах на месте *рата* поется *это* можно предположить, что так русскоустьинцы попытались конкретизировать местоимение, имеющее обобщающий смысл, то есть вместо указательного местоимения они использовали новое обобщающее слово, которого не было в языке до этого момента. Очевидно, что устному народному творчеству свойственна тенденция к упрощению синтаксиса путем называния одним-двумя словами сложного явления или понятия. Это, как нам представляется, довольно убедительная причина для создания новых, пусть даже окказиональных, слов.

Итак, иногда этимологию темных слов довольно трудно установить. Возможно, в условиях иноэтнического окружения в островном переселенческом говоре могут возникать новые слова – звуковые комплексы, в которые исполнитель вкладывал какую-то определенную семантику.

В.С. Бахтин, изучавший фольклор русских старообрядческих поселений Польши, Румынии, Болгарии и Монголии, отмечает, что исполнитель старается воспроизвести текст как можно точнее, и, «если слово непонятно, он стремится найти подходящее по звуковому облику. <...> В текстах, которые связаны с ритмом, с мелодией, темные места появляются чаще, чем в свободно организуемой прозе. Исполнители эти темные места добросовестно повторяют. <...> Интересно отметить, что темные места в принципе становятся местами, где импровизация, фантазия, т.е. творчество, протекают активнее всего». В.С. Бахтин иллюстрирует эту тенденцию яркими примерами из русского фольклора Румынии и Монголии [Бахтин 1999: 40 – 42].

Рассмотрим теперь слова, которые могли ассоциироваться у носителей традиции с лексикой, функционирующей в языках иноэтнических соседей.

У **семейских**:

- ***шепетуха*** (1) А старуха-шепетуха Не взлюбила того духа. (<9>, №309: «Нас на свете два громилы»). *Шептун* – `колдун, знахарь` [Элиасов 1980: 462]. От русск.-цслав. *шьпътьникъ* – `наушник, клеветник` [Фасмер-Трубачев: 4: 428–429]. В одной из песен другого корпуса текстов встречается лексема *шепетливо* (1): Навстречу идет к нему старуха И шепетливо говорит: – Напрасно ты, казак, стремишься, Напрасно мучаешь коня, Тебе казачка изменила Другому счастье отдала! (<8>, «Скакал казак через долину», см. также: <11>). Здесь вряд ли от *шепеткой* – `красивый, изящный` [Зензинов 1914: 108; Чикачев 2005: 64]. В словаре Элиасова *шепетко* имеет несколько значений: 1) `красиво, мило, приятно`; 2) `нежно`; 3) `ловко`; 4) `привлекательно`; 5) `с любовью`; 6) `красноречиво, хорошо` [Элиасов 1980: 462], однако нам представляется, что в тексте имеется в виду производное от *шепетник* – `клеветник`, либо от *шепелявить*. В СГССЗ отсутствует. Однако можно допустить, что *шепетуха* у семейских могло ассоциироваться с бурятским *шептур, шептура,* имеющего значение `сильный, резкий запах (например, аммиака)`, в якутском (< монг.) данная лексема имеет значение `мочевой вкус, запах`, а также является «очень бранным словом: шлюха...» [Аникин 2000: 696].

- ***манзур*** (4) Манзур, манзур подъезжает К машиному дому (<14>, № 323: «Из-за гор горы»). *Манзур* – `вор, проходимец, жулик` [Элиасов 1980: 196]. Юмсунова фиксирует лексему *манзя* – `прозвище потомков старообрядцев, проживающих в Красночикойском районе Читинской области` [СГССЗ: 258]. В СРНГ у слов *мазур, мазура, мазурик и мазурин* есть несколько значений. К примеру, `штукатур`, `бурлак`, `неопрятный человек`,

`угрюмый, сердитый человек`, нахал, наглец`, `негодяй, плут` и даже, что тоже очень подходит к контексту песни, – `малороссиянин, приезжающий с обозом` [СРНГ: 17: 299 и сл.]. *Мазурик* – `жулик`< из польск. [Фасмер-Трубачев: 2: 558]. Слово, вероятнее всего, появилось в языке семейских рано, но нельзя исключать также, что *манзур* – фонетический вариант лексемы *маньчжур*. *Маньчжуры* – `народ, составляющий коренное население Северо-Восточного Китая (Южной Маньчжурии), а также лица, относящиеся к этому народу` [Евгеньева: 2: 228]. В словаре А.Е. Аникина есть также лексема *манджурка* – `маленькая китайская лошадка` со ссылкой на: [СРНГ: 17: 356] < из монг. < из маньчж. [Аникин 2000: 375].

У **русскоустьинцев**:

- ***монный*** (1): Щука рыба монна, щука рыба грает, На дно не ныряет и корап обегает (<3>, № 161: «Зеленой дубочек на яр похилился»). Составители сборника «Фольклор Русского Устья» слово *монный* толкуют как «особенный» [1986: 381]. В СРНГ *монный* – `задумчивый` [СРНГ: 18: 253]. *Монный* в песне – не что иное, как фонетический вариант лексемы *модный*: для говора русскоустьинцев характерна замена [дн] / [нн] (см. выше). Н.В. Зензинов указывает, что *модный* = *особенный* [Зензинов 1914: 109]. А.Е. Аникин толкует данное слово как `новый, неизвестный`, то же, что литературное *модный*. Автор отмечает также несомненное взаимодействие данной лексемы с якутским muodalāx `чудной, странный, необычный` muoda (из рус.) `мода, прихоть, каверза, чудо`; из якутского идут эвенк. `странный (человек)` и др. [Аникин 2000: 390] [84]. Таким образом, данное слово, появившееся в русском из французского mode, приобретя в языке русскоустьинцев своеобразный фонетических облик, по значению могло ассоциироваться с якутской лексемой, в свою очередь происходящую из языка русских насельников.

Итак, фольклор, находящийся в окружении иной традиции, стремится к сохранению своего статус-кво и поэтому старается восполнить утраченное в ходе эволюции текста либо за счет заимствования лексики, не слишком чуждой родному языку по фонетическому облику и семантике, либо путем создания новых слов, вкладывая в них необходимый смысл, который, возможно, не отражали слова, изначально присутствовавшие в тексте песни. Конечно, и та, и другая лексика проходит определенный период «притирания», «подгонки», видоизменяясь до определенной степени (как это происходит, мы уже могли наблюдать выше на примерах иноязычных слов, попадающих в русские народные песни).

О таком же «неравномерном» усвоении слов, явно заимствованных из языка окружения, может свидетельствовать факт наличия двух вариантов якутской лексемы *сордон* – ***сарадочки*** (1) и ***сардонки*** (1) – в фольклоре **Русского Устья**, причем в одном и том же тексте: «Ваське старшему зай-

---

[84] Здесь мы видим пример влияния русского языка на якутский.

дешь, Сам голоненькой уйдешь, Сарадочки на рожне, Как солдаты на войне. Из сардонок кровь текет…» (<5>, №43: «Силиванов казачёк»). *Сордонка* (якут. *сордон*) – `щука` [Рус Устье 1986: 382]; *сордонка* – `щука` н.-индиг., *сардонка* `щука` «из якут. *sordoŋ* `*щука, сардонка*`…» [Аникин 2000: 506]. СРНГ фиксирует *саранжа = сорожка; сарга* – `рыба плотва`; *сардонка* – `щука` *Якут.* [СРНГ: 36: 133; 143; 144]. На то, что *сордонка* – это не *сорога*, указывает тот факт, что последняя – `рыба серушка, плотва` [Даль: 4: 35; Фасмер-Трубачев: 3: 721–722] – не жарится на рожне – речь, несомненно, идет о более крупной рыбе. Таким образом, лексему *сордонка* (щука) можно считать заимствованной из якутского языка.

В этой же шуточной песне встречаем еще одну лексему, заимствованную из языка окружения, – ***чукучен*** (1) *Силиванов казачёк, Он почётный мужичок, Чукучен, рыба с чиром*…. (<5>, №43: «Силиванов казачёк»). В этимологическом словаре русских диалектов Сибири зафиксирована лексема *чукачан*: «`круглоротый чукачан (считается на севере самой дешевой, невкусной чернорыбной пищей` колым. … *чукучан* `вид рыбы, промышляемой на Индигирке` н.-индиг. [Зензинов 1913: 154], *Чукучанье* – назв. местечка на Индигирке [Биркенгоф 1972: 15] // Из якут. *čukačan ~ čukučan* `мелкая рыба` … Далее из тунг. (ср.: эвенк. суф. *–čān)*?» [Аникин: 671].

Как видим, в якутском языке формы *чукачан* и *чукучан* выступают как равноправные варианты. Следовательно, мы с полной уверенностью можем утверждать, что лексема *чукучен* заимствована русским фольклором вследствие билингвизма русскоустьинцев и сильного влияния культуры соседних народов.

В первой главе настоящей работы упоминается песня-танец "Амуканово" (см. также Приложение, <5>, № 40). В книге А.Г. Чикачева «Русские на Индигирке: историко-этнографический очерк» приводится более полный текст припевки, сопровождавшей танец, где использованы лексемы *омуканчик* и *омуканова*: «Омуканчик припеват, Как собака пропадат, Омуканова то, весела та, Собачья та, зараза та, Ту та, ту та…» [Чикачев 1990:103]. На заимствование не только песни-танца «Омуканово», но и его названия указывает Этимологический словарь русских диалектов Сибири: ***омуканчик*** – `род танца у русскоустьинцев и колымчан, другое название – *рассоха*` Якут. (от *омук*); ***омук*** – `юкагир` с.-зап. Якутия (со ссылкой на Дружинину); < якут. *omuk* `принадлежащий народу или племени`, `люди вообще, народ, племя, род`, `чужой, чужеродец, иноземец`, `тунгус, ламут`, `юкагир`, `чукча` < монг., ср. п.-монг. *обог ~ омог* `род`, бур. *обог ~ омог*, эвенк. (< якут.) *омук*, др.-тюрк. *oba* `род, племя` [Аникин 2000: 425]. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что слово, ставшее названием индигирского песни-танца и постоянно используемое в припевке во время его исполнения, заимствовано из языка иноэтнических соседей.

В песнях **семейских**, также как и в рекстах русскоустьинцев, встречаются заимствования из языка-соседа. Таковыми являются слова ***иман*** (1)

и ***имануха*** (1): Егоркина женка скотину блюдила, Скотину блюдила, имян парекала: Кобыла Ненила, жеребец Данила, Корова Алена, бык Алешка, Имануха Пашка, иман Николашка, Свиньи Аксиньи, боровы Васильи...(<12>, № 95: «Сяду я, сяду ко милому саду»). *Иман = яман, еман* – `козел`, *имануха* – `коза` [СРНГ: 12: 188]; *иман, яман, еман* – `домашний козел`; *имануха = яманyха* – `домашняя коза` [СГССЗ: 1999: 538; Юмсунова 2005: 130]. *Иманы* – `дворовые козы` [Даль: 2: 95]. Согласно этимологическому словарю, лексема пришла из монг. *iman, imagan* `коза` [Фасмер-Трубачев: 2: 128]. А.Е. Аникин полагает, что география *яман* допускает заимствование из бур. (монг.) *ямаа(н)* `коза` и одновременно из калм. jaman `коза, козел` [Аникин 2000: 725]. *Иман* – домашний козел; *имануха* – домашняя коза [Элиасов 1980: 141– 142]. (По данным монгольских языков, *иман* более старая форма, нежели *яман* (см.: [Бурыкин 2002: 46–55]), калмыцкий же язык едва ли мог оказать влияние в связи со значительной удаленностью его носителей от Забайкалья.)

Раскарымычиха (1), ***раскарымычка*** (1): Велят, такыт раскарымычихута брать, Брать мине яё ня хо..., ой, ня хочится, (<16> № 85 «Ах, пахажу-ка я млада»; см. также: <15>, №3). Форма *раскарымочка* не зафиксирована в словарях, однако *карым* – `потомок от смешанного брака русских и бурят`; `тот, кто исповедует иное религиозное направление по сравнению со старообрядческим` [СГССЗ: 195]; в Словаре русских говоров Забайкалья помимо этого значения есть еще два: `смуглый, похожий на бурята человек` и `в дореволюционной России: бурят, принявший православную веру, русский образ жизни, русские обычаи` [Элиасов 1980: 152]. Те же значения отмечены в СРНГ [13: 112]. От тюрк. kara – `черный`, ср.: *карамазый* – `смуглый (с лица)` [Фасмер-Трубачев: 2: 192]. А.Е. Аникин толкует лексему *карым* как «`представитель нерусской народности в Сибири, принявший православную веру, русский образ жизни, русские обычаи` *Ю-сиб., Ирк, Якут., Сиб.*, `человек, родившийся от смешанного брака русского и аборигена Сибири` *Сиб.* `смуглый, похожий на бурята человек` *Ю.-сиб., Ирк., Якут., карымоватый*` с лицом полумонгольского, полурусского типа` Сиб.» (со ссылкой на СРНГ), «*харым* `карым`, *забайк.*» (со ссылкой на Элиасова) // «Смешение монголо- и тунгусоязычного населения с русским привело к сложению своеобразной контактной группы – карымов» (со ссылкой на Туголукова). Происхождение лексемы *карым* «объясняют из бур. *харим* `карым` (человек, родившийся от брака бурята и русской и наоборот» (ссылка на БРС), «которое связывают с бур. *хари* `чужой, иноземный; чужак`, п.-монг. *xari* то же, ср.: эвенк. (< монг.) ... *кари* `чужой, неизвестный (о человеке)`» (со ссылкой на Мельхеева). Далее А.Е. Аникин пишет: «Все же бур. *харим* выглядит скорее как заимств. из рус. Не вполне надежно и сравнение *карым* с бур. *хара* `черный` и т.п.» (ссылка на Храмову) [Аникин 2000: 270]. Впрочем, появление данной лексемы у бурят из русского, на наш взгляд, сомнительно. Вероятнее всего все же обратное, учитывая распространенность лексем с корнем *кара/хара*, обозна-

чающих черный цвет, в монгольских языках.

К этому же кругу слов относится в песнях семейских ***ханжина*** (1) Пили ханжину, магяру, Не хватало им вина, Спирт возили поездами, Выпивали все до дна. (<9>, №238: «Как мы Перемышль сдавали»). *Ханшин* – `китайская водка`, амурск. Происхождение неясно [Фасмер-Трубачев: 4: 222]. *Ханша* – `китайская водка` [Элиасов 1980: 438]. *Ханчина* – `китайская неочищенная водка` [СГССЗ: 497]. А.Е. Аникин считает, что лексема *ханшин* «восходит (через бурятско-монгольское посредство?) к тому же кит. источнику, что и маньчж. *xānšin* `китайская водка из гаоляна`...бур. *хааншан (архи)* `китайская водка`».

Отметим, что лексика, относимая нами к локализмам русского песенного фольклора русскоустьинцев и семейских (характерная только для этих двух традиций), имеет единичную частоту употребления, что может свидетельствовать о незначительном влиянии языка окружения на традиционный фольклор, а точнее на конкретный его жанр – лирическую песню.

Итак, явное заимствование из языков-соседей обнаружилось только у незначительного количества слов анализируемых текстов: *сарадочки / сордонки, чукучен, омуканчик* – в песнях **Русского Устья** и *иман, имануха, раскарымычка / раскарымычиха, ханжина* – у **семейских Забайкалья**[85].

Конечно, среди лексики рассмотренных нами песен есть и другие заимствованные слова, но их нельзя считать локализмами, поскольку они встречаются в фольклоре других регионов России, и следовательно, были усвоены традицией еще до переселения ее носителей в иноэтническое окружение (см., к примеру: [Козлова 1974]) или воспринимались с песнями, появившимися уже после переселения на Индигирку (русскоустьинцы), в Забайкалье (семейские) от приезжих, ссыльных, при контактах с другим русским или славянским (к примеру, украинским) населением.

Таким образом, можно с определенной степенью уверенности утверждать, что язык песен русскоустьинцев и семейских Забайкалья достаточно устойчив к иноэтническому влиянию. Впрочем, тот факт, что в текстах довольно много «темных» и «деформированных» лексем, может свидетельствовать о том, что влияние окружения все-таки заметно в языке фольклора: даже фонетика и морфемика несут на себе следы новой ситуации бытования традиционных жанров.

Очень многие фольклористы отмечают наличие такой лексики в фольклорных текстах. И.Г. Добродомов считает, что «новоделки» являются результатом своего рода «порчи» текста и называет их «призрачными», однако, на наш взгляд, следует разводить «темные» и «призрачные» слова: по-

---

[85] Отметим, что указанные слова из песен семейских употребляются, как показывают словари, и в речи других русских Забайкалья – православными казаками и «сибиряками». Но ответ на вопрос, вошли ли они в их песенный фольклор, требует дополнительных исследований.

следние являются фактом скорее письменного текста, чем устного. А именно устная форма существования – естественная для фольклорной традиции. Конечно, условно можно включать «призрачные» слова в число «темных», поскольку «испорченность» текста не всегда очевидна.

Итак, этиология «темных» слов может быть различной: 1) возможный типографский брак при публикации текстов или ошибки собирателей при расшифровке записей (*мать калиный, меж калчновый, мошколиновый* и т.п.); 2) новые слова, называющие предметы, лежащие за пределами круга быта крестьянина, поэтому воспринимаемые как имеющие оттенок престижности, отсюда объяснение того, что они так ценятся и берегутся исполнителями (*дулевый, расчучовый, ремода, рамадушка, манзур, галенец, фанты и т.д.,* имеющие положительную коннотацию в текстах); 3) фольклорные неологизмы, возникающие для номинирования явлений и понятий, возникающих в новый этнокультурных условиях (*девушку за рату* вм. *за это* в исходном тексте); 4) заимствованные корни, соединенные с русской аффиксацией и т.п. процессы (*раскарымочка, сордонка, имануха* и т.п.).

Наличие вариантов в схожих сюжетах песен подтверждает тот факт, что фольклорный текст – не жестко фиксированное образование, не застывшая масса, а живой организм, который живет по своим законам, изменяется и воспроизводится с определенной степенью постоянства. Песенный фольклор, формировавшийся на протяжении многих веков, допускает такого рода изменения, поскольку для этого имеется огромный творческий потенциал. Тот факт, что вариативность имеет место, что в ходе многократного повторения одного и того же текста исполнитель с завидным постоянством употребляет эти слова, не заменяя другими, может свидетельствовать о том, что он включает в них определенный смысл. Такая устойчивость имеет место благодаря тому, что новые слова уже семантизировались в языке фольклора («Так деды наши пели», – обычно слышат собиратели в ответ на вопрос, что то или иное слово обозначает), то есть можно говорить о том, что «темные» слова скорее имеют какое-то обобщенное значение для исполнителя, нежели конкретный смысл.

Сопоставление исходного текста с новым, возникшим под влиянием иных условий бытования традиции, или даже с текстом, записанным в тех же условиях, но от другого исполнителя (ср. появление слов *рата, раскорнуть, парута* в русскоустьинских текстах, записанных разными собирателями в разное время), дает исследователю уникальную возможность проследить механизм появления «темных» слов в фольклорном тексте.

Таким образом, среди локализмов в песнях населения двух исследуемых регионов много схожих (особенно «темных» слов) с точки зрения их возникновения, однако специфичными, бесспорно, являются слова, заимствованные из языка иноязычного окружения.

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ПЕСЕННОЙ ЛЕКСИКОЙ ДРУГИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТРАДИЦИЙ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Вместо заключения

Схожую ситуацию с русскоустьинскими и семейскими песнями относительно незначительного использования иноязычных слов дает и колымская фольклорная традиция, и песенный фольклор забайкальских казаков. Их предварительный анализ также выявил единичные случаи включения иноэтнической лексики в песенные тексты.

К примеру, заимствованное слово обнаружено в «Винограде», записанном В.Г. Богоразом в 90-х гг. XIX в. от среднеколымской казачки:

А мы ходим, походим, виноградчики,
Винограде, винограде красно-зелено.
А мы ищем-поищем господинов двор, <…>
У нас торбасы тоненьки, у нас ножки зябнут,
Винограде, винограде красно-зелено. <…>
[РКОФСД 1997: № 26]

Торбаса, торбасы – `мягкие оленьи сапоги; обувь коряков и камчадалов' в.-сиб. [Даль 4: 391, 418]. *Торбас* – `сапог из оленьей кожи`. Иноязычное – из якутского ätärbäs – `высокие кожаные сапоги, разная верхняя обувь' [Фасмер-Трубачев 4: 82]. «При заимствовании ожидалось бы нечто вроде рус. **тярбас* или **тербес*. Слово подверглось аккомодации и после отпадения начального безударного гласного получило сингармоническую огласовку *о* согласно окающему говору большинства сибирских переселенцев» [Аникин 2000: 555].

Песенный фольклор забайкальских казаков хорошо представлен в «Сборнике песен Забайкальского казачьего войска», самом крупном собрании фольклорной лирики забайкальского казачества (около 200 текстов), изданном в 1916 г. малым тиражом в Чите войсковым хозяйственным правлением «по распоряжению Военного Министерства». Кто являлся собирателем песен, составителем сборника неизвестно, но, без сомнения, это были энтузиасты, знающие и понимающие народную поэзию, но мало знакомые с научными принципами издания фольклорных произведений.

Заимствованные слова обнаружены в двух песнях:

Как мы жили, веселились
За Аргунью, за рекой,
Летом в лагерь становились,
Зимой в фанзы, на постой.
«Полно братцы нам крушиться» [СПЗКВ 1916: 7]

Вот в дали тут показался
Их начальник фудутун.
Генералом прозывался –
Мы в него тотчас – сто пуль.
«Вот китаец взбунтовался» [СПЗКВ 1916: 17]

Фанза – китайское или корейское жилище сельского типа – от кит. *фан-цзы* [ССРЛЯ: 16: 1243]. В словаре А.Е. Аникина *фанза* – 'землянка, избушка' хаб., 'китайское или корейское жилище сельского типа' Дальний Восток; литер. *фанза* < кит. *фанцза* 'дом, комната, квартира' [Аникин 2000: 598–599].

Фудутун – заимств. из китайского – обозначало в конце XIX – начале XX в. 'звание в маньчжурской армии': «В каждой дивизии есть дивизионный начальник (*дутун*) и два помощника (*фудутун*)» [Бичурин 2002: 210].

Станицы Забайкальского казачьего войска территориально располагались вдоль границы с Китаем, и поэтому не случайно в песнях казаков употребляется лексика китайского происхождения.

В известном нам фольклорном материале русского населения Восточной Сибири можно указать и другие примеры использования в народных песнях иноязычных слов. Таковой является песенная традиция Приленья. С ней мы имеем возможность познакомиться по публикациям, подготовленным О.И. Чариной [ФРНЯ 1994], Л.Н. Цой и А.А. Щетской [БРФРСЯ 2002, 2003].

Эти два собрания песен существенно отличаются друг от друга уровнем подготовки материала. Если публикация О.И. Чариной сопровождается обширным введением, подробными комментариями к текстам, различного рода указателями, то сборники, составленные Л.Н. Цой и А.А. Щетской, к сожалению, кроме небольших предисловий, какого-либо научного аппарата не имеют. Записанные в своем подавляющем большинстве, видимо, студентами Якутского государственного университета песни в 2-х выпусках сборника «Бытование русского фольклора в Республике Саха (Якутия)» (около 380 текстов) не содержат ни одного примера заимствованного слова из языка иноэтнических соседей.

В более обстоятельном, хотя и меньшем по объему, сборнике О.И. Чариной «Фольклор русского населения Якутии (русские песни Ленского тракта)» содержится 96 собственно песенных текстов, и в двух из них встречается якутская лексика. Первая песня отнесена составительницей к свадебным:

Сегодняшний день –
Радостный день!

Веселье, веселье,
Веселенький час!
Үнкүүлүүллэр (танцуют), благословляют.
Радости, радости,
Сегодняшний день,
Веселье, веселье,
Веселенький час! [ФРНЯ 1994: № 2].

Исполнители (Н.М. и Е.Е. Филипповы) слышали ее от «"бородатого" старика по имени Куоҕас (Гагара) Ванька, который, переходя из станка в станок, пел на свадьбе ритуальные песни» [Чарина 1994: 8]. Из комментария к песне читаем, что она исполнялась «в день свадьбы, закрепляя в сознании присутствующих факт свершения обряда» [ФРНЯ 1994: 103]. Подобная функциональность несвойственна свадебному фольклору восточных славян. Примечательно, что в содержательном отношении аналогов данному тексту в русской свадебной поэзии старожильческого населения Сибири мы не обнаружили. Но основной мотив песни – выражение радости участников свадьбы – встречается в якутском фольклоре: в песнях, в том числе танцевальных, празднике ысыах (см.: [ЯНП 1997, 2: 105, 109, 129]), а также, что особенно показательно, в якутских свадебных алгысах (благословениях). К примеру:

<…> Приветствуя вот,
С радостью по обычаю трех якутов
Рюмку с вином
Вверх поднимая,
Радуясь-веселясь,
В удачную судьбу
Веря,
Счастливое напутствие свое
Высказав для вас
Петь-воспевать начинаю вот! <…>
(Алгыс-благословение отца невесты) [ОПСЯ 2003: 223].

<…> Чтоб не чуждались друг друга –
Благословенное мое возлияние,
Чтобы не завидовали друг другу –
С просьбой мое приношение!
Счастье-радость!
Счастье-радость!
Счастье-радость!
(Благословение при разжигании огня на свадьбе)
[Там же: 239].

Якутские алгысы, в том числе свадебные, как известно, не только произносились, но и пелись (см.: [Шейкин 2003]). Не исключено, что и песня Ваньки Куоҕас (якута? – В.К.) – это или своеобразное переложение, а возможно, и перевод на русский язык фрагмента свадебного алгыса, или сочиненный на русском языке текст на основе мотивов алгысов и танцевальных якутских песен, в которых нередко выражается радость участников обрядового действия. Именно этим, на наш взгляд, и объясняется присутствие в тексте непереведенного якутского слова *үнкүүлүүлэр* (танцуют).

Другим примером использования якутской лексики в русских песнях Приленья является известная хороводная «А мы просо сеяли», записанная О.И. Чариной в 1993 г. от участников фольклорного ансамбля «Олёкминские вечерки»:

Биҥиги бурдук ыспыпыыт,
Ой ты гладо, ыспыпыыт,
– А мы кашку вытопчем,
Ой ты гладо, вытопчем.
– Туохаргытынан тэпсэҕэт,
Ой ты гладо, тэпсэҕэт.
– А мы коней выпустим.
Ой ты гладо, выпустим <...> и т.д. [ФРНЯ 1994: № 32].

Собирательница пишет по поводу данного текста: «Один полухор заводил песню на якутском языке, а второй отвечал на русском. Якутский текст является почти полным переводом (см., например, “сеяли” – “ыспыпыыт”)» [Чарина 1994: 9].

Собственно говоря, перед нами своеобразная песня-переделка, возникновению которой способствовали бытование текста в условиях соседства двух этнических групп, практически полного двуязычия, его диалоговая структура, предполагающая наличие противостоящих партий, хороводно-игровой характер песни.

По словам О.И. Чариной, песня исполнялась и полностью на якутском языке, а именно олёкменским ансамблем «Рябинушка» [Там же: 106]. Поэтому возможно, что русско-якутский и якутский варианты хороводной «А мы просо сеяли» представляют собой позднюю, мы бы даже сказали клубную, форму бытования песни, для зрелищности созданную работниками сельских домов культуры – руководителями ансамблей (показательно, что оба названных коллектива из одного района Якутии – Олёкминского).

Любопытно, что в репертуаре участников «Олёкминских вечерок», от которых была записана русско-якутская «А мы просо сеяли», были и двуязычные частушки[86], к примеру:

Если Лена тоннооҕоно,
Трудно будет харбыырга.
Если девушка не любит,
Трудно будет таптыырга [ФРНЯ 1994: № 96].

Данный текст является полным аналогом следующей частушки того же фольклорного коллектива:

Если Лена замерзает,
Трудно будет переплыть.
Если девушка не любит,
Трудно будет полюбить [Там же: № 94].

Условия бытования русского песенного фольклора Ленского тракта схожи и в то же время отличаются от рассмотренного в настоящем исследовании фольклора русскоустьинцев и семейских. Основное отличие состоит практически в полном двуязычии носителей фольклорных традиций, от которых записаны указанные песни Приленья (см.: [Чарина 1994: 5–6; 2005: 28]), а также, что очень важно, в биэтничности ансамблей. В коллективе «Олёкминские вечерки», в репертуар которого входят русско-якутские песня и частушки[87], пятеро участников из двенадцати по паспортным данным – якуты (см.: [ФРНЯ 1994: 119]). Видимо, эти условия и создали наиболее благоприятную почву для возникновения русско-якутского варианта традиционной русской народной песни «А мы просо сеяли». Кроме того, в русско-якутских песнях Приленья иноэтническая лексика – это или не переведенные на русский язык якутские слова («*үнкүүлүүллэр*» в так называемой свадебной «Сегодняшний день»), или, наоборот, переведенные с русского на якутский язык фразы («*Биһиги бурдук ыспыпыыт*», «*Туохаргытынан тэпсэҕэт*» и др. в хороводной «А мы просо сеяли»). Не случайно при публикации текстов, в которых они

[86] Помимо русско-якутских в сборнике О.И. Чариной представлены также частушки и полностью на якутском языке (см.: [ФРНЯ 1994: № 97, 187, 188, 202, 249, 264]). Но, наш взгляд, к собственно русской традиции они уже не имеют отношения, являясь фактом якутского фольклора. Как известно, частушечный жанр переняли от русских соседей многие народы Сибири – эвенки, алтайцы, буряты, якуты, долганы и др. (см., к примеру: [ФД 2000: 404]).

[87] Еще один пример см.: [ФРНЯ 1994: № 186].

используются, О.И. Чарина воспроизвела данные слова и фразы в якутской графике.

Характер же слов, вошедших в песенный фольклор индигирцев и семейских – *сарадочки / сордонки, чукучен, омуканчик* (Русское Устье); *иман, имануха, раскарымычка / раскарымычиха, ханжина* (Забайкалье), – несколько иной, чем в Приленье: эти слова, будучи заимствованными от иноэтнических соседей, вошли в состав диалектной лексики, стали фактом языка указанных двух групп русского населения Сибири.

***

В настоящей работе мы попытались затронуть некоторые вопросы бытования в иноэтническом окружении песенного фольклора русскоустьинцев и семейских. Несмотря на существенные различия в истории формирования, развития, численности, хозяйства, бытового и семейного уклада, религиозности индигирцев и забайкальских старообрядцев, характер их взаимодействия с соседними этносами имел много сходных черт. Хотя при соседстве нередко возникали конфликтные ситуации, связанные в первую очередь с распределением и перераспределением природных ресурсов, в своей основе взаимоотношения русскоустьинцев и семейских с окружающими их народами можно охарактеризовать как дружеские, что было обусловлено хозяйственно-торговыми контактами, межэтническими браками; перениманием бытовых привычек, предметов и навыков хозяйствования коренных жителей, заимствованием обрядов и элементов их духовной культуры и фольклора, знанием языка соседнего народа (народов). Разница состоит в степени интенсивности этого процесса и вектора, отражающего его усиление/уменьшение. Относительно русскоустьинцев можно говорить о том, что наиболее глубоко и интенсивно он проходил на ранних этапах их появления в низовьях Индигирки, но в последующее время, в определенной степени, видимо, ослабевал. У семейских же наоборот: у этнически и конфессионально замкнутой группы, какой были они в Забайкалье, со временем, особенно уже в XX столетии, процесс взаимодействия с бурятами приобрел более разнообразный и многосторонний характер.

Анализ лексического состава корпусов песенных текстов русскоустьинцев и семейских позволил выявить, что для той и другой группы русского населения Сибири характерен одинаково низкий уровень использования слов заимствованных от окружавших их сибирских народов. Причина такого положения вещей, как мы предполагаем, лежит в системе русского песенного фольклора, его жанровой, стилевой специфики, существенно отличающейся от жанровой природы песен коренных сибирских народов. Художественно-системные качества русского песенного фольклора

не дали возможности активному проникновению иноязычной лексики иноэтнического окружения не только в песни семейских, длительное время в силу целого ряда причин, в первую очередь религиозных, проживавших достаточно изолированно от бурят, но и в песни русскоустьинцев, жизнь, быт и культура которых, если сравнивать с семейскими, была намного теснее взаимосвязана с соседними неславянскими народами – якутами, юкагирами, эвенами и чукчами.

В целом же можно указать на общие черты русских песен Восточной Сибири, в которых обнаружено использование лексики иноязычных соседей: они имеют хороводно-игровой (семейская «Сяду я, сяду ко милому саду» (<7> № 95); приленская «А мы просто сеяли»), обрядово-игровой (колымское «Виноградье») или шуточный, сатирический, веселый, удалой характер (русскоустьинские «Амуканчик», «Селиванов казачек» (<5>, №№ 40, 43), семейская «Как мы Перемышль сдавали» (<9>, № 238), забайкальские казачьи «Вот китаец взбунтовался» и «Полно братцы нам крушиться»). На наш взгляд, игровая, смеховая направленность данных песен способствовала при длительном бытовании в иноэтническом окружении появлению в них слов, происходящих из языка иноязычных соседей. Жанрово-стилевые особенности баллад, исторических, семейно-бытовых песен и песен о любви (в нашем материале только один пример – семейская «Ах, похожу-ка я, млада» (<16>, № 85)), по-видимому, в меньшей степени создают возможности проникновения в их лексический строй заимствованной иноязычной лексики.

Завершая данную работу, отметим, что изучение влияния фольклорных традиций иноэтнического окружения на поэтическое творчество русского народа требует самого пристального внимания, причем не только в плане анализа уже известного, опубликованного материла, – необходимы полевые и архивные исследования, поиск новых данных, фактов, фольклорных текстов, чего, на наш взгляд, пока было явно недостаточно. Наше исследование является лишь небольшим шагом в данном направлении.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЯНЦ – Архив Якутского научного центра Сибирского отделения РАН.

БИОН – Бурятский институт общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР.

БНЦ – Отдел памятников письменности Института монголоведения, буддологии и тибетологии Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН.

РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русского языка и литературы (Пушкинский Дом) РАН.

ФЭ ИМЛИ – Фольклорно-этнографический архив Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Аникин – Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. – М.; Новосибирск: Наука, 2000.

БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. – М.– Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

Брокгауз, Ефрон – Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Современная версия. – М.: Изд-во Эксмо, 2003.

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – М.: Прогресс. Универс, 1994.

Евгеньева (МАС) – Словарь русского языка: В 4-х т. – М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999.

КПОС – Картотека Псковского областного словаря (ЛГУ).

КСРНГ – Картотека Словаря русских народных говоров (ИЛИ РАН).

Ожегов – Словарь русского языка / Сост. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 2-е изд., М.: АЗЪ, 1995.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными / Ред. Б.А. Ларин и др.: В 10-и т. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967 – 1996. Вып. 1–12.

Преобр. – Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. – В 4-х т. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959.

РФЛ – Русский фольклор в Латвии: Песни, обряды и детский фольклор / Сост. И.Д. Фридрих. – Рига: Лиесма, 1972.

СБГ – Словарь брянских говоров / Под ред. В.И. Чагишевой. – Л., 1976. Вып. 1; под ред. В.А. Козырева. Л., 1980 – 1988. Вып. 2–5.

СВГ – Словарь вологодских говоров / Под ред. Т.Г. Паникаровской. – Вологда: Изд-во ВГПИ, 1983 – 1993. – Вып. 1–6.

СГССЗ – Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / Под ред. Т.Б. Юмсуновой. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, Научно-издат. Центр ОИГГМ, 1999.

СДРЯ – Словарь древнерусского языка XI – XIV вв: В 10 т. - Вып. 1–4. – М.: Русский язык, 1988–1991.

СлРГНП – Словарь русских говоров Низовий Печоры. Т.1: / Под ред. Л.А. Ивашко. – СПб.: Филологический ф-т СпбГУ, 2003.

СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв / Под ред. Бархударова С.Г и Филина Ф.П. – М.: Наука, 1975 – 1999, т. 1–23.

СлРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII в. – Вып. 1–9. – Л.: Наука, 1984–1997.

СОГ – Словарь орловских говоров / Под ред. Т.В. Бахваловой. – Ярославль; Орел, 1989–2003. – Вып. 1–14.

Сомов – Сомов В.П. Словарь редких и забытых слов. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Под ред. А.С. Герда: В 5-ти вып. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–1999. – Вып. 1–5.

СРГН – Словарь русских говоров Новосибирской области / под ред. А.И. Федорова. – Новосибирск: Наука, 1979.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. – Свердловск: Изд-во Урал. Ун-та, 1970–1988. – Т. 1–7.

Срезн. – Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. В 3-х т. – М.: Книга, 1989.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – Л.: Наука, 1965–2005. – Вып. 1–39.

ССГ – Словарь смоленских говоров / Под ред. А.И. Ивановой. – Смоленск: Изд-во Смоленского пед. ин-та, 1974–1993. – Вып. 1–6.

ССРНГ – Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И.А. Оссовецкого. М., 1969.

Ушаков – Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. – М.: ОГИЗ «Сов. энциклопедия», 1934–1940.

Фасмер-Трубачев – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. / М. Фасмер; Пер. с нем. И доп. О.Н. Трубачева. – 4-е изд, стер. – М.: ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ», 2004.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абаева 1992 – Абаева Л.Л. Культ гор и буддизм в Бурятии. – М., 1992.

Аввакум 1960 – Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Под ред. Н.К. Гудзия. – М., 1960.

Аввакум 1979 – Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. Иркутск, 1979.

Азбелев 1986 – Азбелев С.Н. Фольклор Русского Устья: к изучению региональной традиции // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. – Якутск, 1991. – С. 80–89.

Алексеев 1948 – Алексеев Н.М. Охотничий промысел у «досельных» русских низовьев Инидигирки // Сборник материалов по этнографии якутов. – Якутск, 1948. – С. 60–73.

Андреева-Васина 1971 – Андреева-Васина Н.И. Вторичная приставка *при-* в русских народных говорах и в произведениях устного народного творчества // Диалектная лексика 1969. – Л., 1971. – С. 155–163.

Андреева-Васина 1979 – Андреева-Васина Н.И. К вопросу о приставочной омоморфии в русских народных говорах // Диалектная лексика 1977. – Л., 1979. – С. 115–121.

Андреева-Васина 1974 – Андреева-Васина Н.И. Словообразовательные типы глаголов с приставкой *при-* в русских народных говорах // Диалектная лексика 1973. – Л., 1974. – С. 173–184.

Аникин 1999 – Аникин А.Е. Еще раз о "Словаре русских говоров Забайкалья" Л.Е. Элиасова //Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 1999. – СПб., 2002.

Апонасенок 2004 – Апонасенок А.В. Старообрядчество Курской губернии в конце XIX– начале XX вв.: Дис. … канд. ист. наук. – Курск, 2004.

Аргудяева 2000 – Аргудяева Ю.В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. – М., 2000.

Артеменко 1977 – Артеменко Е.Б. Синтаксический строй русской народной лирической песни в аспекте ее художественной организации.– Воронеж, 1977.

Артемьев 2003 – Артемьев А.Р. Протопоп Аввакум в Забайкалье // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: Историко-археологические исследования. – Владивосток, 2003. – С. 43–63.

Афанасьева 1991 – Афанасьева Р.Н. Русская сказочная традиция на северо-востоке Сибири (К вопросу о сказках иноязычного генезиса в фольклоре Русского Устья) // Актуальные проблемы сибирской фольклористики. – Иркутск, 1991. – С. 42–60.

Базилишина 1998 – Базилишина Р.Н. Русская сказка на краю ойкумены (к вопросу об интерференциях иноязычного фольклора в сказочной традиции этнической группы русских низовий Индигирки) // Традиционный фольклор в полиэтнических странах: Материалы II Международного симпозиума «Байкальские встречи». – Улан-Удэ, 1998. – С. 77–79.

Базилишина 2000a – Базилишина Р.Н. Фольклорная традиция на краю ойкумены: сказки Русского Устья. АКД. – Иркутск, 2000.

Базилишина 2000b – Базилишина Р.Н. Фольклорная традиция на краю ойкумены: Сказки Русского Устья: Дис. … канд. филол. наук. – Иркутск, 2000.

Баунтовские эвенки 2004 – Баунтовские эвенки. След на земле: Сборник публицистики, этнографии, фольклора. – Багдарин–Чита, 2004.

Бахтин 1998 – Бахтин В.С. Там, где поют русские песни // Живая старина. – 1998. – № 2. – С. 38–40.

Бахтин 1999 – Бахтин В.С. Экспедиции в русские старообрядческие поселения Польши, Румынии, Болгарии и Монголии // Живая старина. – 1999. – № 1.– С. 40–42.

Белокрыс 1985 – Белокрыс М.В. Фольклор в художественной самодеятельности Бурятии // Локальные особенности русского фольклора Сибири. – Новосибирск, 1985. – С. 85–88.

Белькова 1970 – Белькова В.А. Судьба южнорусского говора в условиях инодиалектного окружения: (фонетико-морфологический очерк): Дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1970.

Берг 1946 – Берг Л.С. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга 1725–1742. – М.–Л., 1946.

Бестужевы 1929 – Бестужев М. и Н. Письма из Сибири декабристов В. 1. – Иркутск, 1929.

Биркенгоф 1972 – Биркенгоф А.Л. Потомки первопроходцев. – М., 1972.

Бичурин 2002 – Бичурин Н.Я. Статистическое описание Китайской империи. Ч. 1–2. – М., 2002.

Бобунова 1998 – Бобунова М.А. Наблюдения над полипрефиксальностью в былинном тексте // Фольклорная лексикография: Вып. 11. – Курск, 1998. – С. 70–72.

Бобунова 2003 – Бобунова М.А. Онежские былины: Частотный словарь. – Курск, 2003.

Бобунова, Праведников, Хроленко 2003 и др. – Бобунова М.А., Праведников С.П., Хроленко А.Т. Проблемы фольклорной диалектологии. – Курск, 2003.

Бобунова, Хроленко 2005 – Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Тютчев и Фет: Опыт контрастивного словаря. – Курск, 2005.

Бобунова, Хроленко 2006 – Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Словарь языка русского фольклора: Лексика былины. Ч. 1: Мир природы. – Курск, 2006.

Богораз 1901 – Богораз В.Г. Песни русских поречан на Колыме // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. – СПб, 1901.– Т 68.– № 4.

Богораз-Тан 1939 –Богораз-Тан В.Г. Чукчи. Ч. 2: Религия. – Л., 1939.

Болонев 1974 – Болонев Ф.Ф. Хозяйственные и бытовые связи семейских с местным и пришлым населением Бурятии в XIX и начале XX века // Этнографический сборник / БИОН. – 1974. – Вып. 6. – С. 56–66.

Болонев 1978а – Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX – начало XX вв). – Новосибирск, 1978.

Болонев 1994 – Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. – Новосибирск, 1994.

Болонев 2000 – Болонев Ф.Ф. Русско-бурятские этнокультурные контакты и взаимовлияния в Западном Забайкалье в XIX – начале XX века // Этнография народов Сибири и Монголии = Сибири болон Монголын ард тумний угсаатны зуй. – Улан-Батор; Улан-Удэ, 2000. – С. 41–63.

Болонев 2004 – Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. –М., 2004.

Болонев, Выхристюк 2002 – Болонев Ф.Ф., Выхристюк О.И. Певцы и песни Большого Куналея. – Новосибирск, 2002.

БРФРСЯ 2002, 2003 – Бытование русского фольклора в Республике Саха (Якутия). Лирические песни: Учебное пособие / Сост. Л.Н. Цой, А.А. Щетская. Вып. 1–2. – Якутск, 2002–2003.

Бураева 2000 – Бураева О.В. Хозяйственные и этнокультурные связи русских, бурят и эвенков в XVII – середине XIX в. – Улан-Удэ, 2000.

Бураева 2003 – Бураева С.В. «Богодухновенные книги» старообрядцев (семейских) Забайкалья. – Улан-Удэ, 2003.

Бураева С. 2000 – Бураева С.В. Орнаментика в культуре кочевников и старообрядцев Забайкалья: архетипы традиционного сознания // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: Материалы Междунар. науч. конф. – Улан-Удэ, 2000. Т 2: История. Философия. Социология. Культорология и искусство. – С. 335–339.

Бурыкин 2002 – Бурыкин А.А. Замечания к проблеме лексического состава русских старожильческих говоров Забайкалья и некоторые соображения о роли ареальных критериев в этимологических исследованиях диалектной лексики иноязычного происхождения // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 1999. СПб., 2002. –С.46-55.

Бурыкин 2004 – Язык малочисленного народа в его письменной форме. Социолингвистические и собственно лингвистические аспекты (на материале эвенского языка). – СПб.: Петербургское востоковедение, 2004.

Вахтин и др. 2004 – Вахтин Н., Головко Е., Швайтцер П. Русские старожилы Сибири. – М., 2004.

Венедиктов 1985 – Венедиктов Г.Л. Литература и культура. Сказки Русского Устья // Русская литература. – 1985. – № 2. – С. 128–141.

Владыкина-Бочинская 1975 – Владыкина-Бочинская Г.М. Народное песенное творчество забайкальских семейских // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Забайкалье. Ч.2. – Новосибирск, 1975. – С.126–145.

Власова 1981 – Власова З.И. Русский фольклор в иноязычной среде // Русский фольклор. XXI. Поэтика русского фольклора. – Л., 1981. – С. 190–198.

Волков 1996 – Волков В.Н. Фольклор Читинской области. – Чита, 1996.

Врангель 1948 – Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому океану. – М., 1948.

Геденштром 1830 – Геденштром М. Отрывки о Сибири. – СПб., 1830.

Гирченко 1921 – Гирченко В. Из истории переселения в Прибайкалье старообрядцев – семейских. – Верхнеудинск, 1921.

Глуховцев 1902 – Глуховцев В.В. Селение Хасуртай (социально-экономический очерк) // Забайкалье. - 1902. – № 38.

Гоголев 1999 – Гоголев А.И. История Якутии (Обзор исторических событий до начала XX в.). Якутск, 1999.

Голубкова, Опалев 1999 – Голубкова О.В., Опалев В.О. Культ гор в народных верованиях русских Забайкалья // Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез: Международный симпозиум. – Улан-Удэ, 1999.

Гондатти 1897 – Гондатти Н.Л. Состав населения Анадырской округи // Записки Приамурского отдела Императорского русского географического общества. – хабаровск, 1897. Т. 3. Вып. 1

Грищенко 1978 – Грищенко З.А. Загадочное «бъдынъ» // Русская речь. – 1978. – № 6. С. 75–80.

Гурвич 1963 – Гурвич И.С. Русские на северо-востоке Сибири в XVII в. // Труды Института этнографии АН СССР: Новая серия. – М., 1963. – Т. 84.

Гурвич 1966 – Гурвич И.С. Этническая история северо-востока Сибири // Труды Института этнографии АН СССР: Новая серия. – М., 1966. – Т. 89.

Гуревич 1936 – Гуревич А.В. Как записывать и обрабатывать устные рассказы // Известия общества изучения Восточно-Сибирского края. – Иркутск, 1936. – С. 42–62.

Гуревич А.В., Элиасов Э.Е. Старый русский фольклор Прибайкалья. – Улан-Удэ, 1939.

Диалектический атлас 1989 – Диалектологический атлас русского языка (в трех выпусках). Центр Европейской части СССР. – Вып. 2: Морфология. Комментарии к картам. – М. Наука,1989.

Добродомов 1973 – Добродомов И.Г. Хотя слово и есть в словарях // Русская речь. – 1973. – № 1. – С. 124–127.

Добродомов 1999 – Добродомов И.Г. О «призрачных» словах // Русская речь. – 1999.– № 1. С. 101–106.

Долгих 1960 – Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Труды Института этнографии АН СССР: Новая серия. – М., 1960. – Т. 60.

Долотов 1931 – Долотов А. Старообрядчество в Бурятии (семейские в Забайкалье). – Верхнеудинск, 1931.

Дорофеев 1989 – Дорофеев Н.И. Русские народные песни Забайкалья. Семейский распев. - М., 1989.

Дружинина 1986 – Дружинина М.Ф. О говоре русских старожилов на нижней Индигирке // Фольклор Русского Устья / Отв. ред. С.Н. Азбелев, Ю.Н. Дьяконова. – Л., 1986. – С. 356–363.

Дьяконова, Венедиктов и др. 1986 – Дьяконова Ю.Н., Венедиктов Г.Л., Азбелев С.Н., Розов А.Н., Жекулина В.И., Митрофанова В.В. Фольклор Русского Устья // Фольклор Русского Устья / Отв. ред. С.Н. Азбелев, Ю.Н. Дьяконова. – Л., 1986.

Евгеньева 1963 – Евгеньева А.П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII – XX вв. – Л.: Изд-во АН СССР, 1963.

Жорницкая 1970 – Жорницкая М.Я. Северные танцы. – М., 1970.

Зайцева 1973 – Зайцева И.К. Диалектная и просторечная глагольная лексика языка сказок // Материалы по русскому и славянскому языкознанию. – Воронеж, 1973.– С. 12–19.

Захарова, Орлова 1970 – Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. – М, 1970.

Зензинов 1913 – Зензинов Н.В. В Русском Устье // Землеведение. – 1913. – № 4. – С. 35–47.

Зензинов 1914 – Зензинов Н.В. Старинные люди у холодного океана: Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. – М., 1914.

Зензинов 1920 – Зензинов Н.В. Русское Устье. (Из дневника ссыльного) // Современные записки. – 1920. – Кн. I.

Зенкова, Кирюшкина 2001 – Сторона ты моя, сторонушка: Песни семейских Восточного Забайкалья / Составление, нотация, предисловие, статья, примеч. Т.М. Зенковой, И.О. Кирюшкиной. – Чита, 2001.

Зуев 2002 – Зуев А.С. Русская политика в отношении аборигенов крайнего Северо-Востока Сибири (XVIII в.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 1. Вып. 3: История / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2002. – С. 14–24.

Иванов 1998 - Иванов В.Ф. Из летописи села Хасурта (XIX – начала XX вв. // Слово о земле Хоринской: к 70 летию Хоринского района. - Улан-Удэ, 1998. - С. 73–76.

Игнатьева 2005 - Игнатьева Т.И. Музыкальный фольклор юкагиров // Фольклор юкагиров: Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока / Сост. Г.Н. Курилова. - Новосибирск, 2005. – С. 45–123.

Иоаннов 1855 – Иоаннов Андрей. Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах, собранное из потаенных старообрядческих преданий, записок и писем, церкви сошествия Святого Духа, что на Большой Охте, протоиреем Андреем Иоанновым: В 4-х ч. – СПб., 1855.

Иохельсон 2005 – Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. – Новосибирск, 1985.

Казарян 2002 – Казарян П.Л. Присоединение бассейнов рек Яны и Индигирки к Русскому государству. Адрес этого документа: http://zaimka.ru/04_2002/kazarian_yakut/

Каменецкая 1986a – Каменецкая Р.В. Русские старожилы в низовьях р. Индигирки (Этнографический очерк) // Фольклор Русского Устья. – Л., 1986. – С. 337–356.

Каменецкая 1986b – Каменецкая Р.В. Русские старожилы полярного ареала // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. – Л., 1986. – С. 67–81.

Климас 1998a - Климас И.С. Словник и частотный словарь северных песен из собрания А.И. Соболевского "Великорусские народные песни" // Фольклорная лексикография: Вып. 10. - Курск, 1998. – С. 41–72.

Климас 1998b – Климас И.С. Сопоставление словников как эмпирический прием изучения фольклорной лексики // Фольклорная лексикография: Вып. 16. – Курск, 1998. – С. 3–6.

Кляус 2001a «Традиционная культура старообрядцев (семейских) Забайкалья. 1776–2001»: Справочно-библиографический CD / Автор-составитель В.Л. Кляус. – М., 2001.

Кляус 2001b Кляус В.Л. К изучению локальной заговорной традиции семейских Забайкалья (на материале записей в д. Укыр Красночикойского р-на Читинской обл.) // Старообрядчество: История и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. 26–27 июня 2001 г., г. Улан-Удэ. – Улан-Удэ, 2001. – С. 256–259.

Кляус 2002 Кляус В.Л. К вопросу о трансформации обрядовых традиций старообрядцев Забайкалья в XX веке // Старообрядчество как историко-культурный феномен. – Гомель, 2003. - С. 118–122.

Кляус 2003a Кляус В.Л. Этномузыкальные и заговорно-заклинательные традиции Забайкалья в дискурсе восприятия и оценок // Евразийское пространство: Звук, слово, образ. – М., 2003. – С. 170–177.

Кляус 2003b Кляус В.Л. Песни семейских Читинской области (рецензия на сборник «Сторона моя сторонушка: Песни семейских Восточного Забайкалья») // Живая старина. – 2003. – № 4. – С. 42–44.

Кляус 2004 Кляус В.Л. Образ старообрядцев (семейских) Забайкалья в записках путешественников и исследователей // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. - М., 2004. – С. 23–42.

Кляус, Левитт 2001 – Кляус В.Л., Левитт М. Российско-американская экспедиция «Песни и обряды староверов Забайкалья» // Живая старина. – 2001. – № 2.

Козина 1998 – Козина О.М. Старообрядчество: современная проблематика об этнониме «семейские» // Филологический сборник: Памяти В.Ц. Найдакова. – Улан-Удэ, 1998. – С. 272–275.

Козина 1987 – Козина О.М. Особенности произношения сибилянтов в речи русских старожилов Бурятии // Фонетические исследования языков и диалектов Бурятии. – Улан-Удэ, 1978. – С. 109–115.

Козина 1991 – Козина О.М. Губные спиранты в семейских говорах // Современные русские говоры. – М., 1991. - С. 35–41.

Козина 2000 – Козина О.М. Отражение влияния кочевой культуры в лексике старообрядцев Забайкалья // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: Материалы Междунар. науч. конф. – Улан-Удэ, 2000. - Т. 3: Языки. Фольклор. Литература. – С. 92–98.

Козина 2001 – Козина О.М. Старообрядческие говоры Забайкалья: проблема классификации // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. 26–27 июня 2001 г., г. Улан-Удэ. – Улан-Удэ, 2001. – С. 215–220.

Козина 2004 – Козина О.М. некоторые говоры забайкальских старообрядцев: енезис, диалектный тип // Проблемы современной русской диалектологии: Тезисы докл. Междунар. конф. 23–25 марта 2004 г. – М., 2004. – С. 73–76.

Козлова 1974 – Козлова Р.Б. Заимствованная лексика в языке русского фольклора: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Казань, 1974. – 16 с.

Козлова 1994 – Козлова А.Ю. Загадочные слова «клюще» и «ключ» Толковой палеи // Русская речь. – 1994. – № 3. – С. 75–80.

Колбасина 1998 – Колбасина Г.Н. Процессы синтеза в культуре русских старожилов низовьев рек Индигирки и Колымы // Культурный синтез России: сборник статей / Науч. ред. В.А. Щученко. – СПб, 1998.

Красноштанов, Левашов 1997 – Красноштанов С.И., Левашов В.С. Русские народные лирические песни Сибири и Дальнего Востока // Русские лирические песни Сибири и Дальнего Востока / Сост. С.И. Красноштанов. – Новосибирск, 1997. С. 10–42.

Крашенинников 1948 – Крашенинников С. Описание земли Камчатки. – М., 1948.

Кретов 1973 – Кретов А.И. Диалектизмы в языке народных частушек // Материалы по русскому и славянскому языкознанию. – Воронеж, 1973. – С. 36–48.

Крисанова 1998 – Крисанова Н.В. Словник и частотный словарь белгородских песен // Фольклорная лексикография: Вып. 16. – Курск, 1998. – С. 37–64.

Кротов 1934 – Кротов М.Э. В просторах Индигирки. – Якутск, 1934.

Кузнецова 1979 – Кузнецова О.Д. Случаи лексикализации в говорах (слова с первой частью *вот-*) // Диалектная лексика 1977. – Л., 1979. – С. 62–71.

Кузьмина 1982 – Кузьмина Л.П. Фольклор старожильческого населения Русского Устья (К истории его собирания и изучения) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. – М., 1982. – С. 175–185.

Кузьмина, Немченко 1971 – Кузьмина Н.Б., Немченко Е.В. Синтаксис причастных форм в русских народных говорах. – М., 1971.

Кузьминых 1994 – Кузьминых В.И. Образ русского казака в фольклоре народов Северо-Восточной Сибири // Урало-Сибирское казачество в панораме веков. – Томск, 1994. – С. 32–39.

Лебедева 1969 – Лебедева А.А. К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта (XIX – нач. XX в.) // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. – М., 1969. – С. 104–188.

Лебедева 1973 – Лебедева А.А. Северные традиции в материальной культуре русских переселенцев в Забайкалье // Фольклор и этнография Русского Севера. – Л., 1973. – С. 86–105.

Лебедева 1975 – Лебедева А.А. Семья и семейный быт русских Забайкалья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири: Забайкалье. Ч.2. – Новосибирск, 1975. – С. 81–101.

Левашов 1990 – Левашов В.С. Собрание русской устной несказочной прозы Восточного Забайкалья. – Чита, 1990.

Леонова 1997 – Леонова Н.В. Музыкальная культура русских старожилов Сибири // Музыкальные традиции народов Сибири. – Новосибирск, 1997.

Лисин 1966 – Поет урлукский хор / Сост. Н. Лисин. – Чита, 1966.

Любимова, Голубкова 2000 – Любимова Г.В., Голубкова О.В. Почитание крестов и культ гор в религиозно-обрядовой практике забайкальских старообрядцев // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 2000. – С. 113–117.

Макаренко 1912 – Две сказки русского населения Енисейской губернии. Записаны А.А. Макаренко // Живая старина. – 1912. – II–IV. – С. 351–386.

Максимов 1871 – Максимов С.В. Сибирь и каторга. – СПб, 1871: В 3-х т.

Мартос 1827 – Мартос А. Письма о Восточной Сибири. – М., 1827.

Матвеева 1993 – Матвеева Р.П. Русские волшебные сказки Сибири: исследование региональной традиции. АДД. – Улан-Удэ, 1993.

Матвеева 2005 – Матвеева Р.П. Народно-поэтическое творчество старообрядцев Забайкалья (семейских). – Улан-Удэ, 2005.

Матвеева, Леонова 1993 – Матвеева Р.П., Леонова Т.Г. Русские сказки Сибири // Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: волшебные и о животных / Сост. Р.П. Матвеева, Т.Г. Леонова. – Новосибирск 1993. – С. 10–50.

Мельников, Болонев 1997a – Мельников М.Н., Болонев Ф.Ф. Русские календарно-обрядовые песни Сибири и Дальнего Востока // Русский семейно-обрядовый фольклора Сибири и Дальнего Востока / Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников, Н.В. Леонова. – Новосибирск, 1997. – С. 11–32.

Мельников, Болонев 1997b – Мельников М.Н., Болонев Ф.Ф. Русские заговоры Сибири и Дальнего Востока // Русский семейно-обрядовый фольклора Сибири и Дальнего Востока / Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников, Н.В. Леонова. – Новосибирск, 1997. – С. 245–272.

Миненок 2003 – Миненок Е.В. Музыкальный фольклор семейских: напев и текст // Живая старина. – 2003. – № 4. – С. 44–45.

Моргунова 1995 – Моргунова Н.И. Словник и частотный словарь курских песен // Фольклорная лексикография: Вып.3. – Курск, 1995. – С.14–48.

Набатчикова 1997 – Набатчикова Т.П. О статусе формы на *–ым* в былинном тексте // Исследования по лингвофольклористике: Вып. 1. – Курск, 1997. – С. 57–59.

Найканчина 1998 – Найканчина А.П. Эвенки Бурятии: проблемы возрождения языка и культуры // Возрождение традиционных культур народов Бурятии. – Улан-Удэ, 1998. – С. 101–103.

Науменко 1998 – Науменко Г.М. Этнография детства. – М., 1998.

ОПСЯ 2003 – Обрядовая поэзия саха (якутов) / Сост. Н.А. Алексеева, П.Е. Ефремова, В.В. Иларионова. – Новосибирск, 2003.

Обручев 1974 – Обручев С.В. По горам и тундрам Чукотки: Экспедиция 1934–1935 гг. – Магадан, 1974.

Осокин 1906 – Осокин Г.М. На границе Монголии: Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья. – СПб, 1906.

Оссовецкий 1958 – Оссовецкий И.А. Язык фольклора и диалект // Основные проблемы эпоса восточных славян. – М., 1958. – С. 172–190.

Открытия 1951 – Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов в XVII веке на северо-востоке Азии. – М., 1951.

Павлинская 1999 – Павлинская Л.Р. Коренные народы Байкальского региона и русские. Начало этнокультурного взаимодействия // Народы Сибири в составе государства Российского. СПб., 1999. С. 165–271.

Паллас 1778 – Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3, половина I. 1772 и 1773 годов. Перевел Василий Зуев. – СПб., 1778.

Петрова 1998 – Петрова Т.И. Словник и частотный словарь северных лирических песен // Фольклорная лексикография: Вып.11. – Курск, 1998. – С. 42–70.

Петрова 1999 – Петрова Е.В. Социокультурная адаптация семейских Забайкалья. Этносоциологический анализ. – Улан-Удэ, 1999.

Петрова 2005 – Петрова Е.В. Современное забайкальское старообрядчество. Этносоциологический анализ: Учебное пособие. – Улан-Удэ, 2005.

Полевой 1990 – Полевой Б.П. [Рец. на книгу А.Г. Чикачева «Русские на Индигирке»] // Книжное обозрение. 09.11.1990.

Попова 1926 – Предание о первой встрече бурят с семейскими в Забайкалье / Записано А.М. Поповой от А.Б. Наумова // Бурятоведческий сборник. – 1926. – № 1. – С. 77.

Попова 1928 – Попова А.М. Семейские (забайкальские старообрядцы) // Бурятиеведение. – 1928. – № 1–3 (5–7). – С. 105–138. То же: оттиск / БМНО им. Д. Банзарова. – Верхнеудинск, 1928.

Попова 1999 – Социокультурная адаптация семейских Забайкалья. – Улан-Удэ, 1999.

Потанина 1981 – Обрядовые песни русской свадьбы Сибири / Сост. Р.П. Потанина. – Новосибирск, 1981.

Потанина 1984 – Русская свадебная поэзия Сибири / Сост. Р.П. Потанина. – Новосибирск, 1984.

Потанина 1994 – Потанина Р.П. Украинские и белорусские традиции в свадьбе семейских // Русский фольклор и фольклористика Сибири: Тезисы докл. Всерос. науч. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения Л.Е. Элиасова. – Улан-Удэ, 1994. – С. 20–22.

Потебня 1865 – Потебня А.А. О звуковых особенностях русских наречий // Филологические записки. Вып. 2–3. – Воронеж, 1865.

Протасов 1926 – Протасов Н.П. Песни забайкальских старообрядцев. – Иркутск, 1926. То же // Сибирская живая старина. – 1926. – Вып. II (VI). – С. 217–230.

Протасов 1926 – Протасов Н.П. Песни забайкальских старообрядцев. – Иркутск, 1926.

Прыжов 1934 – Прыжов И.Г. Очерки, статьи, письма. – М., 1934.

РЮСФСДВ 1997 – Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока / Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников, Н.В. Леонова. – Новосибирск, 1997.

РЛНСДВ 1997 – Русские лирические песни Сибири и Дальнего Востока / Сост. С.И. Красноштанов. – Новосибирск, 1997.

Робинсон 1963 – Робинсон А.Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания: Исследования и тексты. – М., 1963.

Ровинский 1872 – Ровинский П.А. Этнографические исследования в Забайкальской области // Известия Сибирского отдела РГО. – 1872. – Т. 3. – № 3. – С. 120–133.

Ровинский 1873 – Ровинский П.А. Материалы для этнографии Забайкалья // Известия ВСОРГО. – 1873. – Т. 4. – № 2. – С. 99–101; №3. – С.113–132.

Розейзон 1996 – Ройзензон Л.И. О многоприставочных глаголах русского языка // Русский язык в школе. – 1966. – № 6. – С. 87–95.

Розен 1984 – Розен А.Е. Записки декабриста. – Иркутск, 1984.

РСОФСДВ 1997 – Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока / Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников, Н.В. Леонова. – Новосибирск, 1997.

РСПС 1979 – Русские свадебные песни Сибири / Сост. Р.П.Потанина. – Новосибирск, 1979.

РСС 1973 – Русские старожилы Сибири: историко-этнографический очерк / Отв. ред. В.В. Бунак, И.М. Золотарева. – М., 1973.

РССДВВЖ 1993 – Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: волшебные и о животных / Сост. Р.П. Матвеева, Т.Г. Леонова. – Новосибирск 1993.

РССДВЛБ 1993 – Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: легендарные и бытовые / Сост. Н.М. Соболева. – Новосибирск 1993.

Русская грамматика 1982 – Русская грамматика. – Т.1. – М., 1982.

Русская диалектология 1989 – Русская диалектология / Под ред. Л.Л. Касаткина. – М.: Просвещение, 1989. – 223 с.

Русские 2002 – Русские в Бурятии. – Улан-Удэ, 2002.

РФЛ – Русский фольклор в Латвии: Песни, обряды и детский фольклор / Сост. И.Д. Фридрих. – Рига, 1972.

Русское Устье 1986 – Фольклор Русского Устья / Отв. ред. С.Н. Азбелев, Ю.Н. Дьяконова. – Л., 1986.

Рызгенова, Чимбеев 2001 – Семейские Забайкалья: История и современность. Библиографический указатель литературы // Сост. О.Ж. Рызгенова, Н.Д. Чимбеев. – Улан-Удэ, 2001.

РЭПСДВ 1991 – Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Сост. Ю.И. Смирнов, Т.С. Шенталинская. – Новосибирск, 1991.

Селищев 1920 – Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. – Иркутск, 1920.

Селищев 1921 – Диалектологический очерк Сибири. – Иркутск, 1921.

Сенкевич 1973 – Сенкевич В.А. Исследование лексических и аффиксальных особенностей функционирования русского языка. – Челябинск, 1973.

Серебренников 1914 – Серебренников И.И. Инородцы Восточной Сибири, их состав и занятия. (Статистический очерк) // Известия ВСОРГО. – 1914. – Т. 43.

Серошевский 1896 – Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. Т. 1. – СПб., 1896.

Симина 1979 – Симина Г.Я. Структура производного слова в диалекте (К вопросу о связи словообразования и семантики) // Диалектная лексика 1977. Л., 1979. – С. 122 – 128.

Скворцов 1910 – Скворцов Е.Ф. Русские на Индигирке // Топографический и геодезический журнал. – 1910. – № 11.

Скворцов 1914 – Скворцов Е.Ф. Ленско-колымская экспедиция 1909 года // Известия Императорского русского географического общества. – 1914. – Т. 50. Вып. 7.

Скрыбыкина 1995 – Скрыбыкина Л.Н. Былины русского населения северо-востока Сибири. – Новосибирск, 1995.

Смирнов 1986а – Смирнов Ю.И. Былина "Садко" – как заклинание дурной погоды // Фольклор народов РСФСР. – Уфа, 1986. – С. 22–27.

Смирнов 1986б – Смирнов Ю.И. Эпика Полесья // Славянский и балканский фольклор. М., 1986. – С. 243–285.

Смирнов 1991 – Смирнов Ю.И. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока // Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1991. – С.9–48.

Смирнов 1997 – Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 15 / Сост. Ю.И. Смирнов. – Новосибирск, 1997.

Смирнов 1991б – Смирнов Ю.И. Русский фольклор и иные фольклорные традиции // Русский фольклор в иноэтнической среде. Изучение и собирание: Тезисы научн. конф. М., 1991. – С. 21–25.

Соболева 1981 – Соболева Н.В. Сатирические сказки русского населения Сибири // Русские народные сатирические сказки Сибири / Сост. Н.В. Соболева. – Новосибирск, 1981. – С. 5–41.

Соболева 1984 – Соболева Н.В. Типология и локальная специфика русских сатирических сказок Сибири. – Новосибирск, 1984.

Соболева 1985 – Соболева Н.В. К характеристике сюжетного состава русских сказок низовьев р. Индигирки // Локальные особенности русского фольклора Сибири. – Новосибирск, 1985. – С. 55–62.

Соболева, Каргаполов 1993 – Соболева Н.В., Каргаполов Н.А. Художественный мир русской народной новелистики // Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: легендарные и бытовые / Сост. Н.М. Соболева. – Новосибирск, 1993. – С. 10–35.

Соболевский 1905 – Заметки о северных говорах. // РФВ. – 1905. – Т. 54.

Соктоев 1998 – Соктоев А.Б. Фольклорные контакты русского старожильческого населения и коренных народов Сибири // Славянские литературы. Культура и фольклор славянских народов: XII Международный съезд славистов (Краков, 1998): Доклады российской делегации. – М., 1998. – С. 455–464.

Сороколетов 1976 – Сороколетов Ф.П. Народные песни как источник диалектных словарей // Диалектная лексика 1974. – Л., 1976. – С. 5–12.

Сороколетов 1979 – Сороколетов Ф.П. Диалектная лексика в языке народных песен (на материале песен Дмитровского уезда Орловской губернии, собранных В.Н. Добровольским) // Диалектная лексика 1977. – Л., 1979. – С. 54–61.

Соссюр 1977 – Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Пер. с фр. яз.; Под ред. А.А. Холодовича. – М., 1977..

СПЗКВ 1916 – Сборник песен Забайкальского казачьего войска. – Чита, 1916.

Старый фольклор 1939 – Гуревич А.В., Элиасов Э.Е. Старый русский фольклор Прибайкалья. – Улан-Удэ, 1939.

Степанова 2002 – Степанова И.А. Исторические песни XVIII в.: Словник и частотный словарь. – Курск, 2002.

Супряга 1997 – Супряга С.В. Словник и частотный словарь русских лирических песен в Латвии // Фольклорная лексикография: Вып. 9. – Курск, 1997. – С. 22–52.

Супряга 1999 – Супряга С.В. Своеобразие лексики русских лирических песен, записанных на территории Латвии // Лингвофольклористика I: Сб. научн. статей. – Курск, 1999. – С. 52–57.

Супряга 2001 – Супряга С.В. Устойчивость лексики русской народной лирической песни к иноэтническому влиянию. – Курск, 2001.

Талько-Грынцевич 1898 – Талько-Грынцевич Ю.Д. К антропологии великороссов. Семейские (старообрядцы забайкальские). – Томск, 1898.

Талько-Грынцевич 2000 – Талько-Грынцевич Ю.Д. Сибирские страницы жизни. / Пер с пол. Н. Эйльбарт. – Чита, 2000.

Тихонова 2001 – Тихонова Н.Л. Предания старообрядцев (семейских) Забайкалья о заселении края // Старообрядчество: История и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. 26–27 июня 2001 г., г. Улан-Удэ. – Улан-Удэ, 2001. – С. 179–184.

Тришина 1966 – Тришина Л.А. Заметки о двуприставочных глаголах русского языка // Вопросы языка и литературы: Тематический сборник. – Вып. 1. – Ч. 1. – Новосибирск, 1966. – С. 15–18.

Тынтуева 1973 – Тынтуева Е.И. Влияние бурятского языка на говор «семейских» Забайкалья (на материале говора сел «семейских» старообрядцев Бурятской АССР) // Принципы и методы лексико-грамматических исследований: Науч. докл. II межкафедр. семинара аспирантов-языковедов (8–9 окт. 1973 г.). – Л., 1973. – С. 51–55.

Тынтуева 1992 – Тынтуева Е.И. Русско-бурятские языковые связи (на материале семейских говоров) // «Банзаровские чтения», посвящ. 170-летию со дня рождения Доржи Банзарова. – Улан-Удэ, 1992. – С. 143–144.

Тынтуева 1997 – Тынтуева Е.И. Иноязычные тюркские элементы в говоре «семейских» старообрядцев Забайкалья, относящиеся к лексике одежды // Интегративные связи филологии. – Улан-Удэ, 1997. – С. 45–55.

Уварова 2005 – Уварова Т.Б. Нерчинские эвенки в XVIII–XX веках. – М., 2005.

Укыр 2001 – Песни семейских Укыра / Сост. В.Л. Кляус. – М., 2001 (Аудио CD).

Урлук 1992 – Традиционный фольклор семейских Забайкалья: Песни села Урлук Красночикойского р-на Читинской области – А/О «Русский диск», 1992. R20 01215/16 (Виниловая пластинка).

ФД 2000 – Фольклор долган. Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока / Сост. И.В. Ефремов, Н.Н. Алексеева. – Новосибирск, 2000.

Фольклор 1963 – Фольклор семейских / Сост. Л.Е. Элиасов, И.З. Ярневский. – Улан-Удэ, 1963.

ФРЯЯ 1994 – Фольклор русского населения Якутии (русские песни Ленского тракта) / Сост. О.Н. Чарина. – Якутск, 1994.

Халанский 1904 – Халанский М.Г. Народные говоры Курской губернии. Саяны: Сборник ОРЯС АН. – Т. 76. – № 5. – СПб, 1904.

Хороводные 1985 – Хороводные и игровые песни Сибири / Сост. Ф.Ф. Болонев, К.П. Мельников. Новосибирск, 1985.

Хроленко 1975 – Хроленко А.Т. Ассоциативные сочетания в русском языке // Русский язык в школе. – 1975. – № 6. – С. 79–81.

Хроленко 2006 – Хроленко А.Т. Программа NEWSLOV для технологии контрастивной лексикографии // Проблемы компьютерной лингвистики: Сб. науч. трудов / Под. ред. А.С. Еретова. – Вып. 2. – Воронеж, 2005.– С. 199–207.

Худяков 1964 – Великорусские сказки в записях И.А. Худякова / Изд. подг. В.Г. Базанов и О.Б. Алексеева. – Л., 1964.

Худяков 1969 – Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. – Л., 1969.

Цыбиков 1981 – Цыбиков Г.Ц. Избранные труды: В 2-х т. – Новосибирск, 1981.

Чарина 1994 – Чарина О.И. Введение // Фольклор русского населения Якутии (русские песни Ленского тракта) / Сост. О.И. Чарина. – Якутск, 1994. – С. 3–12.

Чарина 2005 – Чарина О.И. Перспективы и задачи исследования русского фольклора Якутии // Наука и образование. – № 3. – 2005. – С. 26–30.

Чеканинский 1914 – Чеканинский И. Материалы по народной медицине Енисейской губ. // Сибирский архив. – 1914.– № 6. – С. 267–282.

Чикачев 1986 – Чикачев А.Г. К истории русского населения по р. Индигирке // Фольклор Русского Устья. – Л., 1986. – С. 363–369.

Чикачев 1990 – Чикачев А.Г. Русские на Индигирке. Историко-этнографический очерк. – Новосибирск, 1990.

Чикачев 2005 – Чикачев А.Г. Диалектный словарь Русского Устья / А. Г. Чикачев; Отв. ред. А.Е. Аникин. – Новосибирск, 2005.

Чикачев, Зуборенко 1996 – Русское Устье и Походск – старинные русские заполярные села: Библиогр. указ. / Сост. А.Г. Чикачев, О.И. Зуборенко. – Якутск, 1996.

Чистов 1967 – Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. – М., 1967.

Чистов 2005 – Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиция: Сб. ст. / К.В. Чистов. – М., 2005.

Шапиро 1953 – Шапиро А.Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. – М., 1953.

Шастина 1985 – Шастина Е.И. У чистых родников // Русские сказки Восточной Сибири. – Иркутск, 1985.

Шашков 2004 – Шашков А.Т. Из истории сибирской ссылки протопопа Аввакум // Старообрядчество в России (XVII–XX века). Вып. 3. – М., 2004. – С. 43–74.

Шейкин 2002 – Шейкин Ю.И. История музыкальной культуры народов Сибири. – М., 2002.

Шейкин 2003 – Шейкин Ю.И. Обрядовое интонирование саха: алгыс и осуохай // Обрядовая поэзия саха (якутов) / Сост. Н.А. Алексеева, П.Е. Ефремова, В.В. Иларионова. – Новосибирск, 2003. – С. 58–112.

Шенталинская 1995 – Шенталинская Т.С. Андыльщина – местный песенный жанр русских колымчан // Сохранение и возрождение фольклорных традиций: Сб. науч. тр. Вып. 6. Русский фольклор в инокультурном окружении. – М., 1995. – С. 140–151.

Шенталинская 1996 – Шенталинская Т.С. Андыльщина (жанр-эндемик) // Экспедиционные открытия последних лет: Народная музыка, словесность, обряды в записях 1970-х – 1990-х годов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – С. 97–115.

Шишкова 1998 – Шишкова Н.Э. Словник свадебных песен // Фольклорная лексикография. Вып. 12. – Курск, 1998. – С. 21–36.

Шуб 1949 – Шуб Т.А. Старожилое русское население низовьев р. Индигирки // Труды второго Всесоюзного географического съезда. – М., 1949. – Т. 3.

Шуб 1958 – Шуб Т.А. Исторические песни Русского Устья // Русский фольклор: Материалы и исследования. – Т. 3. – Л., 1958.

Щавелев 2002 – Щавелев С.П. Судьбы исторических древностей Южной России и их место в ее провинциальной культуре XVII–XX веков: (По материалам археолого-этнографического изучения Курского края): Автореф. ... д-ра ист. наук. – Курск, 2002.

Щапов 1872 – Щапов А.П. Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении // Известия Сибирского отдела РГО. – 1872. – № 4.

Щуров 1979 – Щуров В.М. Песни семейских Забайкалья // Русские народные песни в многоголосной записи. – М., 1979. – С. 103–221.

Экспедиции 2003 – По следам экспедиции. Вып. 1, 2. – Чита, 2003.

Экспедиция Беринга 1941 – Экспедиция Беринга: Сб. документов // Подг. А. Покровский. – М., 1941.

Элиасов 1969 – Элиасов Л.Е. Народная поэзия семейских. – Улан-Удэ, 1969.

Элиасов 1980 – Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. – М., 1980.

Эрдынеева 1986 – Эрдынеева Э.Д. Диалектная речь русских старожилов Бурятии. – Новосибирск, 1986.

Эрдынеева 1992 – Эрдынеева Э.Д. Русские говоры в Бурятии (лексикологический и социолингвистический аспекты. – Улан-Удэ, 1992.

Юмсунова 1988 – Юмсунова Т.Б. Лексические контакты семейских говоров с бурятским языком и старожильческими русскими говорами (на материале названий диких животных) // Развитие и взаимодействие диалектов Прибайкалья. – Улан-Удэ, 1988. – С. 108–121.

Юмсунова 1992 – Юмсунова Т.Б. Лексика говора старообрядцев (семейских) Забайкалья. – Новосибирск, 1992.

Юмсунова 1997 – Юмсунова Т.Б. Лексика свадебного обряда в говорах старообрядцев (семейских) Забайкалья // Материалы междунар. съезда славистов в Красноярске. Т.1. – Красноярск, 1997. – С. 128–130.

Юмсунова 2001 – Юмсунова Т.Б. Системные отношения в диалектной лексике русских старообрядческих говоров Забайкалья // Старообрядчество: История и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. 26–27 июня 2001 г., г. Улан-Удэ. – Улан-Удэ, 2001. – С. 220–226.

Юмсунова 2005 – Юмсунова Т.Б. Язык семейских – старообрядцев Забайкалья. – М., 2005.

ЯНП 1997 – Якутские народные песни / Сост. Г.У. Эргис, Н.М. Алексеев, Н.В. Емельянов, С.П. Ойунская: В 2-х кн. – Якутск, 1997.

Krasovitsy, Sappok 2000 – Krasovitsy A., Sappok Ch. The Isolated Russak Dialectad Sysstem in Contact with Tungus Languages in Siberia and the Far Est // Languages and Contact / Eds D.G. Gilbers, J. Nerbonne, J. Schaeken (Studies in Slavic and Gebmeral Linguistics, Vol 28). – Amsterdam-Atlanta, 2000. – P. 199–207.

Приложение

ПЕСНИ РУССКОУСТЬИНЦЕВ

Календарно-обрядовые песни

1
Виноградье красно-зелено,
Да мы золоту гребню возьмем,
На вине пропьем.
Виноградье красно-зеленос.
Да мы золот-перстень возьмем,
Да на вине пропьем.
Виноградье красно-зеленое.
Да у нас губки щербеты,
Пирожки исти хотят,
Виноградье красно зеленое.
Да у нас ножки зябнут,
В печечку войти хотят,
Виноградье красно зеленое.
Да ты позволь, хозяйка,
В свою спаленку выйти,
Виноградье красно зеленое.
Да как хозяйка на дому,
Да оладьи на меду,
Виноградье красно зеленое.
Да как хозяин на дому,
Да Адам во ему,
Виноградье красно зеленое.

Свадебные песни

2
Перед тем, как идти в церковь, свою дочь тогда благословляют отец и мать и поют:

Что не стук стучал у терема,
Что не гром гремел у высоки,
Благословляется дочь у батюшки:
– Благослови меня, родной батюшка,
Со суженым по злат венец.

Что не стук стучал у терема,
Что не гром гремел у высоки,
Благословляется дочь у матушки:
– Благослови меня, родная матушка,
Со суженым по злат венец.

Перед тем, как идти в церковь, благословляют отец и мать своего сына и поют ту же самую песню. Когда снаряжала мать своего сына, чтобы идти под венец, пели: «Его матушка снаряжала...»

3
Со навечеру порошка шла,
Со полуночи погодушка мела,
Что ни ласточка тропи поранила,
Не коса та дороженьке шла,
Что не белый горностай проскакал,
Проскакал он трое дубовы сады,
Четвертые решетчатые.
Во этих ти во садочках,
Лежаночка лежит.
Во лежаночке Иванушко лежит.
Под Иванушком пеганый конь бежит.
На гору конь разбегается,
О сырой дуб ушибается,
О калину расшибается,
Иванушко улыбается.
На колени соловей птица сидит,
Сладку ягоду клюет,
Смородиной призакусоват.
Прилетели соловью соколы,
Посадили соловья у шебя,
Они клеточку шеребряную,
Во нашесточку золоченую.
Заставляли соловья они песни петь.
Ох, ты, пой, наш соловей, воспевай,
Утешай ти красну девицу душу,
При кручине удалого молодца.
Еще нету здесь такого молодца
Как Кирила Алексеевича.
Он гривеньку на гривеньку ступат,
По пяти рублей он вощуречком кидат,
Он полтиною ворота открыват.

Колыбельные песни

4
Баю, баю, мое дитятко,
Баю, баю, сердешная,
Нажила я шибе мужа-дурака,
Дурак станет, не помоется,
Дурак богу не помолится,
Добрым людям не поклонится.
Я сама, сама, сама
Попа призвала,
За крещенье полтора рубля дала,
За молитву пятьдесят алтын.

Баллады

5

Соловей кукушечку уговаривал,
Полетим, кукушечка, в Казань-городок,
Мы совьем, кукушечка, теплое гнездечко,
Выведем из гнездичка малых детушек,
Тибе каковеночку, мне соловья.
Полетим, кокушечко, в Казань-городок,
Казань-городочек на Крыме стоит,
Казанская реченька медом протекла,
Мелкий ручеёчок сладкой водочкой,
По бережку камешку разноцветные.
Она к нему отвечает:
Врешь, врешь, ты, мальчишка,
Врешь, обманываешь.
Сама красна девица в Казани была \ 2 раза
Казань видела.
Казань-городочек на костях стоит,
Казанская реченька кровью протекла. \ 2 раза
Мелкий ручеёчек с гораями слезьми.
По бережку камушки – буйны головы.
Буйные головы молодецкие.
Молодецкие головы, со солдатские.

6

Выше стоку жить на швете
От любови отставать.
Жалко стало любовушку
Дочь от матери отъехала
Шреди леса становилаша,
Сама с матерью не проштилася.
Мати сыну рассказала
«Разреши свою родную шестричку»
«Ох ти, маменька, моя родимая,
Я не пойду, я не пойду никогда!»
Убежала она с тразбойниками.

7

На курганчике огонек горыт,
Покрай этого удал добрый молодец лежит,
Пригревает свои раночки кровяные, и серцу притяжолые
Часты мелкие раночки були каленой стрелы.
Широкие глубокие були копья вострова…
В головах-ти у нево сабля вострая лежит,
В ногах ти у нево лошадь добрая стоит.
«Ох ти, лошадь, моя лошадь,
Ти сбеги с поля домой,
Расскажи ти, мил конь, моей любезной,

Расскажи сердешно про меня.
Ти скажи: не жди, милая,
Я женился на другой.
Мать сыра земля венчала с милой нас,
Востра сабля була сваха – угощала с милой нас.

8

Ви поля, мои поля пришировкие,
Как на вас на полях нихто не раштет,
Как раштет на полях только один вербовый куст.
Как под этим под кустиком солдат битой лежит.
На груди-че у нево красно орден ево.
Во ногах ти у нево лошадь добрая стоит.
«Ох ти, лошадь, моя лошадь,
Ти сломи, подломи столб дубовый,
Ты сорви, подорви повод шелковый,
Ты сбеги с поля на Русь,
Расскажи ти конь любезный,
Расскажи сердешно про меня.
Ти скажи: ти не жди, моя милая,
Я женился на другой.
Мать сира земля венчала, венчала хорошо.
Востра сабля была сваха – угошала с милой нас».

9

Как большея сестра
Коней с поля гнала,
Еще средняя сестра
Коня обседлала.
А меньшая сестра коня обуздала.
У стремячка стоит
Молода его жена,
На правой руке она держит
Чадо милого.
Родна матушка-то
Слезьми плачет и говорит:
– Уж мой родной дитятко, когда
Буду на возвратный ожидать?
– Ожидай ты меня, родна матушка,
Когда разольется мать Волга-река
На круты берега.
Когда выпловет из Волги-реки
Сер горучий камешек.
Когда на этом камушке
Совьет сокол гнездышко,
Когда выкормит малых детушек,
Когда выпустит из тепла гнезда.

10
Яхали солдаты
Со службы домой,
На куражках ленды,
На грудях банды.
Едут по дорожке –
Навстречу очес.
«Здравствуй, папаша!»
«Здорово, сынок!»
«Расскажи, папаша,
Про семью мою».
«Славу да богу,
Семья прибавилась.
Молодая жена
Сына родила.
Сына вородивши,
Сама чуть жива».
Сын-то отцу ни слова
И садится на коня.
Подъезжает к дому –
Сидит мать, жена.
Мать держит малютку,
Женка во слезах.
Сына просит мати:
«Сын, прости жену!»
Он сказал так:
«Мать, тебя прощаю,
Женку никогда».
Закипело сердце
В солдатской грудё,
Заблестела сабля
Во правой руке.
И снимаю головку
С неверной жены.
«Ой, ты боже, боже,
Что я нарушил,
Жену я порезал,
Сам себя погубил.
И малого малютку
На веки сиротил.

11
Один враг лукавый
Шмеется надо мной.
Бог ево накажет
Несчастною судьбой.
Несчастною судьбою,
Ревнивою женою.
Шяду под окошечко,
Стану вешти ждать.

Прилетает пишемочко нерадостное,
Будто мой-от миленькой
На поле убит.
Убитый, застрелённый, среди поля лежит.
Обернусь я пташечкой, к нему полечу,
Я к нему долечу – коски схороню.
Вокруг ее могилы поставлю монастырь,
В монастырь войду, богу помолюсь,
Богу помолюся – ево я вспомяну.

12
Скажи, моя маминька,
В кого влюблена?
Я онного любила
Вше шерцу придала.
Один стервец коварной
Шмеялся надо мной.
Говурит, что бог накажет
Несчастную судьбой.
Раслусную с женой.
Мой миленький уяхал,
Уяхал на войну.
Я шяла под окошечко,
Весточку сдала.
Прилетат пишемочко нерадостное.
Ну, вот тут-то мой от миленькой
На поле убит.
Под ракит кусточком
На коврах лежит.
Петроней покрыт.
Ну, обернусь я пташечкой,
К нему я полечу.
Коски разыщу,
Земельку схороню.
Вокруг иэ могилу
Поставлю монастыр.
Шо моя красна девишка
В монастырь войду,
Богу помолюша
И иэ вспомяну.

13
Девченочка плачат
Над быстрой рекой.
Зачем, Маня, плачешь?
Зачем слезы льешь?
Как не буду я плакать?
Цыганка шельмовка
Смеялась надо мной.
Смеялась, качала головой.

Качала, сказала:
«Потонешь, мила,
Потонешь, милая,
В день свадьбы своей».
«Не верь, моя милая,
Цыганочка врет.
Поедем венчаться
Я устрою мост,
Чугунной, предлинной
На тысячу верст.
Вперед пошлю коней гриста,
По сто по бокам.
Устроил он мос,
Пояхали венчаться.
Вперед послал коней триста,
По сту по бокам.
Вешь как повод тронул,
И пошли кони в ряд.
Чугунные плиты
Стучат и бренчат.
Невестин конь потнулся,
Потнулся и упал.
Жених оглянулся –
Невесты уж нет.
«Подайте мне гитару,
Я играть буду.
Первый раз сыграю,
Вешь свой повод свешелю.
Второй раз сыграю,
Я невесту вшпомяну.
Трэчий раз сыграю,
Я за ней же потону.

14
Девчоночка плачет над бистрой рекой.
«О чем, девчонка, плачешь?
О чем ты слезы льешь?»
«Ну как мне не плакать,
Как слезы не лить?
Цыганка шельмовка
Смеялась надо мной:
Смеялась, шучела,
Качала головой:
«Потонешь, девчонка,
В денек свадьбы своей».
«Нет, не верь, милая,
Цыганочка врэт.
Поедем венчаться –
Я сделаю мос,
Чугунный мос, придлинной

На тысячу верст.
Перет пошлю я
Коней триста,
И по сто по бокам.
Раз как коня тронул,
Пошли вше кони в рад.
Невестин конь потнулся,
Потнулся, упал.
Чугунные плича
Стучат и грэмят.
Жених оглянулся –
Невестушки нет.
«Ну, дайте мне гитару,
Звончату мою.
Первая раз заграю,
Вшю добро уж свешелю.
Хторой раз заграю,
И из вспомяну.
Трэчий раз заграю,
Я сам за ней пойду.

15
Девчоночка плачет
Над быстрой рекой.
– О чем, девчонка, плачешь,
О чем слезы льешь?
Чего ж-ка мне не плакать,
Чего же слезы не лить
Цыганка-сельмовка
Смеялась надо мной.
Смеялась-убивалась,
Качала головой:
– Потонешь, девчонка,
В день свадьбы своей.
– Не верь, не верь, девчонка,
Цыганочка врет.
Поедем венчаться,
Я сделаю мост.
Чугунный мост предлинный
На тысячу верст.
Вперед я пошлю коней двести,
По сто по бокам.
Как я в поле трону,
Пошли кони враз.
Чугунные плиты
Стучат и гремят.
Жених оглянулся, /
Невестушки нет. / 2 раза
Дайте мне гитару
Звончату мою.

Как я раз удару,
Всех я взвеселю.
Второй раз удару,
Ее спомяну.
Третий раз удару,
Сам за ней пойду.
Девчоночка плачет
Над быстрой рекой.
– О чем, девчонка, плачешь,
О чем слезы льешь?

Исторические песни

16
Поляк начал бунтовать
Во прошедши годы.
Чепер начал скитаться.
Пошел враг из моды.

Слава трубой,
Мы дрались, поляк, с тобой,
По горам твоим Болгарским
Раздалась слава об нас.

Мы под Польшею стояли
Трое сутки без воды,
Мы под Польшею ожидали
Поляковские орды.

Как штыки че омочили
В неприятельской крови.
Течет речка не весною,
Кровью, не водою.

У нас були стычки
С польскою ордою.
Между польскими устами
Мы орла белого поставили.
Станем жить-поживать,
Мы умеем воевать.

Лирические песни

17
Омувались тры девчонки холонной водой
Обтирались тры девчонки тонким белым полотном.
Тут спроговорэт из них онна бладенька:
«Не видать-то мине, девчонке день прекрасной, майской, дорогой,
Шихий ветер с полуночки с под восточной дальной стороны.
Ти побрызгай крупинь дожик, промочи ти гражь земли.
Вше лебедушки с порами, только я без поры,
Все вспорхнули, улетели, я осталося онна,

Кругла, горка широта.
Ти раскройся, гробова тонка доска,
Ти восстань ронна матушка моя.
Со мной реченьку промолви, свой прекрасный разговор».

18
Не нажиться нам с тобой,
Не нажиться, век расстаться,
Нам с любовушкой своей.
Сама девица парню сказала,
Не гонись, мальчик, за мной.
Будешь гнаться и гониться,
Потеряешь свой спокой.
Чем же ноченка не спится,
Сама знаю почему.
Омывались три красотки
Холодной ключевой водой.
Обтирались три красотки
Шелковой разной травой.
Они вышли на песочек,
На желтенький на крутой.
Ах ты день мой денечек,
День прекрасный, дорогой.
Стихни ветер с полуночи
Со восточной стороны.
Ты побрызгай крупный дождик,
Граз болоту промочи.
Ты раскройся, раскройся,
Гробова тонка доска,
Распахнися, распахнися
Тонка бело полотно,
Ох, ты стань, пробудися,
Родная матушка моя.
Проговори мне словечко,
Твой прекрасный разговор.
Я осталась сиротой,
Горько плачу здесь одна.

19
Эх, когда начинал с тобой гулять,
Когда ходил к тебе веселый,
На мечта любил тебя.
Иду вдоль деревни тихо,
Кругом начиналась тишина.
Я с ее поравнялся,
Она сидела у окна.
Она сидит и горко плачет:
– Пусти, мамаша, погулять,
Пришол мой милый на свиданье,
Надо его мне увидать.

Вдруг слышу – скрипнула калитка,
Виходит милая моя.
– Что же, милка, не весела,
Праву ручку мне даешь?
– Что же, милый, веселиться,
Когда кончаешь ти гулять.
В тиши ночной, тиши глубокой,
Перед весенный луной,
Прощался мальчик чернобровый
Приличный, милый, дорогой.
– Позволь, позволь уж, дорогая,
Последний раз поцаловать.
Последний раз тебя цалую
В твои приличные уста.
Быть может скоро не вернуся,
На войне убьют меня.

20
Дело сделалось, слуштилось,
Пусть волной меня несет.
Туда сюда берег известной,
Где-то миленькой живет.
Боже, боже, царь небесной,
Выбрось на берег волной,
Через чебя, дружок сердешной,
Лишилась маменьки, отца.

21
Возвишилась луна
С неба голубого.
Кончил, кончил дальний путь,
Край вижу родимой.
Он приближился домой,
К своему строенью.
Он спускается с коня,
Идет во шветлицу.
От приятна, крепка сна
Он будит девицу.
– Встань ты, ханочка моя,
От сна пробудися!
Поцалуй мои уста,
Ты к груди прижмися!
– Долго, долго я ждала,
Много слез пролила,
Я страдала скукой,
С горести разлукой.
Предала себя другому
Клятвой, рукам волю.
– Бог с тобой, – сказал
Молодец удалой.

Возвращается назадь
Коню усталому:
– Ох ти, спутник, верный мой,
Нет тебе травы, ронной,
А мине-ка милой.

22
Что ж ты, пташка, приуныла,
Не слыхать твой голосок?
Злой Владимир поставил клетку
Для погибели моей.
Чем мне в клеточку попасти,
Лучше в поле полететь.
Не хотела залетела,
Притвор хлопнул у дверей.

23
Шел бы парень ко девчине,
Не знает, где живет.
Что я попрошу,
Я своего товарища.
Пусть он меня доведет.
Мой товарищ лучше меня, краше,
Он девчонку отобьет.
Ой да у товарищного дома
Стоит лошадь ворона
У точеного столба,
Да у золоченого крыльца.
Светел месяц, бела заря
У Ариши во двора.

24
У зори у зореньки,
У зори у зореньки
Много ясных звезд,
А что у темной ноченьки
К нима счету нет.
Заря занималася,
Пламенью горит,
Кто-то сердцу бедному
Много говорит.
Говорит о радости
Во прошедших дней,
Говорит о горести,
Чтобы прослыхать.
Одна как звездочка
С неба сорвалась.
Все катилась звездочка,
В ясность унеслась.
Кто бы мог бы эту звездочку

Снова возвратить,
Кто бы мог бы милую
Мою заменить.
Не забудь любезную
До скончанья век.

25
Разлилась Волга широко,
Теперь милый мой далёко.
Вот ветерочек и парус гонит,
От разлуки ну сердце стонет.
Да обещались мы оба
Сохранить любовь до гроба.
Обещанье не забыли,
Злые люди нас разлучили.
Мне казалось, что ты смеешься,
Ты не на веки расстаешься.
Ой, на прощальный вечерочек
Я дарю тебе платочек.
На платочке да синее коймы,
Возьмешь в руки, меня вспомянешь.
До свиданья и милой скажет,
Ой на сердце камень ляжет.
До свиданья, до свиданья,
Не забыть мне страданье.
До свиданья а милой скажет,
Ой на сердце ну камень ляжет.

26
Как сидела Мария Ивановна
В конес камешке, на дресьве,
Любовалсь, красовалась
Вшей дубровой зеленой.
Тут смотрела Ивановна
Вдоль по Яхант по реке,
Долго врэмо мой служивенькой не бувал,
Как, наверно, чибя военинькой начальничёк задержал.

Семейно-бытовые песни

27
Бывал я в доме пребогатом,
Не знал я как часы летят,
Бывало, в доме приубранна,
Со периною кровать.
Стояло в пивочках варенньё,
Без сладкой водки пить не мог.
Теперь я, бедный, как бедняжка,
Между крестьянами живу.
Между крестьянами живу

И на заслоночке засну.
Дают мне похлебку сдурную,
И за усами ём трещит.

28
Где там речка протекла
По желтому лужку,
Как над этой, над реченькой
Старичок на бережке.
– Ти зачем, старик, потухшя слезно,
Разве швет чибе не мил?
– Сын мой в младости скончался,
Он оставил свой долгий век.
Ш печерыми я остался
Разделить горе свое.

29
Что ты зажурился, без доли родился,
Отец, мати померли, он вед не женился.
Молодой-то мальчик, как от той печали
Горилку напился, пошел в чисто поле,
Пошел в чисто поле искать шибе долю.
Не нашел-то долю, нашел рыболовцу.
– Закидайте щетку через быстру речку,
Промышляйте долю казаку младому.
Закидают-то щетку через быстру речку,
Промышляют-ту долю казаку младому.
Рыболовцы ловят рыбу удалы молодцы,
Рыба-щука играет, глазами моргает.

Каждая строка поется два раза.

30
Вот за реченька слободушка стоит,
У слободушки молода вдова живет,
У вдовушки дочь хорошая росла.
Уродилась вот такая красота.
В лице красоту не можно обсказать,
По примеречку не можно описать.
Лицо бело, щечки – аленький цветок,
Черны брови, развеселые глаза.
Будет милый во кампании ходить,
Будет милый пусты речи говорить,
Пусты речи, все несностные слова,
И так про меня худа славушка пошла.
Ветер дует, лес-от клонит от меня,
На меня, на бедну горьку сироту.

Плясовые и игровые песни

31
Что за горницею за поварницею
Станем гусельцы играть,
Начнем речь говуреть.
Говурит красна девица
Со удалым молодцом:
«Ах, душечка, молодчик,
Разудала голова,
Не шучи, друг, со мною,
Будто брат с сестрою.
Я украдуся у батюшки
Гулять с тобою.
Я во занний, во огород,
Во чужой огород.
Про нас люди говурят,
Разлучить с тобой хотят.
А где було кататься
С горы под с горы.
Долго рука во двору.
Узку ножку наколола,
Пальчик выставила.
Уж кого верно любила –
Того высмотрела.
Полюбила молодца –
Един сын у отца.
Он при корточке стоит
Приободриться говурит.
Ухватил кирпичу,
Меня ударил по плечу.
От тово мое плечо
Разгорелось горячо,
Разгорелось, разболелось.

32
Молодой монашенько
По тропиночке идет,
Ножку на ножку
Он подбрасывает.
Я ударил кирпичой,
Попал правое плечо,
Разгорелось горячо
Мое правое плечо.

33
Добро шепотко[1] серденьской[2]
Сын по улицу гуляет.
Ни назад, ни перед не оглядывается.
Супротив мило окошек останавливатся:

«Здравствуй, Машенька мила,
Думал, маменька твоя».
«Нет ни тяти, нет ни мамы,
Дома нету никого».
Залезал сердень в окно,
Сердень ручку протянул –
Им та плетью отстегнул.
«Не серденьска ваша честь
По ночам в окошко лезть».

[1]*Шепотко* – красивый.
[2]*Серденьской* – сержантский от сердень (сержант).

34
По мосту-мосточку
По калиному мосточку, по малиному
Тут и шел, прошел детинушка молоденькой,
Молоденькой, приуборненькой.
Не нем гелевый кафтанец, свалки дуются,
Свалки дуются, раздуваются.
Мошколиновая рубашоночка алеется.
Как на шейке-то платок, будто аленький цветок,
В кармане-то другой, галянский голубой,
В правой-то руке строcточка камешевая,
Молодец строcткой подпирается,
Сам похвидовой лентой похваляется,
– Ах ты, ленточка ала, мне сударушка дала,
Дала, дала сударушка, пожаловала.
Пустила сухоту по моему животу,
Рассыпала печаль по моим ясным по очам.
Призаставила злодейка пешеходом ходить,
Пешеходом ходить, ручки пазушке носить.
По чужой стороне, по иной слободе,
Не воркуй, не воркуй, мой сизый голубок,
Не садись, не садись на окошечко,
Не кричи, не кричи жалобнешенько,
И так мое сердечко надсялосё,
Надсялосё, надорвалосё.
Хорошая жена мужа высушила,
Мужа высушила, из карманица денежку повытащила,
Из базару товару повыкупила,
Шила юбку парчеву, телогрейку голеву,
Заставила злодейка пешеходом ходить,
Пешеходом ходить, бело рученьки за пазушкой носить.

35
Ой, по мосту, по калиному,
По калиному мосточку, по малиному,
Тут и шел прошел детинушка молоденькой,
Молоденькой, приговорненькой,
На нем голевый кафтан,
Сполки дуются, раздуваются.
Меж калчнова рубашечка белеется,
Как на шейке-то платок
Будто аленький цветок,
В кармане-то другой, тальянский голубой,
Во правой руке строcточка камешивая[1].
Молодец с ружьем подпирается,
Алой лентой похваляется,
Ах, ленточка, хвала,
Мне сударушка дала,
Дала-дала сударушка, их пожаловала,
Пустила сухоту по моему животу,
Рассыпала печаль по моим ясным очам.

[1]*Камешивая* – камышовая.

36
Разливалась мать Камышенка река
На крутые берега.
Потопляла вше зеленые луга.
Тут ходила красна девка по лугам,
Потерала трое золоты ключи.
Со тема були перстенями серебряными,
Со другими подзолоченными.
Тут сидела красна девка у окна,
Сидела, приговаривала:
– Ужо кто бы мои ключики нашел,
За тово бы и замуж пошла,
Хоть за младово, хоть за старово старика.
Вдруг по уличке метелочка метет,
За метелочкой старик старый идет.
Старик с тросточкой помахивает,
Золотьми ключьми позвякивает:
– Викупайте трои золоты ключи!
Уж чьи-то я-то ключики нашел:
Она и отвечает:
– Пропадайте, трои золото ключи,
Не пойду я за такого за старого старика.

37
Стой, Гаврюша, на робей,
Стой на улице большой,
Праздничек дождися.
Если праздничок дождешься,

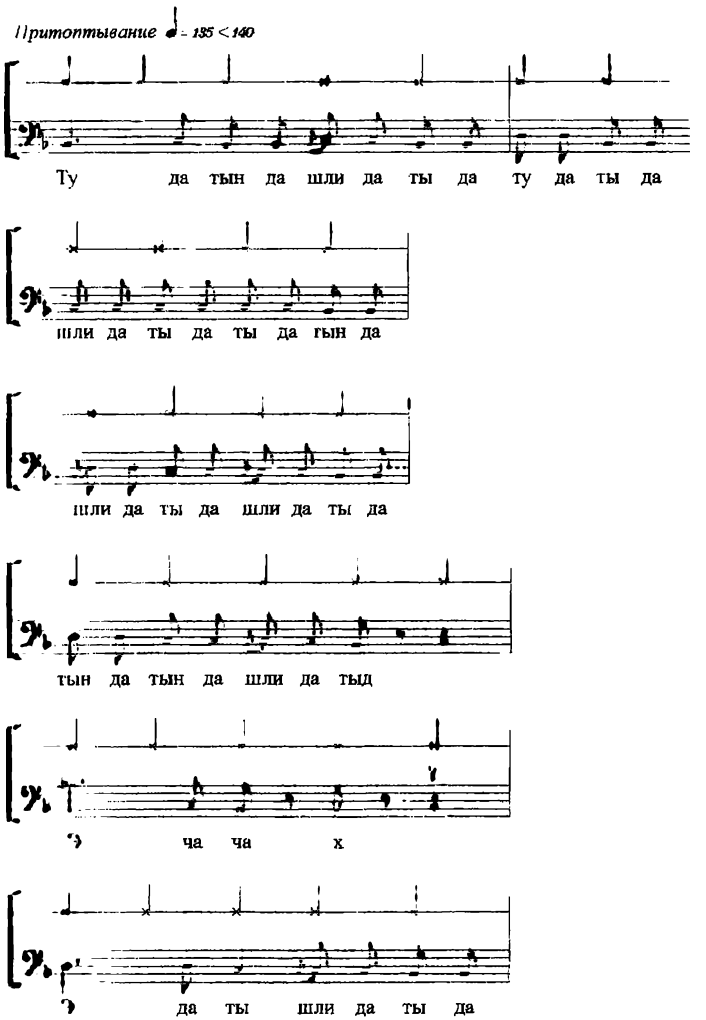
Чибе будет счашшьё:
Тут придет чибе жена,
Душечка-невеста.
Не стравнение с белизной,
Нет такого теста.
В рочи зубы миндалес,
Глазки, как каринка,
И как сама картинка.

38
Там на фабричках чулочки,
На чулочках башмачки.
Завтра проздник, воскресенье,
Сарафанчик с голубком.
«А где мы с Каченькой сидели,
А ты с Груняшой баловал».
Тут сказали наш Ванюшка
Вдоль по уличке прошел.
Стару прежнюю нашел.
Он поздоровался.
От досады тут Груняша
Обтрехала фартук свой.

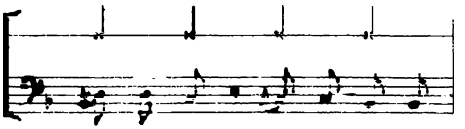
39
Яхали дворане из Новгорода –
Красная девица на уличке стоит.
Вшем на вшем робэта по поклону воздает.
Онному молодчику пониже вшех,
Потому пониже – удал добрый молодец.
Вжяли девушку, сватили, повезли иэ с собой.
Стали у девушки виспрашивати,
Виспрашивати и уговаривати:
«Как тебя, девушку, по имони зовут?»
«Батюшка спашеял, ронна мать родила.
Поп крестил, Укалина имо дал».
«Девушка Укалинушка, а будешь ли, девушка,
Замуж за меня, за удалого молодца?
Старую вжять – на печи ее держать.
А младую вжять – в руках плеточку таскать.
Плеточка шемихвостая.
Первый раз удару – шемь рубцов,
Хторой раз удару – четырнадцать,
Трэччий раз удару – двадцать один.
Двадцать один, то я сам восподин».

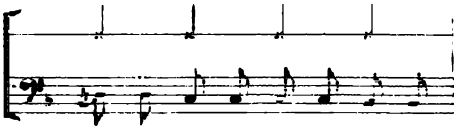
40[88]

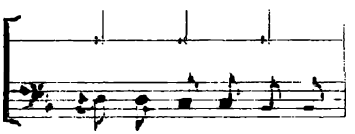
«Омуканово»

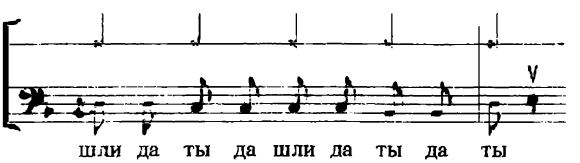


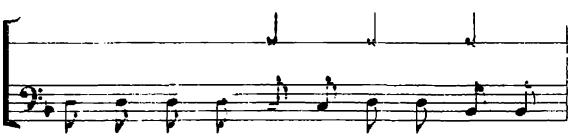
[88] См. запись № 40 в аудиоприложении.

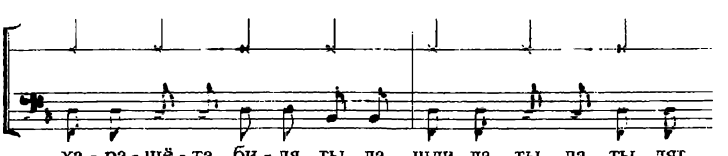

шли да ты шли да ты да

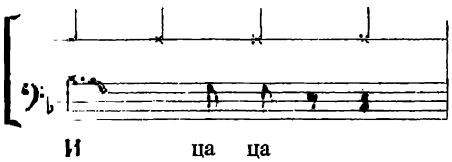

шли да ты да ты да ты да

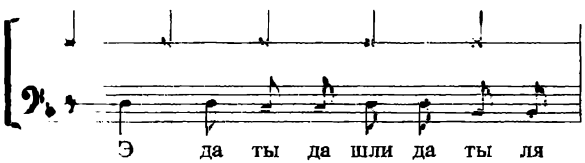

шли да ты да ты да

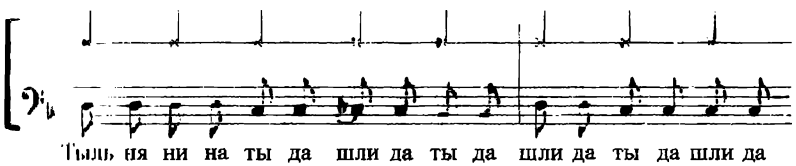

шли да ты да шли да ты да ты


А - му - ка - но - ва - та вы - шо - ла - та


ха - ра - щё - та би - ля ты да шли да ты да ты лят







41
Во саду ли, в огороде
Девица гуляла.
Сама ростом невеличка,
Липом круглоличка.
Во всю щеку румяночки
Завсегда играют… \2 раза.

42[89]
Летал галуб, летал сезый
Всю галубушкаю.
Да удалой маладец
С красной девицею.
Кабы ты, мая милая,

[89] См. запись № 42 в аудиоприложении.

Са мной, с галубом, жила,
Я бы золатам усыпал,
Жемчугом би-т улизал.
Каби летною парою
Ва карате пракатал.
Каби зимнай парой
В Питербурге разважил.
На ямских лашидях,
На прекрасных санях.
Сядем рученьку ва ручку,
Не пошатнется.
Ва другую сторану
Да не варохнется.
Он сказалских: «Палетай,
Палетай, галуб, дамой.
Палетай, галубь, дамой,
Да распрощаемся с табой».

Шуточные песни

43
Силиванов казачёк,
Он почётный мужичок,
Чукучен, рыба с чиром,
Силиванов с пистерем.
Весь народ ему гулят,
Всех он с радостью встречат,
Ох, кто бает об житье,
Силиванов об еде.
Ваське старшему зайдешь,
Сам голоненькой уйдешь,
Сарадочки на рожне,
Как солдаты на войне.
Из сардонок кровь текет,
Барабанчик он пекет,
Барабанчик пригорел,
Васька старший одурел.
Ты садись, Вася, пониже,
Да ложись девке поближе,
Наумиха вдова,
У ней губа толста.
По застойке чешуя,
Они с испугу умерли.
Как мне думно снег копать,
Да брусничку собирать.
До локоть руки совал,
Он брусничку доставал.

44
Бекренёв-от бешится,
Бекрениха на нем вешится,
Он и ношит убуточки,
Как конинные кубуточки,
Со затылку спинка пригнутая,
На рожу лежачка прильнутая,
По поджилкам перетянутой,
По бровям куколь натянутой.
Он поставил тройку нартушку,
Да снимает с нее картушку,
Некрасивая, приманыивая,
Силудивая, поросченая,
У Федюшки-то богатого,
У него скота рогатого,
У него спина горбатая.

Тюремные песни

45
Бул я мальчик, бул свободен,
Не знал я горя и нужды.
Вше ронные меня жалели,
Избаловали, как дитю.

Баловство меня смущало,
Сошел я с правильной пути,
В онту негонную влюблялся
Наперкор своей души.

На што ти клялась и божилась
Своей неправильной душой?
Я поверыл мальчик бенной
Своей безумной головой.

С москоским замком знакомился,
Вше я бога умолял,
Становился на колени,
Вшех святых я призывал.

Онна молитва опровдала
Я от замку побежал,
Бегу, бегу к своей, к любежной,
Ну, стоит она, дрожит.

Лицо к лицу с ней повстречался
И я пустил с ней разговор,
Я деньгами откупался,
Хочэл с ней ночку ночевать.

Один кондовый не согласный
Не дал ночку ночевати –
Повели меня назадь.
С москоским замком повстрэчался,
В котором тры года сидел.

Шижу вэчерною порою.
У часового штык блестит.
Сквозь железную рэшотку
Свечка тухлая горыт.

46
Один был мальчик, был свободен,
Не знал он горя и нужды.
Се родные меня жалели,
Избаловали как дитю.
Баловство меня сгубило,
Сошел я с правильной пути.
В одну негодную влюбился
Наперекор своей душе.
Она клялася е (и) божилась
Своей неправедной душой.
А я, мальчик, к ней поверил
Своей безумной головой.
Московском замке повстечался,
Котором три годы сидел.
Сижу, сижу вечорною порою,
Часовой тут штык блестел.
Сквозь железную решетку
Свеча тухлая горит.
Становился на колени,
Вшё я бога умолял.
Одна молитва оправдала,
Я из замка убежал.
Тут навстречу мне милая
Ненаглядная моя.
Ненаглядная моя-то
Правой ручкой обняла…
Повели меня назад,
На несчастну жись напал.

Жестокие романсы

47
Ти рашти, моя рябинка,
Рашти, не посыхай.
Ти живи, мой друг любезный,
Живи, милой, не скучай.
Ти сосватаешь невесту,

Наяву да слезы лить.
Повезут вас в церковь божию,
Меня в гроби понесут.
Вас поставят в церкви рядом,
А меня во гробе, в боку.
Как на вас венцы наденут,
Вкруг налой вас поведут.
Уж тогда-то мне, несчастной,
Вечну память пропоют.
Подходите, злой изменшики ти
Гробище те моей,
Нипиши ти, злой изменщике,
Золотые личера:
Што я бенная красотка
На белом швете жила,
Ти не изменница була,
Вот во Царэшти уродилась,
В малой рощи возросла,
Отца-матерь погубила,
За тобой в Сибирь пришла.

48
Рашти, моя рябина,
Рашти, не посыхай.
Ты живи, мой друг любезный,
Ты живи, не позабудь.
У цара я уродилась,
В малорощии изросла,
Я отца и мать сгубила,
За тобой в Шибирь пошла.
Вдруг ты сосватаешь невесту,
Я буду слезы лить.
Три недельки похвораю,
Очень буду я больна.
На четвертую недельку
Во сыру жемлю пойду.
Повезут вас в церковь божью,
Меня в гробе понесут.
Вас поставят в церкви рядом,
Меня в гробе развокут.
Венцы на вас наденут,
Вкруг налою поведут.
Меня, бенной рэбине,
Вечну память пропоют;
Надпиши надпись над гробом,
Золотые личэра:
«На белом швете жила,
Неизменнива була».

49
Куда скрылись, удалились,
Кари глазки, от меня?
Кари глазки от меня,
Они срылись, удалились –
Оставили страдать.
Я страдала, страдать буду,
Вше страдание мое.
Пускай могила меня накажет,
Я любила онново.
Подходи, дружок, поближе,
Алы губки цаловать.
Приходи, дружок, почаще,
Над могилой посещать,
Зажигайте, мать, лампадку,
За милым скоро помру.

50
Один бул юноша несчасный,
Жил в мире широта.
Ходил юноша несчасный,
Во глухую, во полночь.
Вдруг могильный памятник сияет,
Вшегды к могиле я иду,
Вокруг эту могилу
Шреди дерэвьев виноград,
Во этой во могиле
Лежит очес и ронна моя мать.
Шлезно всплакал, возвратился,
Ко дому подошел.
Вдруг в шветлице двери раскрывали –
Стоял гроб черный на столе,
В гробу я братца завидел,
Вшем члены задрожал,
Онна млада черкесская дева
В руке с кинжалом подошла.
Что ревешь, милая,
Подходи ближее мне.
Скорее ты, милая,
Пронзай грудь мою.
Я черкешов не страшался,
Тапер прияхал видеть вас.

Песни литературного происхождения

51
Пора за порою, мой миленький с другой.
На мурской дорожке стояли две сосны.
Мы с миленьким прощтились до будущей весны.

Мой милой встрепехнулся, уяхал в даль-туман,
На шерце покинул онну тоску-печаль.
Долго я горевала, вше ночи не спала. \ 2 раза
Аннезду мне приснился ужастный страсимый сон \ 2 раза
А вут-то миленькой женился, женился на другой.
И тут я пернесчастная люблю я так тебя,
И шерцу придалаша и хворошти больна.
И хочь я не богата и тоже молода,
И сполюбить сумею, ну, как же, как она. \ 2 раза
И сострапать сумею, и тоже как она.
Хочь не крашива и вше же молода.
И спалюбить сумею ну так же как она.
И долго похварала –
И несчастная девица и с печали померла.
Високая могила и цветами обросла.
А когды милый приезжает, и она тут нет,
И мати отвечает:
«И серцу придалася, и с печали померла.
Поди ты на могылку, могылку посмотри,
Значит, она в тебя влюбилась, и с печали померла,
И високая ее могылка и травой обросла».
«А теперь я не пойду, у меня шерце тяжело,
А таперя тягость будет – женился на другой».

52
Пора за порою,
Ты, миленькой, с другой.
Ой, сердце молодое,
Ну жаль ну не самой.

Снулся одной ночью,
Приснулся сон мене,
Ой, будто мой любимой
Женился на другой.

Клелся и божился,
На дружбу клятву дал,
Ой, не любить вторую,
С одной лишь с одной жить.

Хоть я некрасива,
Но тоже молода,
Ой, сполюбить сумею,
Ой, также как она.

На Бурбанской дорожке[1]
Стояли две сосны,
Ой, мы с милым прощались
До будущей весны.

Долго горевала,
Все ночки не спала,
Ой, ночки не спала да
Все милого ждала.

[1]*Бурбанская дорога* – зимняя дорога до Колымы.

53
Уродилась девица,
По людям ходила,
Детей качала,
Коров доила.
Хорошая девица,
Худо одета,
Никто замуж не берет
Девицу за это.
Пойду с горя в монастырь,
Богу помолюся.
Перед иконой святой
Слезами зальюся.
Не посчастливит ли господь,
Той доли счастливой,
Не посватает ли миня
Молодец красивый.
У зеленого саду
Пташка воспевала,
У дремучего лесу
Волчица гуляла.
А Наташка желтый хвост
Жалобно пропела.
То счастье мое
У ней улетело.
У лисицы есть гнездо,
У волчицы дети,
У меня же, молодой,
Нет на свете никого.

54
У лисички есть гнездо, \
У лисички дети \ 2 раза.

Пойду богу помолюсь,
Кто-нибудь откроет,
Пойду детей покормлю,
Полечки развею[1].

Сирота я, сирота, \
Плохо я одета, \ 2 раза.

Никто замуж не берет \
Девичку за рату[2]. \ 2 раза.

Пойду богу помолюсь,
Кто-нибудь откроет,
Сиротиночку меня \
Паруту раскронет[3]. \ 2 раза.

[1]*Полечки развею* – Погуляю в поле.
[2]*Девичку за рату* – Исполнительница не понимает значения слов – заучены.
[3]*Паруту раскронет* – Возьмет замуж.

55
Пойду с горя в монастырь
Богу помолюся.
Перед иконой я святой
Слезами зальюся.
Не посчастливый господь
С той доле счастливой,
Никто замуж не берет
Девицу красиву.

56
Птичка божия не знала
Ни работы, ни труда,
Она только всхлопотала
Долговечного житья.
В чужедальние страны
Улетела до весны.

57
Остань, остань, тоска, на врэмо,
К своей к любезной полечу,
Моя любезная Венера
Колечко на руку дала.
В тот же час я из нее вишел
И стал в моро невод закидать.
В ту пору я это колечко
С руки свернул и утупил.

58
Свисток свистит далече,
Но уже его не видать,
Нам не видать его,
Не слыхать ево.
Пташка-канарейка
Так жалобно поет,
Но мне, младой красотке,
Разлуку предают.
Разлука ты, разлука,

Чужая сторона,
Зачем нам разлучаться,
В разлуке с тобой жить.
Лучше б нам повенчаться,
С тобою вместе жить.
Нехто нас не разлучит,
Не солнце, не луна.
Нехто нас не разлучит,
Ни солнце, ни луна.
Но только нас разлучит
Мать сыра земля.
Молодчик отпросился,
Отъехал на три дня,
Позад его отъезду
С печали померла.
Позад его отъезда
С печали померла.
Глубокая могила
Светами обросла.

59
Яхал из ярмарки ухарь купец,
Ухарь купец, удалой молодец.
Заехал в деревню коня напоить,
Своей гульбою народ удивить.

Вышел на улицу вешел и пьян,
В красной рубашке, трафитый кафтан.
Стыдливой девчонке купец пристает,
Цалует, обнимает, ручками жжет.
Девкина мати сердита была,

Шмела купцу со словами подойти:
«Силой ты, купец, стой не балуй,
Девку Анюшку в позор не цалуй».
Старый старык усмехнулся сидит,
Стару старушку он ногой подотнул:
«Старая карга, пусть гуляет дочь моя».

60
Вот мчится тройка удалая
Вдоль по дорожке столбовой,
Ямщик, уныло напевая, /
Лошадка трогает вожжой. / 2 раза.
Ямщик лихой встал с полночи,
Ему грустилося [в] тиши.
И он запел про Лены очи, /
Про очи девицы-души. / 2 раза.
Эх вы очи голубые,
Вы сокрушили молодца,

Зачем, зачем вы, люди злые, /
Вы нас расторгнули сердца. / 2 раза.
Теперь я горький сиротина
Иду, взмахнув по всем по трем,
И тропкой тешился детина /
И заливался соловьем. / 2 раза.
Вот мчится тройка удалая
Вдоль по дорожке столбовой,
Ямщик, уныло напевая, /
Лошадка трогает вожжой. / 2 раза.

61
При долине
Громко пел соловей,
А я мальчик на чужбине
Позабыт от людей.
Позабыт, позаброшен
С молодых, с юных лет.
Я остался сиротою,
Счастья доли мне нет.

62
Шумел камыш, деревья гнулись,
А ночка темная была.
Одна возлюбленная пара /
Всю ночь гуляла до утра. / 2 раза.

Домой придешь, а дома спросят:
Где ты, доченька была?
А ты скажи – в саду гуляла, /
Травинку тятеньке рвала. / 2 раза.

А если дома ругать будут, /
То приходи опять сюда. / 2 раза.

Домой пришли, а дома нету,
И не будет никогда.
Куда краса моя девалась, /
Кому ты счастье передала? / 2 раза.

А поутру они проснулись,
Кругом помятая трава,
Но не одна трава помята, /
Помята девичья любовь. / 2 раза.

Шумел камыш, деревья гнулись,
А ночка темная была.
Одна возлюбленная пара /
Всю ночь гуляла до утра. / 2 раза.

63
От грома, от снегу
Два брата шли.
Шли до начлегу,
Промокли, продрогли
Нет нитки сухой. \ 2 раза
Вдруг выходит к ним навстречу казак молодой,
«Зайдите и не бойтесь юртушка нова, \ 2 раза
За всякое время юрта нагрется».
Вокруг же эту юрту иконы стоят, \ 2 раза
Над каждой иконой лампадки висят.
Над каждой на лампаде свечи горят.
Большой там столик впереди стоит, \ 2 раза
Большой-то скатерть на стол постлана,
Тут хлебу нарезано большими ломтями,
Русская каша всегда перед гостями, \ 2 раза
Переди тут перед иконой Сусанин-старик \ 2 раза
Сусанин старик он на коленях стоит,
Он богу-то молит: «Спаси, Михаил».

64
От грома, от шнегу
Шли два брата до ночлегу.
Иссохли, измокли,
Нет нитки сухой.
Настречу виходит
Казак молодой.
Зайдите, робэты,
У нас избушка нова,
У нас в избушке
Иконы стоят.
Пред кажной иконой
Лампады вишят.
Над каждой лампаде
Тут швечки горят.
Стоит у нас каша
Вшегды пред гостями.
Сусанин старик
На коленях стоял,
Он бога-то просит:
«Спаши, Михаил!»

65
Александр Македонской ужасен был в миру.
Прэклонял много полки першидскому киру.
«Не надейтесь, богачи, на свое богатство,
Не надейтесь, силачи, на швою ви силу.
Ещё смерть будет бестынно,
Она не мило… милосердна,
Поведет жемлю во гроб, в темные жилища,
Отдаст червам, говорит: «Наше вот вам пища».

66
Вниз по Волге-реке
С Нижной Новгорода
Снарежен стружок
Как стрела летит.

А на том на стружке
На снаряженном
Сорок два гребца
Да удалых сидят.

Как один-то из них
Добрый молодец
Призадумался
Да пригорюнился.

Ах зачем же ты,
Добрый молодец,
Пригорюнился
Да призадумался.

Я задумался,
Пригорюнился
Об одной душе
Да красной девице.

Ох и братцы мои
Вы товарищи,
Сослужите вы мне
Да службу верную.

Бросьте-киньте меня
В Волгу-матушку.
Чем на свете мне жить,
Лучше быть мне в реке
Да утопимому.

Вниз по Волге-реке
С Нижной Новгорода
Снарежен стружок
Да как стрела летит.

Последние две строки каждого куплета повторяются дважды.

67
Черный ворон, что ты вьешься
Над моею головой?
Иль добычи не добьешься,
Черный ворон, я не твой.
Что ж ты когти распущаешь
Над моею головой?
Иль добычу себе чуешь,
Черный ворон! Я весь твой.

Ты лети в свою сторонку,
Скажи маменьке поклон,
Отнеси платок кровавый
Милой Наденьке моей.
Ты скажи: теперь свободна,
Я женился на другой.
Взял невесту тиху, скромну,
В чистом поле под кустом.
Востра сабля булат свахой,
Угощала славно нас,
Калена стрела венчала
Среди битвы роковой...
Но и смерть моя настала,
Черный ворон! Я весь твой.

ПЕСНИ СЕМЕЙСКИХ[90]

Календарно-обрядовые песни

68

Пуспу стрялу да вдоль па улицы,
Ой, люли, ой люли, вдоль па улицы.
Ты ляти, стрела, да па широкаю,
Ой, люли, да, ой, люли, па широкаю.
Ты убей, стрела, да добра моладца,
Ой, люли, ой, люли, добра моладца.
Как па моладцу да плакать некаму.
Ой, люли, ой, люли, плакать некаму.

Свадебные песни

69

Што ни ягадка па блюдичку катаится, да катаится.
Ни жимчужинка за ягадкай ганяится, да ганяится.
А как милый мой на свадьбу сабираится, сабираится.
Сабирала яво маманька радная, да радна(о)я.
Частым гребешком галовушку чисала, да чиса(о)ла.
Алай лентачкай кудряшки завива(о)ла, завива(о)ла.
За широкие вароты праважа(о)ла, праважа(о)ла.
Ты паедишь мой миленькый на сва(о)дьбу, да на сва(о)дьбу.
Пра тибе будут девки песню пети, песню пети.
Па имённа тибя называ(о)ти, называ(о)ти.
Па атечеству вилича(о)ти, вилича(о)ти.
Ты дарися мой милый, ни скупися, ни скупися.

[90] См. записи № 68-132 в аудиоприложении.

Ты ни гривенкай дарися, ни палтиничкам, ни палтиничкам.
А дарися мой милый всё рубля(о)ми, да рубля(о)ми.
Ты мой миленькый на свадьбы ни загуливыйся, ни загуливыйся.
На хароших, на пригожих ни заглядывыйся, ни заглядывыйся.

70
Ох, малод(а)ка мая,
Ох, малодка малоденькыя.
Ох, не с кем мне ж а но малодка
Ноченьку начивать.
Ой, не с кем мне а но малодку
Ноченьку начивать.
А лягу спать ядна
Да би..., биз мила маво дружка.
Ой, лягу спать адна
Да бе, без мила ж а но дружка.
Ой, би..., биз мила ж а но дружка
Да забалела грудь-таска.
Ой, без мила дружка
Да забалела грудь-таска.
А грудь-таска ж ана берёт,
Даляко милой живёт.
Ой, ако ше ну далёчинька,[1]
На той старане.
Ой, на той ж ана на старонке,
Не, не близка ж ана ка мне.
Ой, на той на старонку,
Не, не близка ж ана ка мне.
Ой, сударка ж ана сударка,
Парейди сама суда.
Ой, сударка-сударка,
Па..., парейди ж ана суда.
А ра..., рада, ой, перейтити,
Пи..., пиряходу ни найти.
Ой, развалился перейтити,
Пи..., пиряходу не найтити.
Пиреход-та я нашла,
Да жи..., жирдачка ж ана танка.
Ой, переход-та я нашла,
Да жи..., жирдачка ж ана танка.
Ой, жи..., жирдачка ж ана танка,
Да, речка глу..., глубака.
Ой, какую этую реч(е)ку
Купался ж ана бабёр.
Ой, купался ж ана купался,
Выплытить всё ж ану не мог.

[1]Возможно, – *как же ну далеченько*

Баллады

71
«Палитим, кукушка, в тёмный лес гулять,
А мы савьём да, кукуш(и)ка, тёплая гняздо.
Мы савьём, кукушка, ай, тёплая да гнездо,
Ой, выведем да, кукуш(и)ка, сибе два детя.
Вывидим, кукушка, себе два(я) детя –
Ой, тебе ку(ю)кавёнка, а мне салавья.
Тибе кукавёнка, а мне са(я)лавья.
Ой, твой будет да куку(ю)кать, а мой распевать.
Твой будить кукукать, а мой ра(я)спивать».
Ой, мальчишка ли да девчонку угаваривал.
Мальчишка девчонку угава(я)ривал:
«Ой, паедим да, девчонка, в Казань-горад жить
Паедим, девчонка, в Казань-го(ё)рад жить,
А в Казань-гораде да реченька пад гарой бежит».

72
Эх, зимушка зима ж да,
Е-эй, маразливыя, е-эй,
Ох, не марозь-ка ты меня ж да
Добрава мо..., ой, моладца.
Ни марозь меня ж да,
Эй, добрава мо..., ой, молыдца, е-эй,
Ой, да как жана ж та с мужим да,
Ой, да не в ладу яна жила.
Жана с мужим да,
Ох, не в ладу ана с ём жила, е-э,
Ох, да не в ладу-та ана с ём жила ж да.
Ещё не в сагла(о)сию.
Не в ладу жила ж да,
Ещё не в сагла(о)сию, о-е,
Ой, да в зеляным-та саду ж да,
Ой, жана мужа павесила.
В зеляным саду ж да,
Ой, жана мужа павесила, е-э,
Ой, да как павесивши мужа ж да,
Ой, пришла дамой ка двару.
Павесила мужа ж да,
Ох, пришла дамой ка двару, е,
Ой, да пришла се..., пришла ка двару ж да ли,
Ей, села яна на скамью.
Пришла ка двару ж да,
Ох, села на, ой, на скамью, е,
Ой, села яна на скамью ж да,
Ей, горька спла..., ой, сплакыла.
Ой, села на скамью ж да,
Ещё горька спла..., ой, сплакыла, ей:
«Да распраклята мая жизь да,

Ей, с чужим мужам буду жить.
Праклята жизь да,
Ох, с чужим му..., эх, мужем жить, е-э,
Ой, я пайду-ка в зелен сад да,
Ей, дамой мужа назад звать.
Пайду-ка в зелен сад да,
Эя, дамой мужа, ой, сваво звать, е,
Ой, муж ты муж, ты мой муж, да,
Ой, да ты пайдем са мной дамой.
Муж мой муж да,
Эй, ты пайдем са мной дамой, е-э,
Ой, биз тибе-та мой мужик да,
Ой, жить наску..., ой, наскучила.
Биз тибе мой муж да,
Эй, жить наску..., наскучила, е,
Ой, всяких да разных пташечик да,
Ой, да привнаслу..., ой, наслушилась.
Всяких разных пташечек да,
Е-е, привнаслу(ой)ушилась, е,
Ой, сылавей-та пташичка ж да.
Ей, шибка жалабна паёт.

73
Э, звала-звала девка парня да ва,
Ей, как во чисто(во)я, е,
Вой, как ва полюшика гуля...:
«О-е, да пайдём, пайдём-ка, дру...,
Э, друх-та, мой милай да ва,
Ох, ва чистоя поля пайдём гулять.
Ой, пайдём са мной гуля...,
Ой, е-э, вазьмём, вазьмём-ка, дру...,
Э, друх-та, мой милай да сво...,
Свой танкой-та белай вазьмём шатёр.
Свой ганкой и жа, е,
Ох, разберем-ка шатёр
О-е, растель, разбрось-ка, дру...,
О, друх-та, мой милай да па,
Ой, па паляначке растель зеляной.
Па паля(о)нки, е,
Эй, па палянке да зеляной,
Ой-е, ой, па паляныч ке, зе...,
Е, зеляной, да ли па,
Па дароженьке да шеракой.
Пы дарожки, е,
Ох, па дарожке да сталбавой,
Ой, е-э, ты приляг, приляг-та, дру...,
Друг, мой милай, да я,
Ой, я в галовушке тибе пагляжу.
Я в галовке, е,
Эх, тибе милай пагляжу, оё,

О-е, ой, я в галовушки па...,
Ой, пагляжу ж, да ли ру...,
Русы кудри тибе расчашу.
Русы кудре, е,
Ох, тибе милай расчашу, о-ё».
О, е, да ста..., стала кудри, та я...,
Яму чисать да ли стал,
Стал мой милый дружок засыпать.
Стал дружочек засыпать,
О-е, заснул, заснул та дру...,
Ой, друх-та мой милай да у,
Ой, у Машутачки заснул на руке.
Заснул у Маши на руке, е,
О-е, он на правою,
Ищо на рученьке, да на
Ой, на кисейным бравым рукаве.
На кисейнам рукаве, ей,
О-е, ён праснулся та пра...,
Ой, прабудился да при,
Ай, при ём нету, нет, ай, никаво.
При ём нету никаво, е,
О-е, ой, нету Сашеньки, да не,
Ох, нету Машеньки, не,
Эх, нету во..., ой, ворына-та яво каня.
Нету во(ё)ры..., е,
Нету ворына каня, е,
О-е, ох, нету во...,
Ой, ворына яво каня ж да ли,
Не, нет чиркацкыва, нету сидла.

74
Калина-малина рана расцвила.
Ой, не за пару мамынька
Да за..., замуж атдала.
Ни за пару мамынька замуж атдала.
Ой, рассержусь на мамыньку
Да в го..., в гости ни пайду.
Рассержусь на мамыньку
Да в гости ни пайду.
Ой, на четвёртый годик
Да птай..., пташкой прилячю.
На четвёртый годик пташкой прилячю,
Ой, сяду да я на ветку
Да пе..., песенку, ой, спаю.
Сяду я на ветку, ой, песенку спаю.
Ой, как радная мамынька
Да бу..., будила дятей.
Как радная мамынька будила, ой, дятей:
«Ой, вставайтя, детачки,
Да слу..., слушать салавья.

Уставайте, детачки, да слушыть салавья.
Ой, если салавей-ка,
Да мы её, ой, спугнем.
Если салавей-ка да мы её, ой, спугнём.
Ой, если дочь родная
Да в гой..., в гости пазавём».

75
Течёт речинька, ана быстрая,
Ана быстрая, серебристыя.
Ана быстрая, серебристая.
Как ва той реке дева мылася.
Как ва той реке дева мылася.
Ана мылася и купалася.
Ана мылася и купалася,
Маладых купцов дажидалася.
Маладой купец вёл каня паить,
А ревнивый муж вёл жену тапить.
«Не тапи меня рана с вечера,
А тапи меня близ полноченьки.
Пусть саседушки спать уляжутся,
Малы детушки успакаются».
А старшая дочь не спала всю ночь,
Ана видела и всё слышыла.
«Папа, папынька, где же мамынька?»
«Ваша маманька в светлай горенке.
Ваша маманька в светлай горенке.
Она пудрится и румянится.
Она пудрится и румянится,
Маладых купцов ажидается».

76
Ой, горы-та маи-та за..., закубае..., о-о,
Ой, да ли зай..., закуба(ва-ой)кубастаи.
Кубастые, да спародили горы,
Ох, бел-та ли, всё-та бел-та горюй..., о-о,
Ой, да ли бел-та горю..., о-ой, горюч камень.
Камень, да из под кай..., камушка,
Ох, бежить-та ли, ой, всё-та речинька быйи..., о-о,
Ой, да ли речинька бы..., ох, да быстрыя.
Быстрыя, да как на тот бок ряки,
Ох, стаял-та ли у всё-та част-та раки..., о-о,
Ой, да ли част-та раки..., ой , ракитавый куст.
Куст, да как на том на кусту,
Ох, сидел-та ли, о, всё-та млад-та сизой, о-о,
Ой, да ли млад-та сизо..., ой, сизой арел.
Арел, а у кахтях он держал,
Ох, держал-та ли он всё-та чёрныва вой..., о-о,
Ой, да ли чёрныва во..., ох, он во..., ворына.
Ворына, да ён бить-та(ва) ли ня бьёть,

Ох, да ли чё-та ён накай..., о-о.
Ой, да ли всё ж та он спраи..., ох, он спрашиваеть.
Распрашиваит, да де летал-та(ва) ли ворын,
Ох, та ли где ж та пралёй..., о-о.
Ох, да ли где ж та пралё..., ох, пралётывал.
Пралётывал, да не видал ли та ворын,
Ох, да ли те..., тела бе..., о-о,
Ох, да ли те..., тела бе..., ох, а бе..., белыва.

77
Забиле(э)ли сне..., э, снежки да за(я)бе...,
Ой, забяле..., беле..., эй, бе(е)лая-та ли на, э, на,
Ой, на крутой(я), э, на крутой гаре.
Ай, на крутенькый гаре, е,
Ой-е, да забале..., забалела-та те..., е, тела,
Ой, зая..., эй, забалела бе..., ох, белая,
Да, е, какы на, ой, на чужой, е, чужой старане.
Да чужой старонушке, е,
Э-е, не кто-та не, ой, не запла(я-я)чет-та па(я) мае...,
Ой, па маёму те..., ой-ой, телу,
Да ни как па, ой, па салда(я).... ой, па салдатскаму.
Дай телу салдатскаму, е,
Ой-е, не запла..., не заплачит тя(я)..., ой, тя(я)тенька, не, е, за...,
Ой, не заплачит ма(я)..., ой, ма(я)мынька,
Да, и, не б(ы)ра..., ой, да не бра(я)..., е, не брат, не сестра.
Ой, ня родныя систра, яй,
Ой-е, толика-та за..., ой, зажури..., зажурится-та, да и, -тца.
Ой, зачал плакати, ой, всё та ния та(я)ва...,
Ой, растава(я)..., раставарыщ мой.
Дай, таварыщ верный мой.
«Ой-е, та(я)ва(я)рищ, эх, мой ве..., ой, верный та(я)ва...,
Братишечка мой ве..., размой верный-та ни ско(ё)ра.
Ой, аднака ско(я)..., скарёшинька умру.
Ох, аднака скора я памру, е,
Ой-е, сха(я)ра(я)ни(э)те, тава(я)..., тава(я)рищы, сха(я)ра...,
Ой, схараните, мой, ве..., е, ож и верныи да ни в са(я)ду,
Эй, дай в саду(ю), в садочку в зелянам,
Дай, в садочку-та в зилянэй.
Ой-е, чтоё ба та ма..., ой, маё те..., э, те(е)ла-та, чтоё ба,
Ой, в поли не чярне..., е, не чёрне..., ой, да ли я дыжа...,
А, да ляжа(я)ал я в жаркыя я в зямле.
Да ёт в жаркыя в зямле,
Ой-е, чтоё бы та ма..., маё те..., е, ай тела, да птица,
Ой, коршын не клева(я)л, не клёва(я)л, э, да и в чу(ю)жой,
Эй, на чужой, на дальнай старане».

78
Пад акошичикым-та си...,
Сидел добрый моладец,
Ча..., часал ру..., русы ку...,

Ой, да ли ру..., русы ку..., кудерцы.
Кудерцы, да ён начёсы(сы)-та кла...,
Кладёть, добрый моладец,
Кла..., кладёть на, на красно...,
Ой, да ли на, на красно-та акно.
Ой, акно, да вы подуйте...[1]
Красно акно, да ён кладёть,
Эх, кла..., кладёть добрый моладец,
Да кла..., кладёт при..., пригава...,
Ой, да ли при..., пригавариваеть.
Пригавариваить, ох, да ли вы ж та
Падуйте-та са ма..., маи ветры буй(и)ные.
Да са, са высо..., са высо...,
Ой, да ли са, са высоких гор.
Са высоких гор, ой, эх, да ли
Вы ж та нясите-ка ма...,
Маи ветры да буйнаи.
Да ма..., маи ру..., русы ку...,
Ой, да ли ру..., русы ку..., кудерцы.
Кудерцы, да вы скажите-та ма...,
Маи русые кудрицы.
Да тя..., да вы тя..., тяти с ма...,
Ой, да ли тя..., тяти с мамынькый паклон.
Ох, паклон, да инпо скажите-та,
Та ма..., маёй-та хозяюшки.
Да, ой, скажи..., на, най асо...,
Ой, да ли на, най асобицей адной.

[1]Одна из исполнительниц неправильно начала куплет.

79
Ой, да па ту сторыну ж та Байкала,
Ой, да ли куст ракитавый стаял.
Ой, да как пад этим пай, пад кусточкам,
Ой, да ли салдат го..., голыву скланял.
Ой, да ты ни вей..., ни вейся чёрный воран,
Ой, да не круши, ой, серца маё.
Ой, да ты присядь, присядь ка мне на землю,
Ой, пагаварим, эх, да мы с табой.
Ой, да ты слета(о)й-ка чёрный воран,
Ой, да ли куда я, я тибя пашлю.
Ой, да ты лети, лети-ка в край радимый,
Ой, да неси ма..., маманьки паклон.
Ой, да ты скажи, скажи-ка ей радимый,
Ой, да ты ли что жани(э)лся в поле пад кустом.
Ой, да что жанила ж та ль меня,
Ой, да ли пуля бы, ой, да быстрая.
Ой, да ябвенча(я)ла ж та меня,
Ой, да сабля о..., сабля острая.
Ой, да я жана ж та ль у меня,

Ой, да ли грабава, грабава даска.
Ой, да я пастель-та ли у меня,
Ой, да ли мать-сыра, мать-сыра зимля.

80
Ой, да ты, калинушка, ой, разма(я)линушка,
Ой, да ты не стой, не стой, на гаре кру(ю)той.
Ой, да ты не стой, не стой на га(я)ре кру(ю)той,
Ой, да не спускай листья ва, ой, сине мо(ё)ря.
Ой да ва сенях марях кара(я)бель плы(е)вёт.
Ой, да карабель плы(и)вёт, лишь вална ревёт.
Ой, да как на том карабле, ой, два палка салдат,
Ой, да два палка салдат, маладых ребят.
Ой, да как адин салдат, ай, Бо..., Богу молится.
Ой, да Богу молится, дамой просится:
«Ой, да, атпусти ты миня, ой, к роднай матушке,
Ой, да к роднай матушке, к малым деташкам».

81
Уж ты удаль, мая удаль,
Удаль-моладасть мая.
Ох, не сгубили миня люди, да,
А сгубил я сам сибя
Пагубил-та я сам сибя.
Лю..., любил девку, любил браву,
Хараша яна была.
Хараша-та она была:
Чернаброва, круглалица.
Ка серцу к маму пришла.
Ка сярцу к маму пришла.
Я, я хател на ней жанится,
Атец ни пазволил взясь.
Атец мне ни пазволил взясь.
С той поры я снова верил,
Эх, что на свете есь любов.
Что на свете ды есь любов
С той пары, с това время.
Ох, начал самагонку пить.
Дык начал я самагонку пить.
Пил няделю, пил другую,
Ох, прагулял я круглый год.
Прагулял-та я круглый год.
Атец видит дела плоха,
Ох, взял в някрутички атдал.
Взял в някрутики атдал.
Всех некрутичкаев забрали,
Ох, во салдаты увязли.
Во салдаты павезли.
Праслужил я три(е) гадочка,
Ох, скучна стала биз радных.

Скучна стала мне биз радных.
Па..., павярнул каня налева,
Ох, паспешил скарей дамой.
Сам спяшил-та скарей дамой,
Ой, падьезжаю близка к дому,
Ох, идёт девчонка за вадой.
Идёт девчонка за вадой.
«Здраствуй девка, здраствуй брава,
Ох, расскажи мне пра радных?
Расскажи мне пра радных?»
«Твой отец давно в Сибири.
Ох, мать сканчалась биз тибя.
Ведь мать канчалась биз тибя.
Твая братья[1] замуж вышли,
Ох, пожанились братавья.
Видь пажанились братавья.
Твая прежния зазноба,
Ох, пазабыла пра тибя.
Пазабылы пра тебя.
Вынул саблю, вынул остру,
Ох, снес галовушку сибе.
Снёс галовушку сибе,
Ой, пакатилася(я) галовка
Ох, между грёх бальших дарог.
Между трёх бальших дарог.
Палилася кров гаряча
Э, па зелёный па траве.

Лирические песни

82

Замот-та ли замот, эх, или зай..., замот добрай мо..., о-э,
Ой, да ли дой..., добрый мо..., ох, моладец.
Моладец, да замота(э)л-та ли замот,
Ох, или боль..., больнаю маю гало..., ой, о-э,
Ох, маю ли та галовушку.
Галовушку, да пазабыл-та ли замот,
Ох, или пра, пра батюшку с ма..., о-э,
Ох, да де, мамой, с ма..., мамынькай.[1]
С мамынькай, да лягу спати-та ли адна ли,
Ох, или но..., ночинькай мине ня спи..., о-о,
Ох, да ли но..., ночь ня спиться мне.
Не спиться мне, да будта мой-та милой,
Эх, или дру..., дружок ва сне(й) гре..., ой,
Ой, да ли вай, ва сне гре..., грезится.
Грезится, да у варот-та стаить.
Ох, или ка..., калечушкым бря..., ой,
Ой, да ли, ка..., кальцом бря..., брякаить.
Брякает, да ... к вдовушке в избу про..., ой,
Ой. да ли в ы..., в ызбу про..., просится.

Просится, да я ня вор-та ли пришёй...,
Ох, или ня, ня вор, не разбо..., ой,
Ой, да ли не, не разбойничик.
Не разбойничик, да я пришёл-та, ой, к тибе,
Ох, или пре..., прежний па..., палюбо..., о-о,
Ой, да ли спа..., спалюбовничик.

[1]Должно быть – «про тятеньку с мамынькай».

83
Плыла ши та ли плыла птица, ой, па мой...,
Плыла-та птица ли, ой, па морюш(и)ку да са,
Эх, да ли са, са милин(и)ким-та ли плыла са, са дружком.
Са дружком, да ниоткули же та ли взя..., взялся я..., ясный сой...,
Да взялся-та я..., ой, ясный сокыл да ли он,
Ох, да ли он та он нас(ы) та ли са миленьким он накрыл.
Ох, накрыл да он ни вбил(ы) да ли ни вшиб маёва дру...,
Маёва-та дру..., ой, дружка мила(я)ва да сам,
Ох, да ли сам-та он взвил(ы)ся, он саколик у..., улятел.
Улятел, да аставалася-та ли птица да без, без салой..., да,
Птица-та бе..., ой, без, без саловьюш(и)ка да жить,
Ох, да ли жись-та адною шэ я та в до..., в домике, ой, адна.
Ох, адна, э да дуют вет(ы)ры-та ли дуй..., дуют ве..., ветярой..., да,
Дуют-та ве..., ой, ветярочки да ли хо...,
Ой, да ли хой..., хочут вет(ы)ры-та ли, ве..., ветку а..., атарвать.
Атарвать да хочут с сос(ы)ны-та ли ве..., ветку ай..., атарвать, да,
Ветры ой, а, ой, атарвать и да ли в си...,
Ох, да ли в си..., во синёще да ли море, ой, ветку, ой, спущать.
Ох, пущать, да ты плыви-ка да ли плыви мая, мая вета...,
Плыви-та, в низ, ох, мая ветычика, да плы...,
Ох, да ли ты, а куда ши та, ой, радимая, ой, плывёшь?
Ох, плывёшь да тибе, веет(ы)ка уж тибя, ой, будет ня спрай...,
Тибе-та будет уже ня справится да ти...,
Ох, да ли ти..., тибе с сос(ы)най-та ли ве..., ветку, не, не срастить.

84
Ой, распевала-та пташеч(и)ка
На ракитавым ана кусту.
Ой, распевала-та пташеч(и)ка
На ракитавым ана кусту.
Ой, а де плакыла милашечка?
На крутеньким ана беряжку.
Ой, а де плакыла милашеч(и)ка?
На крутеньким ана беряжку.
Ой, ана ждала, паджи(е)дала
К сибе милыва ана дружка.
Ой, ана ждала, паджи(е)дала
К сибе милыва яна дружка.
Ой, ни идёть-та мой миленькый,
Знать не любит девицу миня.

Ой, не идёть-та мой миленькой,
Знать не любит девицу миня.

85
Ах, пахажу-ка я млада
Да ли я ж та па го..., ой, па горенке,
Ой, да ли вдо..., вдоль па ной...,
Да ли вдо..., вдоль па новенькаю.
Па новенькаю, да пагляжу-ка ли млада
Да ли я ж та в ако..., ой, в акошечичка,
Ой, да ли вдо..., вдоль кася..., ой,
Да ли вдо..., вдоль скося-та нечистыва.
Нечистыва, да как синем-та(ва) ли мори
Да ли был та тума..., ой, туман ён густой,
Ой, да ли ра..., растума..., о-ей,
Да ли ра..., растуманился бальшой туман.
Туман, да как маёва-та ли дру...,
Дружка маво разлюбе..., ой, любезны(вы)ва,
Ой, да ли па, па пляча..., о-ей,
Да ли па, па плячам-та кудри, ой, ляжат.
Лежат, да как на первы-та ли ряд,
Эх, русы маи кудё..., ой, кудё..., ой, кудёрышики,
Ой, да ли ра..., развится, о-ей.
Да ли ра..., развится-та кудри ани хатят.
Хатят, да как на третий-та ли ряд,
Эх, русы маи кудё..., ох, кудёрушыки,
Ой, да ли жа..., жанится, о-ей,
Да ли жа..., жанится-та кудри парню вялят.
Велят, такыт раскарымычиху-та брать,
Брать мине яё ня хо..., ой, ня хочится,
Ой, да ли ру..., русыя, о-ей,
Да ли ру..., русыя-та девка ана ни йдёть.

86
Сохнет-вянит ва полюшке травушка,
За..., ой, засыхаит, ой, да засыхает травка да бе..., без даждя,
За..., ой, засыхаит, ой, да засыхает травка да бе..., без даждя.
Рос ва поле да аленикый цвяточик,
Э, и тот начил, ой, да и тот начил цветик зай..., засыхать,
И тот начил, ой, да и тот начил цветик зай..., засыхать.
Был у Маши-та миленькай-та дружочек,
Э, и тот начил, ой, да и тот начил Машеньку зай..., забывать,
И тот начил, ой, да и тот начил Машеньку зай..., забывать.

87
Уежа... ли едет милай, аставляит да сво...,
Сваи-та лаи..., ох, ласкавы милой да слава.
О слава.
На дружка ли он астави..., милой да яста(я)вил да ль с ру...,
С ручики да пере..., ох, перстянёчик, ой, да залатой.

Залатой.
Днём-та на ру(ли-ой)чиньки кальцо ж да насила да к но...,
К но(ё)чи в го..., ли, ой, в голаву калечушка клала.
Ой, клала.
Дле таво ли, ой, калечушка ж та я кла(я)ла да чтоб,
Чтоб пригре(ли-ой)зился милой да ва сне.
Ой, ва сне.
Распу(ю)хо(ли-ой)вая мая ж да падушика да пра...,
Пра(я)валя(ли-ох)лася всю ночиньку в слизах.
Ох, в слизах.
Ра(я)сшалко(ли-ой)вая маё ж та адеяла да пра...,
Права(ва-ля-ли-ой)илася всю ночиньку в нагах.

88
Ой, да уж вы, ку(ю)муш(е)ки,
Ой, сизы галубушки
Ох, да как на..., ой, научите, да как,
Ой, да как па милам не, не тужить.
Ой, да как па милиниким,
Ой, да па Васи, да па, ой, па дружку.
Ох, да как ве..., ой, вечор Ва(я)сенька да вдо...,
Ой, да вдоль па улице, ой, прашёл.
Ой, да вечор Ва(я)сенька да вдоль,
Вдоль да па улице да прашёл,
Ох, да как гро..., ой, громким го(ё)ласам,
Ой, да Вася песню прай..., пракричал.
Ох, да громким го(ё)ласам да,
Ой, Вася да песню да пра..., ой, пракричал,
Ох, да как сам-та на скрипачику да всё,
Ой, да всё наи..., наскрипывывал.
Ох, да сам во скрипачику да всё
Да он та наскрипывал.
Ох, да как в ба..., ой, балалаеч(и)ку
Да всё, ой, да всё наигрававал.

89
Мамынька мая бранится,
Что я дочинька грусна.
Ой, сама я пра то девка зна(ва)ю,
В каво я уж и та я влю..., влюблина.
Ой, сама я девка пра то знаю,
У каво ж я влюблина.
(Вы)любила-та я дружка мило(ё)ва,
Любила-та всей, всей душой.
Ой, любила я дружка милова,
Ой, любила всей душой.
Ой, как он та мине зладей не любит,
Смеётся да най, нада мной.
Ой, как он зладей не любит,
Он смеётся нада мной.

Ой, ты не смейся дая, да зладей варвар,
Ня смейся да най..., нада мной.
Ой, ни смейся зладей варвар,
Ты ни смейся нада мной.
Ой, Гасподь-та тибе толька нака(я)жет,
Зласча(я)сна(вы)ю, ой, судьбой.
Ой, Гасподь тибе накажет,
Ой, нисчаснаю судьбой.
Ой несчасна(ва)ю судьбою, зласчаснай,
Кава(ява)рны(ва)ю, ой, женой.

90

Ой, да прасвети(е), ой, святи(е)-ка месяц, ох, да ли путь,
путь даро(йо)женьку месяц да ши..., ширако,
Ой, да ширакой, да ширакой.
Ой, да ли милый-та пае..., ой, паехал, пашёл, да ли не, не сказал,
что любезнава(я) мая пращай.
Ой, да ты прашай, да ты прашай.
Ой, да ли сая пути, ой, пути-та даро(ёу)шиньку да мил,
мил славесна дружо(ё)чик да най..., наказал.
Ой, да наказал, да наказал.
Ой, да ли ты толька ни плачи, ой, ни плачич-ка, ни пла(ой)чь-ка да рай...,
разлюбезна(ва)я-та душа, ой, мая.
Ой, да ты не плачь-ка ты душа.
Ой, да ли не раняй, ой, раняй-ка слёзы, ох, да ли слёз,
слёз па белинькаму(ю)-та сваму, ой, лицу.
Ой, да па лицу, да па лицу.
Ой, да ли слё(йо)зы кая..., ой, да кая..., катяться, ох, да в ли...,
в лице пой..., портют де(й)вке край..., красату.
Ой, да красату, да красоту.
Ой, да ли ней дастая..., ой, даста(я)лась ана, ой, парню-ка, аа...[1], падлецу.

[1]Здесь неясно.

91

Сады мае, сады,
Сады зелененьки, ох,
Рано, ой, цветут да
Позна да ападают.
Позна, ох, цветут да
Рана ападает, ох,
Лю(ю)бил меня милай да
Теперь спакидаит.
Любил мне милай, ох,
Теперь спакидает, ох,
Мима он хо(ё)дит, да
Ка мне не захо(ё)дит.
Мима он ходит, да
Ка мне не заходит. ох,
А заидёт он да

Долга не гастюет.
А заидёт-ты он да
Долга ни гастюит, ох,
Да палыночи да
Са мной праталкует.
Да полэноч(и)ки, эх,
Са мной праталкуит, эх,
Ста(я)ла, ой, зорька да
Зорька загаратся.
Стала, ой, зорька, эх,
Зорька загаратся, ох,
Стал мой да милай да
Дамой сабира(я)тся.
Стал мой, эх, милай, ох,
Дамой сабиратся, ох,
Пращай-ка дева, да
Дева маладая.
Пращай-ка дева, эх,
Дева маладая, эх,
У юмене есть да
Жонка дарагая.
Пращай-ка дева да
Дева маладая, эх,
У юменя есть да
Жонка дарагая.
Та, ка(я)то(ё)ра, ох,
Пад венцом стаяла, ох,
Та, ка(я)то(ё)ра да
Мужем называ(я)ла.

92
Па бароч(и)ку, ох, брала, брала ягадку земляниченку.
Земляничку, эх, напарола да но(ё)женьку на былин(э)ку.
На балинку, эх, на зласчастна да дерево на шепишенку.
На шипишку, эх, балит, балит но(ё)женька да не больна.
Ни больна, эх, и любил парень девушку да не долга.
Ни долга, эх, не долга ж да ни ма(я)ло(ало) всего три года.

93
Гуляла Машенька, ой, па садочка,
Ой, накалола ноженьку на вишнёчку,
Эй, накалола ноженьку на вишнёчку.
Балит-балит ножинька, ой, да не больна,
Ой, любил парень девчоначку да не долга,
Эй, любил парень девчоначку да не долга.
Ой, сабирайся, мальчишичка, ой, ва салдаты,
Сабирайся, девчоначка, праважаты,
Ой, сабирайся, девчоначка, праважаты.
И сабирайся, дивчоначка, ой, праважаты,
Ой, мине замуж не идти да всё гуляты,

Ой, мине замуж не идти да всё гуляты.
Ни гуляйте-ка падружки, ой, я гуляла,
Все я тапки-черевички да в лес стаптала,
Эй, все я тапки-черевички да в лес стаптала.
Ни стилите пастель белу, ой, а я слала,
Ой, не кажите, хлопцы, правду, я казала,
Э-ой, не кажите, хлопцы, правду да я казала.
Ни тваю ли пастель бела, ой, я раскину,
Ой, ни тебя ли любить буду да спакину,
Эй, ни тебя ли любить буду да спакину.
Ни тваю ли пастель белу, ох, я раскинул,
Ох, ни тебя ли я любил долга да спакинул,
Эх, ни тебя ли я любил долга да спакинул.

94
Во субботу день ненасный,
Нельзя в поле, нельзя в поли ра..., рабатать,
Э-ох, нельзя в поли ра..., рабатать.
Нельзя в полюшке работать, ни баронить,
Ни баронить, ни, ни пахать.
Э-ох, ни баронить, ни, ни пахать.
Ты пайдём са мной, Маруся,
Ва зелёный, ва зелёный сад гулять.
Э-ой, ва зелёный сад гулять.
Ва зелёниньким садочки салавейка,
Салавей пташка паёт.
Э-ох салавей пташка паёт.
Салавей пташка паёт,
Нам разлуку, нам разлуку придаёт.
Э-ох, нам разлуку придаёт.

95
Развевайся ты, берёза,
Да на тебе будет мороз.
«Да я мороза не баюся,
Да придёт время, да разавьюсь».
«Да сабирайся, девка, за(я)муж,
Я приехал за табой».
«Да ты багатай, а я бедна,
Да ты смеёшься да нада мной».
«Да я багатый, а ты бедна,
Да знать судьба у нас с табой».
Да унимаю из карма(я)на
Да платок розывай с каймой.
Да утирает горьки слёзы
Из румяныва лица.
«Да ты багатый, а я бедна,
Да знать судьба у нас с табой».

96
Три я года за девушкай ухаживал.
Ана дочка была рыбака.
И на всё же ана саглашалась,
Патаму что любила миня.
И на всё же ана саглашалась,
Патаму что любила миня.
Раз я выпил с друзьями па привычки,
И пашёл я с Наташею гулять.
Долга-долга па улицым гуляли,
А патом пригласил её в сад.
Долга-долга па улицым гуляли,
А патом пригласил её в сад.
А в саду была тиха, спакойна,
Сквозь деревьяв светила луна.
На зелёном кавре мы сидели,
Целавала Наташа меня.
На зелёном кавре мы сидели,
Целавала Наташа меня.
У Ванюши так кровь разыгралась,
Стал Ванюша к Наташе приставать.
А Наташа ему атвечала:
«Ваня, Ваня, не трогай меня!»
А Наташа ему атвечала:
«Ваня, Ваня, не трогай меня!
Ты привык па старонкам шетаться,
Ты привык постаронних любить.
Нада мною пришёл надсмеяться,
Маладую мне жизь загубить.
Нада мною пришёл надсмеяться,
Маладую мне жизь пагубить».
«Нет, не пришёл над табой я надсмеяться,
Нет, не пришёл я тебя пагубить.
А пришёл я с табою расстаться,
Патаму что не можешь любить.
А пришёл я с табою расстаться,
Патаму что не можешь любить».
На заводах гудки прагудели.
Время ровна было два чеса.
Что случилася в эту минуту,
Сдагадайтися сами, друзья.
Что случилася в эту минуту,
Сдагадайтися сами, друзья.

97
Пагасла сонца да за гарою,
Седет ка(я)за(лилия)ченька, ой, у акна.
Ана(я) сидит с таской угрюмай,
И(ли) льются да слё(лили)ёзаньки у ней из глаз.
«А чём, а чём ка(я)за(я)чка пла(я)чишь?

А(яя) чём да, да слё(лили)ёзаньки, ой, да(я) ли льёшь?»
«Ой, как жа, как же, же мне не пла(я)кыть,
А(яя) ка[к](лия) жа да слё(лили)ёзаньки, ой, не, не(я) лить?
Адна печаль миня смуща(ва)ит –
Веля(ли)ят, пра(я) ми(лили)илава дружка за(я)быть.
А я тагда ево забу(ю)ду,
Каг(а)да ли(ё) закро(лили)оются маи гла(я)за».

Семейно-бытовые песни

98

Ой, ты мамынька моя роди...,
Ох, ты родимы(ли)я на,
Ох, да ли на что на, ох, или на,
На гля(й)[1] ты ж та меня роди(о)ла.
Ох, на что на гля меня роди...,
Ох, а ты роди(о)ла, ху...,
Ой, да ли ху..., худой долюшкый-та ми...,
Меня да надяли(о)ла.
Ой, худой долюшкый, чужой стараной,
Ох, стараною мне ж,
Ох, да ли мне ж та чужа(о)я-та
Старонушка-та надое..., надоела.
Ох, чужая старонка надое...,
Ох, надоела ста...,
Ой, стал..., да ли сталбова(о)я-та да...,
Дароженька-та спривгляде..., спривгляделась.
Ох, сталбовая дарожка спривгляде...,
Ох, спривгляделысь с го...,
Ох, да ли с го..., горя но..., ох, или, но...,
Ноженьки знать-та мои ня носють.
Ох, с горя ноженьки мои меня ня но...,
Ох, оны ня носють, белы...,
Ой, да ли белые ру(о)ченьки-та ма...,
Маи да не владе(о)ють.

[1]*Гля* - предлог "для" с род. падежом.

99

Ой, да ни па речен(е)ки,
Ой, да лябёдуш(и)ка, ли да плывёт,
Э-ох, да как ни, ой, не мая ли ж та ради...,
Ой, радима матушка, ой, идёть.
Ой, да ты иди-ка ли прайди,
Ой, ра(я)димая ж та, мая,
Ох, да как па..., ой, пагляди-ка, ой, да на,
Ой, да на нисчаснаю, ой, миня.
Ой, да пагляди-ка взглядам, на,
На нисчаснаю ж та миня,

Ох, да как я, ой, я ни(я)счасная да в чу...,
Ой, да в чужих людюшках, ой, жила.
Ой, да я песча(я)сная да в чу...,
В чужих людюш(и)ках и я жила,
Ой, да как в чу..., ой, в чужих людюш(и)ках да жи...,
Ох, да жизь ня очень хай..., хараша.
Ой, да в чужих людюшках да жи...,
Жизь-та ня очень ха..., ой, хараша,
Ой, да как пе..., ой, перва-та го(ё)рюш(и)ка,
Да вы..., ой, да с лица пала кра..., красата.
Ой, да первый го(ё)рюш(и)ка да, с ли...,
Ой, с лица-та пала да, кра..., ой, красата,
Ох, да как вта..., втарой го(ё)рюш(и)ка да,
Ой, да с году сына при..., принесла.
Ой, да втарой го(ё)рюш(и)ка да с го...,
С году-та сына при..., ой, принесла,
Ох, да как тре..., ох, третя-та го(ё)рюш(и)ка да, ой,
Ой, да ва салдаты а..., атдала.

Рекрутские и солдатские песни

100
Ой, дарожинька, ну, мая,
Дарожка сприукаи..., ой-я-ёй, сприука(я)тына.
Сприукатына, да чёрнам-та ба..., ой, ба(я)рхатам
Дарожка сприуслали..., ой-я-ёй, сприусла(я)тына.
Сприуслатына. Как та па етай, ну, дарожке
Нихто ни спрахаи..., ой-я-ёй, ни спраха(я)живал.
Да ни спрахаживал, да нихто-та сле..., ой, сле(де)дику
Да нихто не спраклали..., ой-я-ёй, ни спракла(я)дывал.
Да ни спракладывал. Да ни как та и шли, ох, да ну прашли
Да два, ой, два неней... ой-я-ёй, два ненерских палка.
Да два венерских палка, да как-та за етам да палком
Да идёт родна маи..., ой-я-ёй, родна май..., маманька.
Родна маманька. Она-та идёт, ох, да но идёт
Дай мама запинай..., ой-я-ёй, запинается.
Запинаится, да за(я) сырую она земельку
Мама всё хватаи...,. ой-я-ё, всё хватаится.
Всё хватаится, да го(йо)рькими, ох, да она слезами
Мама умываи..., ой-я-ёй, умывается.
Умывается. «Да ты та не плачи-та, ой, да не плачь,
Да родная маи..., ой-я-ё, родна май..., маманька.
Родна маманька, да я, ну, не в год, эй, я не у два,
Дай, мама, ворачусь, ой-я-ё, ворачуся да я».

101
Там дароженька ляжить,
Па етай дароженьки да тро...,
Тройка конюшек бяжить.
Тройка конюшик бяжить.
Конюшки варонаи,
А на них сбруя залата.
На их сбруя вся залата,
Гляну я в павозыньку,
Ой, там мой миленькый сидить.
Там мой миленькый сидить.
«Пастой, пастой, миленькай,
Да павидаемся с табой.
Давай павидаемся са мной».
«Рад ба павидаться,
Да маи кони да не стаять.
Маи конюшки ни стаят,
Злые афицерики, ой, вя...,
Велять коней паганять.
Велять конюшик паганять.
Братья маи сёстры,
Ой, бя..., бягуть миня праважать.
Бегуть миня праважать,
Я своё сердечуш(и)ка
Да не магу слязам унять».

102
«О чём задумался, ой, служебнай,
О чём гарюешь удалой?
Ой, разве служба, ой, най..., надоела,
Лишь заболел твой конь гнядой?»
«Мой конь балезни, ой, не баится,
Здаров и весел смотрит он.
Каню на месте, ой, не, ой, не стаится,
Он капытами да землю бьёт».
«Скажи таварищ, ох, где ж садвоя,[1]
Лишь ты красотку, дай, палюбил?»
«Ой, ни люблю я ету же я красотку
И не па ней страдаю я.
Люблю радимую ж я та старонку,
Слетал бы сокалам туда».

[1] Не ясно

103
Полна вам, снижочки, на крутой гаре лижать,
Э, полна вам, салдатики, горя гаревать.
Полна вам, салдатики, горя гаривать,
Эх, брошу я таску-пичаль ва тёмныи лиса.
Бросим мы таску-пичаль ва тёмнае лиса,
Эх, сядим мы, паедим на бравых лашадях.

Сядим мы, паедим на бравых лашадях,
Эх, шашечки-винтовачки наденутся на нас.
Сашечки-винтовачки наденутся на нас,
Эй, хилкатойски девушки надеются на нас.
Хилкатойски девушки надеются на нас,
Эй, каши мы нава(я)рим, ляпешик напякём.
Каши мы нава(я)рим, лепешик напякём,
Эй, ой, хилкатойских девушик замуж мы вазьмём.

104
Вы паслушайте, стрелочки,
Я вам песенку спаю,
Да хай ли, раз-два люли,
Я вам песенку спаю.
Я вам песенку спаю
Пра службицу пра сваю,
Да хай ли, ой, раз-два люли,
Пра службицу пра сваю.
Тря я года праслужил,
Ни о чём я не тужил,
Да хай ли, ой, раз-два люли,
Не о чём я не тужил.
Стал чатвёртый наступать,
Стал я думать и гадать.
Да хай ли, ой, раз-два люли,
Стал я думать и гадать.
Стал я думыть и гадать,
Как бы дома пабывать,
Да хай ли, ой, раз-два люли,
Кабы дома пабывать.
Как бы дома пабывать,
Ятца с мамый павидать,
Да хай ли, ой, раз-два люли,
Атца с матерь павидать.
Атца с мамкый павидать,
Эх, с маладой жаной паспать,
Да хай ли, ой, раз-два люли,
С маладой жаной паспать.
С маладой женой паспать,
Да малых детак павидать,
Да хай ли, ой, раз-два люли,
Малых детак павидать.
Малых детык увидать,
Ишо с друзьями пагулять,
Да хай ли, ой, раз-два люли,
Ишо с друзьями пагулять.

105
Ох, ни туман, э, с моря, ой, паднялся,
Да частый дожачек пралил.

Ох, не, не туман, э, с моря ли, ну, паднялся,
Да частый дожачик спралил.
Ой, на вазморе да мы, ой, стаяли,
Да на германским беряжку.
Ой, на вазморье да мы, ну, стаяли,
Да на германским беряжку.
Ой, врёшь ты врё..., ...
[Мы стояли, любовались]
.... любавались, как ... любавались,
Как валнуется вална.
Ой, мы стаяли, да там любавалися,
Как валнуется вална.
Ой, врёшь, ты, врёшь, ой, дурак, э, ну, германец,
Тебе неаткуль зайти.
Ой, врёшь, ты, врёшь дурак, э, ну, германиц,
А тебе неаткуль зайтить.
Ой, ру... ... как у русских войска-та многа,
Да русскый можить угастить.
Ой, как у русских вой..., войску многа,
Да русскый можить угастить.
Ой, угастить(э)-та свинцовэй пулей,
Да на закуску да штык стальной.
Ох, угастить(э)-та свинцовэй пулей,
Да на закуску да штык стальной.

Хороводные, игровые и плясовые песни

106
Ой, я малым, да, ох, я малым,
Я малым, я малёшинька,
Да, я малым, я малёшинька.
Да, ох, зеляным, да, ой, зеляным,
Зеляным я зелянёшинька,
Зеляным я зелянёшинька.
Да, ой, вырастала, ой, вырастала,
Вырастала трава шёлкавыя,
Вырастала трава шёлкавыя.
Да, ой, шелкавая, ой, шелкавая,
Шелкавая-полушёлкавая,
Шелкавая-полушёлкавая.
Да, уж, уж я той, да, ох, уж я той,
Да, уж я той травой выкармлю каня,
Да уж я той травой выкармлю каня.
Да, ой, выкармлю, да, ой, выкармлю,
Уж я выкармлю, вылажу яво,
Да уж я выкармлю, вылажу яво.
Да, ой, запрягу, да, ой, запрягу,
Запрягу я каня в саначки,
Запрягу каня в галаначки.

Да, ох, падвяду, да, ох, падвяду,
Падвяду я каня к батюшки,
Падвяду каня радимаму.
Да, ох, батюшка, да, ой, батюшка,
Уж ты батюшка, свет радной,
Уж ты батюшка, свет радной.
Да, ох, ты ня делай, ой, ты ня делай,
Ты ня делай худу славу нада мной,
Ты ня делай худу славу нада мной.
Да, ох, ни атдай, да, ой, ни атдай,
Ни атдай миня за старава за мужа,
Ни атдай миня за старава за мужа.
Ох, я стара, да, ох, я стара,
Я стара мужа на свет ни люблю,
Да я стара мужа на свет ни люблю,
Да, ох, са старым, да, ох, са старым,
Са старым мужем гулять ня иду,
Са старым мужем гулять ня иду.
Да, ох, я ня йду, да, ох, я ня йду,
Я ня йду, ня йду, ня слушаюся,
Я ня йду, ня йду, ня слушаюся.
Да, ох, я са ро..., да, ох, я са ро...,
Я са ронюшкай гулять пайду,
Я са ронюшкай гулять пайду.

107
Ой, салавей ты наш маленькый,
Салавей удаленькай,
Салавей, салавей,
Удалой, маладой.
Салавей, салавей,
Удалой, маладой,
Удалой, маладой,
Нижинатый, халастой.
Удалой, маладой,
Нежанатый, халастой,
Ты куды, куды лятишь,
Куды Бог тибе нясёть?
Ой, ты куды, куды лятишь,
Куды Бог тибе нясёть?
«Я лячу-спалечусь
На выгожие места.
Ой, я лячусь-палячу,
На выгожие миста,
На выгожи, на хороши,
Где рякитывы куста.
Ой, на выгожи да на хароши,
Где рякитыва куста».
Ой, кустик ня мил,
Салавей ни занямел.

Ишо кус(ы)тик ня мил,
Салавей не занямел.
Салавей не занямел,
Малых детак напладил.
Ой, салавей не занямел,
И малых детык напладил.
Малых детушик –
Салавьятушик.
Ой, малых де..., детушик,
Ы салавья(я)тушик.
Салавьятушик,
Галубятушик.
Ой, салавья(я)тушик,
И галубятушик.
Па ве(р)точкам не хадила,
Разным песен не учила.
Па веточкам не хадила,
Разным песен не учил.
Ой, зимынька-зима,
Стюдяным-стюдина.
О, иж ты, зимынька-зима,
Да стюдяным-стюдина.
Стюдяным-стюдина
Зима марозливыя.
Ой, стюдяным-стюдина
Зима марозливыя.
Замарозила зима,
Удалава маладца.
Ой, замарозила зима,
Да удалова маладца.
Удалова маладца –
Силязинскава купца.

108
Ах, ивушка, ивушка,
Зелёненькый лужок.
Ай, срубим мы ивушку
Пад самый каряшок.
Ой, срубим мы ивушку
Пад самый каряшок.
Ой, сделаем с ивушки
Два висла, висла.
Ой, два висла, висельца,
Третью лотачку.
Ой, два висла, вясельца
Третью лотачку.
Ой, сядем мы на лотачку
Паедим дамой.
Сядем мы на лотачку
Паедим дамой.

Схватим мы ясну
Девушку с сабой.
Схватим мы татеньку[1]
Девушку с сабой.
«Что ж ты девушка
Нявесила сядишь?
Что жа та девушка
Нявесила сядишь?
Развя ти, девушка,
Солнушкам пякёт?
Развя тя, девушка,
Солнушкам пякёт?
Ой, солнушкам пякёт
И частым дожжичкам сякёт?
Ой, солнушкам пякёт
И частым дожжичкам сякёт?»
«Ой, твой радимый батинька
Ниправдаю живёт.
Мой радимый батинька
Ниправдаю живёт.
Ой, малаю дочь
Вперёд замуж атдаёт.
Малыю дочь
Вперёд замуж атдаёт.
Ой, большия дочь,
Чем я хуже яё?
Большия дочь,
Чем я хуже яё?
Ой, прясть али ткать,
Али трубачки катать.
Ой, прясть али ткать,
Али трубачки катать.
Ой, по ваду хадить,
Пад гару вёдры насить.
Ой, по ваду хадить,
Пад гару вёдры катить.
Э, станьти, ведры,
Да на донушки.
Ой, станьти, вядры,
Да са краямы нарывны.
Ой, станьти, вядры,
Да сы краямы нарывны.
Ой, станьти, вядёрушки,
С на донушки.
Ой, станьти, вядёрушки,
На донушки.
Нак на етых на видрах
Грибы вырысли.
Как на етых на видрах
И грибы вырысли.

Грибы вырысли
Да циплят вывили.
Грибы вырысли
Да циплят вывили.
Ой, семьдесят малодак,
Дивяноста питухов.
Ой, семьдесят малодак,
Дивяноста питухов.
Адин – партной,
А другой – чибартной.
Адин – партной,
А другой – чибартной.
Чибатарь, чибатарь,
Чиривички срыбатарь.
Чибатарь, чибатарь,
Чиривички срыбатарь.
От парогу да кутей
Отвалились каблуке!

[1] Возможно, – *бравеньку*.

109
Ох, не хади-ка, мил кудрявый
Берягам, увалам.
Не люби, мая милая,
Жанатыва дарам.
Ох, не люби, мая милая,
Жанатыва дарам.
Что жанатый да чёрт праклятый,
Халастой – галубчик.
Ох, что жанатый – то проклят,
Халастой – галубчик.
Халастой глазам паводить,
Из ума выводить.
Ох, халастой глазам паводить,
Ох, из ума выводить.
Чёрны брови-та вздымаит,
На двор вызываить.
Ох, чёрны брови ён вздымаить,
На двор вызываит:
«Да, выйди, выйди, да любезная,
За навыи сени.
Ох, выйди, выйди, да любезная,
За навыи сени».
Да что ва новеньких ва сенях
Всё сидят зладеи.
Ох, как ва новеньких-та сенях
О, всё сидят зладеи.
Да на прикрасным на крылечки
Всё сидят дружечки.

Ох, кык на новым на крылечке
Всё сидят дружечки.
Да, хто ня выйду я за вороты,
Всё луга-балота.
Ох, что ня выйди-та за вороты,
Всё луга-балота.
Да с пазелёныва лужочка
Бежит речка быстра.
Ох, с пазелёныва лужочка,
О, бяжит речка быстра.
Да не широка, не глубока,
В ней вада халодна.
Ох, ни широка, не глыбока,
В ней вада халодна.
Да мне нельзя-та воду брати,
Нельзя спачерпнути.
Ох, мне нельзя ту воду брати,
Няльзя спачарпнути.
Мне-та нельзя-та жёнку бити,
Нельзя спаучити.
Ох, грит, мне нельзя-та жану бить,
Ой, няльзя спавучи(о)ти.
Да уж, уж в нядель-та[1] жану бью,
Ой, всю няделю плачу.

[1] *В нядель-та* – неделя, т.е. воскресенье.

110
В литях вижу белый снег напал,
Да мил с дабра каня упал.
Вижу Ванюшка ляжить,
К яму милыя бяжить,
Да вижу Ванюшка ляжит,
К яму милыя бяжить.
К яму милыя бяжала,
Чёрнаброва поспешала.
К яму милыя бежала,
Чёрнаброва паспешала.
Чёрнаброва паспешала,
Чёрну шляпу падымала.
Чёрну шляпу падымала,
На галовку надявала.
На галовку надявала,
На дабра каня сажала.
На дабра каня сажала,
За вароты праважала.
За вароты праважала,
Всё наказым наказала.
За вароты правожала,
Всё наказым наказала.

Всё наказым наказала
Всё наказывыла:
«Ай, паезжай-ка друг, Ванюша,
Ни загуливыйся.
Ни загуливыйся,
Да ни засматривыйся,
Да кто харош, кто пригожий,
Всё подаркав не насить.»
Наша Маша не лянива,
Ва палночь баню тапила.
Наша Маша не лянива,
Во полночь баню тапила.
Во полночь баню тапила,
С ключей воду насила.
С ключей воду насила,
В мылке–шолуки варила.
В мылке–шолуки варила,
Ваню,...*Вовку в баню водила.*[1]

[1]Посленюю строчку, изменив имя, исполнительницы проговорили.

111
Ой, висилая галава,
Ни хади мима сада.
Ни хади мима сада,
Ни пракладывай следа,
Ой, ни хади мима сада,
Да ни пракладывай следа.
Дарожиньку ни тами,
Худу славу ни клади.
Ой, дарожиньку да не тари,
Да худу славу не клади.
Худа слава прайдёть,
Нихто замуж ни вазьмёть.
Худа сла(я)ва прайдёть,
Нихто замуж ни вазьмёть.
Ни вазьмёть, ни вазьмёть,
Не пасватаится.
Ой, ни вазьмёть, ни визьмёть,
Ни пасва(я)таится.
Атцу с матирью бесчестье,
А мне девушке укор.
Атцу с матирью бесчестье,
А мне девушки укор.
Да укор, да укор,
Мне нельзя идти дамой.
Ой, укор да укор,
Мне нельзя идти дамой.
Мне нельзя идти дамой,

Сказать маминьки радной.
Ой, мне нельзя идти дамой,
Сказать мамыньки радной.
Скажу так, скажу сяк,
Скажу етак же апять.
И скажу так, и скажу сяк,
И скажу етак же япять.
Я ва садике была,
Ва зелёным гулила.
Ой, я ва садике была,
Да ва зялёнам гулила.
Ва зялёным гулила,
Сладки ягады брала.
Ой, ва зелёнам гулила,
Да сладки ягады брала.
Всё наливчастые,
Сладка рассыпчистые.
Ой, всё наливчистыи,
Сладка рассыпчистыи.
На бялое блюдо клала,
На серебряный паднос.
На бялое блюда клала,
На серебреный паднос.
Ка милому падносила,
Ва высокий ва тярём.
Ка милому паднасила
Ва высокый ва тярём.
А мил ягод не примает,
Ничава са мной ни бает.
А мил ягад не примает,
Ничиво са мной ни баит.
А я топнула нагой,
Пакачала галавой.
А я топнула нагой,
И пакачала галавой.
Пакачала галавой:
«Аставайся, Бог с тобой!»

112
Ой, ни па азеру туман
Растуманился.
Ой, мой-та милой
Раскуражился.
Ой, ишо мой-та милой
И раскуражился.
У моёва у милова
Кудри в три-та ряда.
Ой, у моёва у милова
Кудри в три-та рида.
У четвёртаю ряд

Па пличам-та лижат.
У четвёртаю ряд
Па пличам-та лижат.
Па пличам-та лижат,
Ровна жар-та гарят.
Ой, па пличам-та лижат,
И ровна жар-та гарят.
Ровна жар-та гарят,
Развиваться хатять.
И ровна жар-та гарять,
И развива(я)ться хатять.
Развиваться хатять,
Мне жанится вилят.
Ой, развива(я)тся хатять,
И мне жаниться велят.
Жанись, жанись маладец,
Бери девицу.
Ой, жанись, жанись маладец,
И бяри де..., девицу.
Ой, девицу вазьмёшь,
Ни спаганишься.
Ишо девицу вазьмёшь,
И ни спаганишься.
Я ва новые сени,
Я ва задние двери.
Я ва новыи сени,
Я ва заднии двери.
Я ва заднии двери,
Ва чужой в агарод.
И я ва задние двери,
Ва чужой в агарод.
Ва чужой в агарод,
Ва капустачку.
Ва чужой в агарод,
Ва капустачку.
Капуска, капуска
Ялистинькая.
Ой, капуска, капуска
Ялистинькая.
Ялистинькая,
Качанистинькая.
Ой, ялистинькая,
Да качанистинькая.
Ой, хто тибя, капуска,
Садил-паливал.
Ишо хто тебе, капуску,
Садил-паливал.
Садила-паливала
Красна девица-душа.
Ой, садила да паливала

Красна девица-душа.
Красна девица-душа,
Катярина хараша.

113
Варварушка белыя,
А Варварушка белыя,
Белыя да белыя,
Хади брава, белыя.
А куда вечор бегыла?
А куда вечор бегыла?
Бегыла да бегыла,
Хади брава, бегыла.
К усатыму малатить,
К усатыму малатить,
Малатить, малатить,
Хади брава, малатить.
Усатый мой малатил,
И усатый мой малатил.
Малатил, малатил,
Хади брава, малатил.
За ножичкым прихадил,
И за ножичкым прихадил.
Прихадил, прихадил,
Хади брава, прихадил.
Я ножичик прадала,
Я ножичик прадала.
Прадала да прадала,
Хади брава, прадала.
Недорыга рубь взяла,
А недорыга рубь взяла.
Рубь взяла, да рубь взяла,
Хади брава, рубь взяла.
А пришла дамой, каюся,
А пришла дамой, каюся.
Каюся да каюся,
Хади брава, каюся.
А мала куча кажится,
А мала куча кажится,
Кажится да кажится,
Да, хади брава, кажится.

114
Рамадушка белыя
Па беружку бегыла.
Па беружку бегыла,
Милыва праведыла.
Выйди, выйди мая мать
Зачем тава унимать.
Зачем тава унимать,

Кагда я пашла гулять.
Я тагда пашла гулять,
Себе ровню наживать.
Себе ровнюшку
Симиёнушку да.
Не ходи, Сеня,
По сенюшкым,
Ня топни нагой,
Ня топай нагой,
Ни качай галавой.
Ни качай гылавой я,
Я ня буду зы табой.
Уж я буду-ка ня буду
За Иваном Кудряшом.
У Ивана Кудриша
Пыявилыся дачка.
Доча панычка,
Шилдарянычка да.
Ва сырым бару расла,
Зиляным саду цвила.
Ой, как жа я от батюшки
Украдуся.
Уж я как жа от батюшки
Украдуся.
Я ва новые сени,
Я ва заднии двери.
Увидала Черныша
Сына ова сыкричала.[1]
С чёрный ножки на ножку
Притаптываит.
А он с ножки на ножку
Прита[птываит] (*смеется*).
На широкаю далину,
Ны зялёную гарину
Гонют девак, гонют баб,
Гонют малиньких ребят,
Гонют старых стариков,
Дармаедув мужуков.
У них бороды больши
Да усы маслинаи. ...

[1]Не совсем ясен текст из-за разговора слушателей.

115
Не с кем в поле та рабатать,
Не с кем в поле рабатать,
Чёрну пашинку пахать, да.
Не с кем в поле рабатать да
Чёрну пашинку пахать.
Я пашу да я пашу да
Всё ва боразду гляжу, да.

Я пашу да я пашу да
Я ва боразду гляжу.
Залатая матница да
Залата палатница, да.
Кастиная матица да
Залата палатница.
На палатице лижала,
Балалаечку диржала.
На палатице лижала,
Балалаечку диржала.
Балалаичка худая,
На ей лента галубая.
Балалаичка чужая,
На ей лента галубая.
И втарая галубая,
Пра её слава худая.
И втарая галубая,
Пра её слава худая.
Третья лента со тисьмы да,
Шёл Ванюша са Истьмы, да.
Третья лента из тисьмы да,
Шёл Ванюша из Десьмы.
Етат Ванька не дурак –
Завёл Дуньку вы кабак, да.
Етат Ванька не дурак, да –
Завёл Дуньку ва кабак.
Ва царевам кабаку да
Пивым пьяным напаю, да.
Ва царевым кабаку да
Пивым пьяным напаю.
Пивым пьяным напаю да
Винаградым накармлю, да.
Пивым пьяным напаю да
Винаградым накармлю.
Винаград ни даспел,
Биз ума Дуньку даспел, да.
Винаград да не даспел, да
Биз ума Дуню даспел.
Биз ума, ума, ума да
Биз такова разума.

116
Ой, узоры, узоры узорчистые.
Для каво я вышивала,
Я для милынькава, да.
Для каво я вышивала,
Я для милинькыва.
А мой милинькый харош,
Он падарычик принёс, да.
А мой милинькый харош, да,

Он падарачик принёс.
Падарычик дарагой,
С руки перстинь залатой, да.
Падарычик дарагой, да,
С руки перстинь залатой,
Ни прадать, ни праминять,
Будет миленькый пенять, да.
Не прадать, ни праминять, да,
Будет миленькый пенять.
Пайду млада на ряку,
Брошу перстинь на ваду, да.
Пайду млада на ряку, да.
Брошу перстинь на ваду.
Он не тонет, ни плывет,
Ка бережку пристаёт, да.
Он ня тонет, не плывет, да,
Ка бережку престаёт.
Ка бережку престаёт,
Ка жалтому ка песку, да.
Ка берижку, бережку, дай,
Ка жалтому ка песку.

Шуточные песни

117
Вот приехали два братца
На Мензу-реку[1] кататься.
Тула-тула, первернула,
Тула козырем пашла.
Тула-тула, первернула,
Тула козырем пашла.
Адного завут Ярёма,
А другова звать Фама.
Тула-тула, первернула,
Тула козырем пашла.
Тула-тула, первернула,
Тула козырем пашла.
У Ярёмы денег многа,
У Хфамы адин пятак.
Тула-тула, первернула,
Тула козырем пашла.
Тула-тула, первернула,
Тула козырем пашла.
Вот Ярёма купил лодку,
А Фама адин чалнок.
Тула-тула, первернула,
Тула козырем пашла.
Тула-тула, первернула,
Тула козырем пашла.
У Ярёмы лодка с дыркай,

У Фамы чалнок без дна.
Тула-тула, первернула,
Тула козырем пашла.
Тула-тула, первернула,
Тула козырем пашла.
Вот Ярёма стал тануть,
Фаму за нагу тянуть.
Тула-тула, первернула,
Тула козырем пашла.
Тула-тула, первернула,
Тула козырем пашла.
Вот Я... Фама пашёл на дно,
А Ярёма там давно.
Тула-тула, первернула,
Тула козырем пашла.
Тула-тула, первернула,
Тула козырем пашла.

[1] *Мензa* - речка на которой находится с. Укыр.

118
Была у тёшиньки
Семеро зятей,
Ой, была у тёшиньки
Семеро зятей.
Эй, Гришка – зять,[1]
Микишка – зять,
Захарка – зять,
Макарка – зять,
Терентий – зять,
Клементий – зять,
А Ванюшинька душинька –
Любимый был зятёк.
А Ванюшинька душинька –
Любимый был зятёк.
Стала их тёша,
Да стала угашать,
Ой, стала их тёша
Блинама угашать.
Гришке – ляпёшку,
Микишке – ляпёшку,
Захарке – ляпёшку,
Макарке – ляпёшку,
Терентию – ляпёшку,
Клементею – ляпёшку,
А Ванюшиньке душеньке –
С гарошкам пиражок,
А Ванюшиньке душиньке –
С гарошкам пиражок.

Стала их тёша
Вином угашать,
Ой, стала их тёша
Вином угашать.
Гришке – полрюмки,
Микишке – полрюмки,
Захарке – полрюмки,
Макарке – полрюмки,
Терентию – полрюмки,
Клементию – полрюмки,
А Ванюшиньке душиньке –
Да полный стакашок,
А Ванюшиньке душиньке –
Да полный стакашок.
Стала их тёща,
Стала праважать,
Ой, стала их тёша,
Зятей праважать.
Гришку – в шею,
Микишку – в шею,
Захарку – в шею,
Макарку – в шею,
Терентию – в шею,
Клементию – в шею,
А Ванюшиньку душиньку –
По буйной голове,
А Ванюшиньку душиньку –
Па буйнай галаве.

[1] При перечислении всех зятей, кроме *Ванюшеньки* слова песни проговариваются.

119
Ой, зашёл-зашёл ватычёк
Ва царевый кабачёк,
Там взял каньячёк,
Ой, там взял каньячёк,
Ой, там он взял каньячёк,
Стрети[л] Сенька Касмачёк
Выспрашивает,
Выспрашивает:
«Ох, вы аткэдыва идёте,
Из каторыва брядёте
Скажитеся нам,
Скажитеся нам?»
«Мы из Нижнева села,
Из Навова Гарада,
Где манах стригут,
Ох, где манах стригут».
Ой, манах слова испугался,

В сваю териму брасался,
Ризу надивал,
Ризу надивал.
Манах ризу надивал,
Бальшу книгу в руки брал,
Вящи направлял,
Вящи направлял.
Он ни направился вящей да
Проклял Ванька со клучей,
Сам пашёл плисать,
Сам пашёл плисать.
Он наплисался, наскакался
Всю правую расписался,
Вышил на крыльцо,
Вышил на крыльцо.
О, вышил на крылечка,
Стукнул-брякнул ва калечка,
К яму конь бяжи,
К яму конь бяжит.
О, на каня манах садился,
Пад манахам конь бадрился,
В зеляных лугах,
В зеляных лугах.
При зилёненьким лужочке
Сели девки ва кружочек,
Девак ни нашёл,
Он девак ни нашёл.
Манах девак ни нашёл,
К чеснай вдовушке зашёл.
«Тута лягу спать.
Тута лягу спать».
Ён праснулся, прабудился,
На кравати очутился.
Зарявел: «Ура!»
Зарявел «Ура!»
У нас случилася бида,
Нималенькая,
Нималенькая.
У нас ни маленька бядушка –
Загарелася избушка,
Алы жаркыя,
Алы жаркыя.
Ой, ни жаркыя изба,
Зыгарелися драва.
Ох, печки-припечки
Павыприли.
У нас на лавайке квашня,
Ана на пыл ушла,
Ды парогу дашла,
Двери выстывила,

Всех павыставила.
У нас заловки-калатовки
Кала кошкам сидят,
При нявестам гаварят:
«Как нявестина стряпня –
Рукавом стрихня!»

120
Сабрал я пярушку, собрал я гастей,
С етами гастями всю ночь прасядел.
С етами гастями всю ночь прасидел,
Наутра праснулся, насила вустал.
Наутра праснулся, насила вустал.
Все бутылки-чашки па углам стаят.
Все бутылки-чашки па углам стаят.
Адна чашка Гали на белых сталах.
Адна чашка Гали на белых сталах.
Двери атварёны, красотку вядут.
Двери растварёны, красотку вядут.
На мяхки диване[1] спать мы с ей лягли.
На мяхки диване спать мы с ей лягли.
Взял яё любить, взял яё ласкать.
Взял яё любить, стал яё ласкать.
Ой-ой-ой-ой-ой-ой, за титьки хватать.
- Хватит всё...
(Смеются.)
- Астарели да адурели...
Ой-ой-о-ой, её за яё ...
Ана пабляднела ... [2]

[1] Другая исполнительница поёт – *пастели.*
[2] Исполнительницы не спели до конца песню, хотя были три попытки её записать. Во время одной записи они проговорили окончание этой строки: *«Ана пабляднела, ноги падняла».*

121
Эх, на дупе, на дубе
Да сеял Сенька гречку.
Эй, нанэ, карманэ,
Сеял Сенька гречку.
Пасылала миня мать
Вваравое гречку жать.
Ай, нанэ, тарнанэ,
В варавое гречку жать.
Ана жать, ни нажать,
В барузденьку праляжать.
Ай, нанэ, карнанэ,
В барузденьку праляжать.
Барузденька узденька –
Где ж улягимся с табой?
Ай, нанэ, карнанэ,

Где ж улягимся с табой?
Пад бревном халадном,
Пад кажушкай душна.
Ай, нанэ, карнанэ,
Пад кажушкай душна.
Пад кажушкай душна,
Без милова скучна.
Ай, нанэ, карнанэ,
Без милова скучна.

122
Трубка, трубка пинькавая, паследний раз табак курю.
Денех нас нету, да нет сроду ни капья.
Чем-та де..., но девкам песе(се)нку(ю) спа(ва)ю.
Девкам песенку спаю.
Вож вы нас девки да вые..., та вы чернявки,
Да за..., но завтре ж вы бую..., буде прая..., с пахмелья прапыдать.
Завтре будем прападать.
Схара(я)нитя-та в тем-та, в тем трахтере,
В като..., в каторэм бо(ё)льшя я пел-та, пел-гулял.
В каторэм больше пил-гулял.
Вы схарани(е)тя-та в тем ... в три стакана[1]
По го..., ой, горькая пья..., пьянице па маня.
Па горькай пьянице мене.
Ой, да если бы края..., кранчик(я)-та, атвернётся,
Зальё..., зальётся пья..., пьяница(я)-ка веном.
Зальётся пьяница вином.
Ой, да я ж вы к боё..., к бочке да пая..., ка паложти
Да га..., ой, галавою пады сая..., пад самый край.
Ой, да схаранитя да в тем-ка, в тем трахтере,
В като..., в каторым боё..., больше пе..., да пел-гулял.
В котором больше пил-гулял.
Эй, да яткадитя-та мне-та, мне магилу
Туре..., турецким лю..., ой, лёхким тая..., ка табаком.
Ой, пало(ё)жтя-та мне, ка мне в магилу
Да тру..., ой, трубку длинам мая..., ка маштуком.

[1] Исполнительницы путались при пении. В этой строке, видимо, должно было быть – «Позвоните в три стакана»

123
Фанарики-сударики
Па всёй Маскве гарят.
Оне гарят, оне гарят,
Ничё ни гаварят.
Чо видели, чо слышыли –
Ничё ни гаварят.
Мы видели, мы слышили
Гулянья в кабаке.
Мы видели, мы слышили

Гулянья в кабаке.
Аборваннэй, абшыпыннэй
С бутылычкэй в руке.
Аборваннэй, абшыпаннэй
С бутылычкэй в руке
Шатается, валяится
Галодный как кабель.
Шатается, валяится
Галодный как кабель.
И вон в кажнаю влюбляится
Па беднасти сваёй.
Он в кажнаю влюбляится
По беднасти сваёй.
Чернильная, варильная,
Бумажная душа.
Эх, выпить ищо хочится,
А денех ни граша.
Нам выпить ищо хочится,
А денех ни граша.

124
Развесёлый, ой, был у нас падрядчик.
Рассказать ли вам рассказ?
Эй, развесёлай, ой, был у нас падрядчик.
Рассказать ли вам рассказ?
Был он послан, ой, послан за палучкый,
За палучкай прошлый раз.
И был он послан, ой, послан за палучкый,
За палучкай прошлый раз.
Палучил он все сваи дяньжонки,
Вздумыл мальчик пагулять.
Ой, палу(ю)чил он все сваи дяньжонки,
Сдумал мальчик пагулять.
Шёл он улицей Бальшой Масковскэй,
Где стаял казенный дом.
Ой, шёл он улицей Бальшой Масковскэй,
Где стаял казенный дом.
Все вароты, ой, были растварёны,
Две красотки-та ва крыльца.
Ой, все вароты, ой, были да растварёны,
Две красотки ды у крыльца.
Две красотки, ой, стаят у крылечка,
Манют сизыва купца, у.
Две красотки, ой, стаят у крылечка,
Манют сизыва купца:
«Уж ты, купчик, ой, сизынькай галубчик,
Вы пажалуйте суда.
Ой, уж ты, ку(ю)пчик, ой, сизинькай галубчик,
Вы пажалуйте суда».

Разбойничьи и тюремные песни

125
Вы ... взайди-ка(я) ли взайди да ту...
Ой, туча гро, эх, да ли ту...
Туча гро..., ох, да ли ту...,
Ой, туча гро..., грозная.
Туча грозная,
Да вы спралей(ой)тя, ли спралейтя ча...,
Ой, частым до..., ох, да ли ча..., частым до...,
Ох, да ли ча..., частым дой..., дожичком.
Часта дожачик,
Да вы смачи(ой)тя ли, смачитя тю...,
Ой, тюрьму да ка..., ох, да ли тюй..., тюрьму ка...,
Ох, да ли тю..., ой, тюрьму да кай..., камену.
Тюрьму камину,
Да камина(ой)я же да тюрьма, ой, да ра...,
Ой, ра..., развали..., эх, да ли ра...,
Ой, развали..., ох, да ли ра..., ой, развалилася.
Развалилася,
Да все нявольничики, ой, да ра...,
Ой, рай..., разбижа..., эх, да ли ра...,
Ой, разбижа..., ох, да ли ра..., разбижалися.
Разбижалися.
Да на круту(о)ю ж да гору, ой, да са...,
Ой, сай..., сабира..., ох, да ли са..., ой, сабира...,
Ох, да ли сай..., сабиралися.
Сабиралися,
Да на Васток, да ли Богу мо...,
Ой, Богу мо..., ох, да ли Бо..., ох, Бо..., Богу мо...,
Ох, да ли Бой..., Бо..., Богу мо..., молятся.

126
Кармалютка паринь бравый,
Он та па свету хо(ё)дит
Да не одну(ю)-та ли он-та дявчонку,
Ой, да ли он, ой, он с ума(я)-та ня сво(воё)дит.
Он лишь с ама ня сво(ё)дит.
Да все званочики да пра..., ой празвинели,
Да ли все, ой, все ни ра..., ох, разам ста(я)ли,
Все не разам ста(я)ли.
Да жалка, жал(ы)ка да Ка..., ой, Кармалютку,
Да ли что, ой, что в Сибирь-та сасла(я)ли.
Да в Сибирь сасла(я)ли.
Да я Сибири да мальчик ни баюся,
Да ли на, ой, назад, ва..., ох, варачу(ю)ся.
Назад вара(я)чу(ю)ся.
Да люди ска(я)жут, что был я разбойник
Да ли лю..., ой, людей бил-та я гра(я)бил.
Людей бил-та я гра(я)бил.

Да не убил-та я братцы не агра(я)бил
Да ли сва..., ой, сваю ду(ю)шеньку ма(я)ил.

127
Ой, да папиросачика курва сгубила,
Сби..., ой, сблился с пра(я)вид(ы)нява пути.
Ой, да папиро(ё)сачика мине сгубила,
Сби..., ой, сбился с пра(я)виднава пути.
Ой, в адну дивчоначичку я, ой, влюбился,
Зай..., за ниё-та пашёл я страдать.
Ой, в адну дивчоначику толька влюбился,
За..., за ниё-та пашёл я страдать.
Ой, да пасадили-та мине на нядельку,
Прай..., прасидел-та я круй..., круглый год.
Ой, да пасадили-та мине на няделю,
Прай..., прасидел-та я круй..., круглый год.
Ай, да всем ли тава(ва)ришам пришла свабо(ё)да,
Мне, мне мальчишику да най, на расстрел.
Ой, да всем таваришам пришла свабо(ё)да,
Мне, мне мальчишику да най, на расстрел.
Ой, да павели-та мине толька к расстрелу,
Я, якружил-та мине, ой, канвой.
Ой, да павели-та мине толька к расстрелу,
Я, якружил-та мине, ой, канвой.
Ай, да восимь пу(о)лючик да пралятела,
Ми..., мима пра(я)вава, ой, плича.
Ой, да восимь пу(о)личик да пралятела
Ми..., мима пра(я)вава, ой, плича.
Ой, да как ли дивятая пуля лихадейка
При..., прилетела да пря..., пряма в грудь.
Ой, да как дивятая пуля лихайдека
При..., ой, прилетела да пряй..., пряма в грудь.

128
За рякой да за речкай
На тем беряжку
Ой, там та живёт дявчонка
Да всёй, всёй душе маёй.
Там та живет дявчонка
Всёй в душе моёй
Ой, я та в яё влюбился
Да я, я яё завлёк.
Я в яё влюбился,
Я её завлёк.
Ой, серцем парешился
Да ру..., ручку папрасил.
Серцем палюбился,
Ручку папрасил.
Ой, за лю(йу)бов за дружбу
Да я, атец дочь праклёл.

За любов за дружбу
Да атец дочь праклёл.
Ой, сижу да я о тямнице
Да си..., сижу я в сырой.
Сижу я в тямнице,
Сижу я в сырой.
Ой, ка мне да прилета(ва)еть
А..., арёл маладой.
Ка мне прилитает
Арёл маладой.
Ой, он та крыльями машыт
И, и завёт с сабой.
Он крыльями та машыт
И завёт с сабой,
Ой, палятим радна(о)я
Да за, за сине маря.

Бурятские песни в исполнении семейских

129
Хадаханш үндэрэйм оройдо
Хагсуунайнш үүлэн бага лэ(р)шуу —
Хагсуу(л)хай тэндэ(гэ)лэ.
Ханилһанш нүхэрэйм холохондол,
Халуунхан зүрхэндэм уярһандал.
Хаймалхан шамодуун сэрэгэндэ
Хайсанхан шэхэрэм
Сэрүүтэй!

Перевод:
На вершине высокой горы
Ненастных облаков немного –
Ненастье лишь наметилось.
Когда близкий друг далеко,
Мое горячее сердце печалится.
У наскоро обтесанной коновязи
Все осталось, как и прежде
Запрещено!

130
Хангал мүрэнэй(гэ) гургалдай лэ
Галха нуур дээрэ гэнэл доо (о-о-о),
Газар нютагай холохондо (о-о-о).
Газар ӊаашаа гүйлдээд зугаа соо мини.
Эрьел мүрэнэй(гэ) гургалдайл л-л,
Энээхэн үримнэй жэрэгэнэл доо (о-о-о),
Эхэл нютагайгаа холохондо.
Эльгэмни(м) эгэндээ тэрээнсэнэшгүй.

Перевод:
Жаворонок скалистой реки
Вдали от родной земли
Над огненным озером играет, говорят.
Когда я радуюсь, ног своих не чувствую.
Как жаворонок реки с берегами,
Вот, наш ребенок играет
Вдали от Родины-Матери.
Мое сердце с этим не может смирится.

131
Үүрэй(л) сэлыдоо
Үүрэйн Солбоноор соео шээ,
Үндэрхэн шаргалай сабшахуу(н),
Үелсэн(шэ) нүхэрэйм холохондо
Оорырым досоо уяранги.

Перевод:
Ранним утром
На заре, легким галопом [на лошади ты] приходил,
Стройный соловый печалится,
Из-за дальности моего единственного
Мое сердце [тоже] печалится.

132.
[Песня о женихе]

•••

Пересказ содержания песни (см. аудио-приложение, запись № 132):
- *Кусты шумят, вроде кусты оттуды, тее кусты, с западу шумят кусты. И вот эта, к тебе скоро жаних придет, ну ты как это, по-... .* [КГС]
- *Ну, судьба такая-то, вроде.* [КВА]
- *Жаних придет. Не, не, маева внука придет сын, жаних к тебе, вот. Вот.* [КГС]
- *Поется.* [КВА]
- *Ага, поется така. Там. Ну, вроде.* [КГС]

КОММЕНТАРИИ К ТЕКСТАМ

Песни русскоустьинцев

Тексты песен печатаются в том виде, в котором они представлены в архивах, с сохранением указаний на количество повторов строк, уточнением отдельных слоформ и примечаний. Названия даются по первой строке. Варианты приводятся только по публикациям произведений русскоустьинского фольклора.

Записи из АЯНЦ публикуются по копиям, хранящемся в БНЦ (инв. № 2181/3315, папки 1 и 2 Материалы фольклорной экспедиции в Якутскую АССР сектора русского народного творчества БИОН в 1973 г., под руководством Л.Е. Элиасова).

1. Виноградье красно-зелено.
Записано Кротовым М.А. от Струкова Николая, 1913 г. р., м. Хартыгыр, 1931 г. Выучена от отца-старика.
АЯНЦ, инв. № 1742, фонд 5, опись 1, ед. хр. 99, л. 7.
Вариант: [Чикачев 1990: 102].

2. Что не стук стучал у терема.
Записано Габышевым Н. А. от Чикачевой Ефросиньи Алексеевны, 1884 г. р., с. Русское Устье, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1234, фонд 5, опись 3, ед. хр. 769, л. 32.
Вариант: [Русское Устье 1986: № 194].

3. Со навечеру порошка шла.
Записано Габышевым Н. А. от Киселева Семена Петровича, 1885 г.р. с. Косухино, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1232, фонд 5, опись 3, ед. хр. 778, л. 4–5.

4. Баю, баю, мое дитятко.
Записано Габышевым Н. А. от Киселева Семена Петровича, 1885 г.р. с. Косухино, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1232, фонд 5, опись 3, ед. хр. 778, л. 29.

5. Соловей кукушечку уговаривал.
Записано Габышевым Н. А. от Каратаева Алексея Ивановича, 1889 г. р., м. Приморское, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1234, фонд 5, опись 3, ед. хр. 769, л. 35.
Варианты: [Русское Устье 1986: № 119; Чикачев 1990: 17, Зензинов 1920: 2].

6. Выше стоку жить на швете.
Записано Габышевым Н. А. от Киселева Семена Петровича, 1885 г.р., с. Косухино, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1232, фонд 5, опись 3, ед. хр. 778, л. 10.

7. На курганчике огонек горыт.
Записано Габышевым Н. А. от Чекачева Прокопия Тихоновича, 1894 г. р., м. Стариково, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1231, фонд 5, опись 3, ед. хр. 779, л. 9.

8. Ви поля, мои поля пришироки.
Записано Габышевым Н. А. от Чекачева Прокопия Тихоновича, 1894 г. р., м Стариково, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1231, фонд 5, опись 3, ед. хр. 779, л. 10.

9. Как большея сестра.
Записано Габышевым Н. А. от Чикачевой Матрены, с. Русское Устье, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1234, фонд 5, опись 3, ед. хр. 769, л. 45.

10. Яхали солдаты.
Записано Габышевым Н. А. от Чекачева Прокопия Тихоновича, 1894 г. р., м. Стариково, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1231, фонд 5, опись 3, ед. хр. 779, л. 24.

11. Один враг лукавый.
Записано Габышевым Н. А. от Киселева Семена Петровича, 1885 г.р., с. Косухино, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1232, фонд 5, опись 3, ед. хр. 778, л. 25.

12. Скажи, моя маминька.
Записано Габышевым Н. А. от Чикачева Семена Егоровича, 1868 г. р., м. Кузмичево, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1231, фонд 5, опись 3, ед. хр. 779, л. 2.

13. Девченочка плачат.
Записано Габышевым Н. А. от Киселева Семена Петровича, 1885 г.р. с. Косухино, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1232, фонд 5, опись 3, ед. хр. 778, л. 6.

14. Девчоночка плачет над быстрой рекой.
Записано Габышевым Н. А. от Чикачева Семена Егоровича, 1868 г. р., м. Кузмичево, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1231, фонд 5, опись 3, ед. хр. 779, л. 3–4.

15. Девчоночка плачет.
Записано Азбелевым С. Н., Дьяконовой Ю. Н., Матвеевым Г. В. от Щелкаловой Марии Семеновны, 1936 г.р., п. Полярный, 1977 г.
РО ИРЛИ. К. 268. П. 1. №. 102.

16. Поляк начал бунтовать.
Записано Габышевым Н. А. от Киселева Семена Петровича, 1885 г.р. с. Косухино, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1232, фонд 5, опись 3, ед. хр. 778, л. 9.
Вариант: [АЯНЦ, инв. № 1231, фонд 5, опись 3, ед. хр. 779, л. 42, Записано Габышевым Н.А., п. Полярное 1946 г.].

17. Омувались тры девчонки холонной водой.
Записано Габышевым Н. А. от Чекачева Прокопия Тихоновича, 1894 г. р., м. Стариково, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1231, фонд 5, опись 3, ед. хр. 779, л. 12.

18. Не нажиться нам с тобой.
Записано Габышевым Н. А. от Чикачевой Ефросиньи Алексеевны, 1884 г. р., с. Русское Устье, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1234, фонд 5, опись 3, ед. хр. 769, л. 33.

19. Эх, когда начинал с тобой гулять.
Записано Габышевым Н. А. от Марии Киселевой, молодой девушки, м. Полярное, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1234, фонд 5, опись 3, ед. хр. 769, л. 29.

20. Дело сделалось, спуштилось.
Записано Габышевым Н. А. от Киселева Семена Петровича, 1885 г.р., с. Косухино, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1232, фонд 5, опись 3, ед. хр. 778, л. 26.

21. Возвишилась луна.
Записано Габышевым Н. А. от Киселева Семена Петровича, 1885 г.р., с. Косухино, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1232, фонд 5, опись 3, ед. хр. 778, л. 19.

22. Что ж ты, пташка, приуныла.
Записано Габышевым Н. А. от Киселева Семена Петровича, 1885 г.р. с. Косухино, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1232, фонд 5, опись 3, ед. хр. 778, л. 11.

23. Шел бы парень ко девчине.
Записано Кротовым М. А.от Шкулева Митрофана Григорьевича, 1860 г. р., м. Стариково, 1931 г.
АЯНЦ, инв. № 1742, фонд 5, опись 1, ед. хр. 99, л. 4.

24. У зори у зореньки.
Записано Азбелевым С. Н., Дьяконовой Ю. Н., Матвеевым Г. В. от Портнягиной Екатерины Николаевны, 1915 г.р., п. Полярный, 1977 г.
РО ИРЛИ. К. 268. П. 1. №. 47.
Вариант: [Русское Устье 1986: 168].

25. Разлилась Волга широко.
Записано Азбелевым С. Н., Матвеевым Г. В. от Чикачевой Марии Ивановны, 1912 г.р., п. Полярный, 1977 г.
РО ИРЛИ. К. 268. П. 1. №. 50.

26. Как сидела Мария Ивановна.
Записано Габышевым Н. А. от Киселева Семена Петровича, 1885 г.р., с. Косухино, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1232, фонд 5, опись 3, ед. хр. 778, л. 25.
Вариант: [Русское Устье 1986: 158].

27. Бывал я в доме пребогатом.
Записано Габышевым Н. А. от Киселева Семена Петровича, 1885 г.р., с. Косухино, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1232, фонд 5, опись 3, ед. хр. 778, л. 28.

28. Где там речка протекла.
Записано Габышевым Н. А. от Киселева Семена Петровича, 1885 г.р., с. Косухино, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1232, фонд 5, опись 3, ед. хр. 778, л. 22.

29. Что ты зажурился, без доли родился.
Записано Кротовым М. А. от Струкова Николая, 1913 г. р., м. Хартыгыр, 1931 г. Выучена от отца-старика.
АЯНЦ, инв. № 1742, фонд 5, опись 1, ед. хр. 99, л. 7.

30. Вот за реченька слободушка стоит.
Записано Кротовым М. А. от Струкова Николая, 1913 г. р., м. Хартыгыр, 1931 г. Выучена от отца-старика.
АЯНЦ, инв. № 1742, фонд 5, опись 1, ед. хр. 99, л. 7.

31. Что за горницею за поварницею.
Записано Габышевым Н. А. от Черемкиной Пелагеи Николаевны, 1908 г.р., м. Приморское, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1231, фонд 5, опись 3, ед. хр. 779, л. 18

32. Молодой монашенько.
Записано Азбелевым С. Н., Дьяконовой Ю. Н., Матвеевым Г. В. от Стрюковой Анастасии Михайловны, 1914 г.р., п. Чокурдах, 1977 г.
РО ИРЛИ. К. 268. П. 1. №. 68.

33. Добро шепотко серденьской.
Записано Габышевым Н. А. от Черемкиной Пелагеи Николаевны, 1908 г.р., м. Приморское, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1231, фонд 5, опись 3, ед. хр. 779, л. 18.

14. По мосту-мосточку.
Записано Габышевым Н. А. от Каратаева Алексея Ивановича, 1889 г. р., м. Приморское, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1234, фонд 5, опись 3, ед. хр. 769, л. 44.
Варианты: [Русское Устье 1986: 169, 211].

15. Ой, по мосту, по калиному.
Записано Кротовым М.А. от Струкова Николая, 1913 г. р., м. Хартыгыр, 1931 г. Выучена от отца-старика.
АЯНЦ, инв. № 1742, фонд 5, опись 1, ед. хр. 99, л. 6.
Вариант: [Русское Устье 1986: 170].

16. Разливалась мать Камышенка река.
Записано Габышевым Н. А. от Киселева Семена Петровича, 1885 г.р., с. Косухино, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1232, фонд 5, опись 3, ед. хр. 778, л. 27–28.
Вариант: [Русское Устье 1986: 184].

17. Стой, Гаврюша, на робей.
Записано Габышевым Н. А. от Киселева Семена Петровича, 1885 г.р., с. Косухино, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1232, фонд 5, опись 3, ед. хр. 778, л. 24.

18. Там на фабричках чулочки.
Записано Габышевым Н. А. от Киселева Семена Петровича, 1885 г.р., с. Косухино, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1232, фонд 5, опись 3, ед. хр. 778, л. 11.

19. Яхали дворане из Новгорода.
Записано Габышевым Н. А. от Чикачева Семена Егоровича, 1868 г. р., м. Кузмичево, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1231, фонд 5, опись 3, ед. хр. 779, л. 2.
Вариант: [Русское Устье 1986: 173].

40. Омуканчик (См. запись № 40 в аудиоприложении).
Записано Осиповой В.Д. и Зоркиным В.И. от Чикачева Ивана Тихоновича, 1900 г. р., п. Полярный, 1973 г.
Личный архив В.Д. Осиповой.
Нотная расшифровка Г.Е. Солдатовой.
Варианты: [Чикачев 1990: 103; РО ИРЛИ. К. 268. П. 1. №. 66.].

41. Во саду ли, в огороде.
Записано Азбелевым С. Н., Дьяконовой Ю. Н., Матвеевым Г. В. от Стрюковой Анастасии Михайловны, 1914 г.р., п. Чокурдах, 1977 г.
РО ИРЛИ. К. 268. П. 1. №. 67.
Варианты: [Русское Устье 1986: 177, Зензинов 1920: № 9].

42. Летал голубь, летал седый со голубушкою (См. запись № 42 в аудиоприложении).
Записано Осиповой В.Д. и Зоркиным В.И.от Баловневой Марии Куприяновны, 1920 г.р., п. Чокурдах 1973 г. Песню слышала от бабушки.
Личный архив В.Д. Осиповой.
Варианты: [Русское Устье 1986: 175; Чикачев 1990: 17].
В 1977 г., видимо, от той же исполнительницы Азбелевым С. Н., Матвеевым Г. В. был записан следующий текст этой песни [РО ИРЛИ. К. 268. П. 1. №. 45]:
Летал голубь, летал сизый
И с голубушкою,
Да удалый молодец
С красной девицею.
Кабы ты, моя милая,

Со мной, с голубом, жила,
Я бы золотом обсыпал,
Жемчугом бы увитал,
А кабы летной порой
Раз-караты бра катал,
А кабы зимней порой
В Петербурге развожу
А на ямских лошадях,
На прекрасных санях.
Сядем рученьку во ручку,
Не почахнется,
Во другую сторону
Да не ворохнется.
Сядь уж ты, полетай,
Полетай, голубь, домой,
Полетай, голубь, домой,
Да распрощаемся с тобой.

43. Силиванов казачёк.
Записано Габышевым Н. А. от Каратаева Алексея Ивановича, 1889 г. р., м. Приморское, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1234, фонд 5, опись 3, ед. хр. 769, л. 46.
В сборнике «Фольклор Русского Устья» фрагменты этой песни опубликованы как частушки [Русское Устье 1986: 295], записанные М.Ф. Дружининой в 1967 г. от А.Н. Щелканова, которые представляют собой фрагменты этой песни:

Силиванов – казачёк,
Он почётный музичёк,
Сех он с радостью стречает,
Сех до сыта угощает. (№ 554)

К Ваське старшему зайдешь,
Сам голодный и уйдешь,
У них сордонки на рожне,
Как солдаты на войне. (№ 554)

Из сардонок кровь текот,
Барабанчики пэкот,
Барабанчик пригорел,
Васька старсой одурел. (№ 555)

44. Бекренев-от бешится.
Записано Габышевым Н. А. от Каратаева Алексея Ивановича, 1889 г. р., м. Приморское, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1234, фонд 5, опись 3, ед. хр. 769, л. 46.

45. Бул я мальчик, бул свободен.
Записано Габышевым Н. А. от Киселева Семена Петровича, 1885 г. р., с. Русское Устье, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1234, фонд 5, опись 3, ед. хр. 769, л. 54.

46. Один был мальчик, был свободен.
Записано Кротовым М.А. от Шкулева Митрофана Григорьевича, 1860 г. р.,
м. Стариково, 1931 г.
АЯНЦ, инв. № 1742, фонд 5, опись 1, ед. хр. 99, л. 3.

47. Ти рашти, моя рябина.
Записано Габышевым Н. А. от Чекачева Прокопия Тихоновича, 1894 г. р., м. Стариково, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1231, фонд 5, опись 3, ед. хр. 779, л. 10.

48. Рашти, моя рябина.
Записано Габышевым Н. А. от Киселева Семена Петровича, 1885 г.р. с. Косухино, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1232, фонд 5, опись 3, ед. хр. 778, л. 14.

49. Куда скрылись, удалились.
Записано Габышевым Н. А. от Киселева Семена Петровича, 1885 г.р., с. Косухино, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1232, фонд 5, опись 3, ед. хр. 778, л. 24.

50. Один бул юноша несчасный.
Записано Габышевым Н. А. от Киселева Семена Петровича, 1885 г.р., с. Косухино, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1232, фонд 5, опись 3, ед. хр. 778, л. 15.

51. Пора за порою, мой миленький с другой.
Записано Габышевым Н. А. от Чекачева Прокопия Тихоновича, 1894 г. р., м. Стариково, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1231, фонд 5, опись 3, ед. хр. 779, л. 23.

52. Пора за порою.
Записано Азбелевым С. Н., Матвеевым Г. В. от Чикачевой Марии Ивановны, 1912 г.р.,
п. Полярный, 1977 г.
РО ИРЛИ. К. 268. П. 1. №. 49.

53. Уродилась девица.
Записано Габышевым Н. А. от Чикачевой Ефросиньи Алексеевны, 1884 г. р., с .Русское Устье, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1234, фонд 5, опись 3, ед. хр. 769, л. 30.

54. У лисички есть гнездо.
Записано Азбелевым С. Н., Матвеевым Г. В. от Чикачевой Марии Ивановны, 1912 г.р.,
п. Полярный, 1977 г.
РО ИРЛИ. К. 268. П. 1. №. 51.

55. Пойду с горя в монастырь.
Записано Габышевым Н. А. от Черемкиной Пелагеи Николаевны, 1908 г.р., м. Приморское, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1231, фонд 5, опись 3, ед. хр. 779, л. 17.

56. Птичка божия не знала.
Записано Габышевым Н. А. от Киселева Семена Петровича 1885 г.р., с. Косухино, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1232, фонд 5, опись 3, ед. хр. 778, л. 18.

57. Остань, остань, тоска, на врэмо.
Записано Габышевым Н. А. от Киселева Семена Петровича, 1885 г.р., с. Косухино, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1232, фонд 5, опись 3, ед. хр. 778, л. 17.

58. Свисток свистит далече.
Записано Кротовым М.А. от Шкулева Митрофана Григорьевича, 1860 г. р., м. Стариково, 1931 г.
АЯНЦ, инв. № 1742, фонд 5, опись 1, ед. хр. 99, л. 5.
Вариант: [Зензинов 1914: 10].

59. Яхал из ярмарки ухарь купец.
Записано Габышевым Н. А. от Киселева Семена Петровича, 1885 г. р., с. Русское Устье, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1233, фонд 5, опись 3, ед. хр. 778, тетр. 1, л. 10.

60. Вот мчится тройка удалая.
Записано Азбелевым С. Н., Матвеевым Г. В. от Щелкаловой Марии Семеновны, 1936 г.р., п. Полярный, 1977 г.
РО ИРЛИ. К. 268. П. 1. №. 119.

61. При долине.
Записано Азбелевым С. Н., Дьяконовой Ю. Н., Матвеевым Г. В. от Шкулевой Марии Куприяновны, 1920 г.р., п. Чокурдах, 1977 г.
РО ИРЛИ. К. 268. П. 1. №. 46.

62. Шумел камыш, деревья гнулись.
Записано Азбелевым С. Н., Матвеевым Г. В. от Щелкаловой Марии Семеновны, 1936 г.р., п. Полярный, 1977 г.
РО ИРЛИ. К. 268. П. 1. №. 48.

63. От грома, от шнегу.
Записано Габышевым Н. А. от Каратаева Алексея Ивановича, 1889 г. р., м. Приморское, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1234, фонд 5, опись 3, ед. хр. 769, л. 39.
Вариант: [Русское Устье 1986: № 153].

64. От грома, от шнегу.
Записано Габышевым Н. А. от Киселева Семена Петровича, 1885 г.р., с. Косухино, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1232, фонд 5, опись 3, ед. хр. 778, л. 3.
Вариант: [Русское Устье 1986: № 153].

65. Александр Македонской ужасен был в миру.
Записано Габышевым Н. А. от Киселева Семена Петровича, 1885 г.р., с. Косухино, 1946 г.
АЯНЦ, инв. № 1232, фонд 5, опись 3, ед. хр. 778, л. 1.
В копии БНЦ текст песни записан без разбиения на строки.

66. Вниз по Волге-реке.
Записано Азбелевым С. Н., Дьяконовой Ю. Н., Матвеевым Г. В. от Щелкаловой Марии Семеновны, 1936 г.р., п. Полярный, 1977 г.
РО ИРЛИ. К. 268. П. 1. №. 37.

67. Черный ворон, что ты вьешься.
Записано Кротовым М.А. от Шкулева Митрофана Григорьевича, 1860 г. р., м. Стариково, 1931 г.
АЯНЦ, инв. № 1742, фонд 5, опись 1, ед. хр. 99, л. 4.

Песни семейских

Расшифровка песен семейских, исполняемых большими коллективами, представляет определенную трудность, заключающуюся, в частности, в вариативности текста при его одновременном пропевании несколькими исполнителями. Причины подобной вариативности лежат как в характере многоголосного пения, плохого знания слов отдельными песенниками, так и во влиянии на исполнение ситуации записи, при которой присутствуют малознакомые люди (собиратели). В данной публикации, если строка какой-либо песни исполнялась по-разному, выбирался только один из вариантов ее пропевания. Здесь также за отдельными

исключениями не воспроизводятся реплики и разговоры исполнителей (с ними можно ознакомиться при прослушивании аудиоприложения).

При расшифровке песен язык семейских и особенности пропевания слов переданы как можно точнее, но без ущерба восприятия содержания текстов. Последовательно отражен акающий характер говора семейских; вставные гласные и слоги заключены в круглые скобки (к примеру, *сво(воё)дит*), словообрывы обозначены многоточием (к примеру *пра..., ой, правители*); в тех же случаях, когда гласная в слове при пропевании тянется, это никак специально не обозначается.

Названия песен в основом даются по первой строке, с соблюдением литературой нормы. Но если исполнители называли песню сами, то в этом случае название стоит в кавычках.

Варианты песен приводятся только по публикациям произведений семейского фольклора.

Все аудиозаписи песен в формате mp3 публикуются в аудиоприложении. Номера текстов песен соответствуют номерам файлов (№№ 68-132).

68. Пущу стрелу да вдоль по улице.
с. Куйтун Тарбагатайского р-на Бурятии, 2000 г.
Исполнители: К.О. Власова, 1931 г.р., Е.Е. Спиридонова, 1935 г.р., М.А. Преснякова, 1933 г.р., М.С. Шурыгина, 1932 г.р., Е.И. Родионова, 1926 г.р., К.С. Родионова, 1924 г.р., А.И. Власова, 1933 г.р., П.Л. Васильева, 1931 г.р., П.А. Спиридонова, 1933 г.р., П.К. Белокова, 1930 г.р.
Запись: В.Л. Кляус, Л.Н. Ильюшенкова, М.Ю. Щапова, Marcus Levitt, Camille Perkins, Natalie Ross, Richard McIlvery, Amy Deng.
Личный архив В.Л. Кляуса. Аудиозапись опубликована в Справочно-библиографическом CD «Традиционная культура старообрядцев (семейских) Забайкалья» / Сост. В.Л. Кляус. (2001)
Варианты: [Хороводные... 1985: № 168; Болонев, Выхристюк 2002: 123].

69. Что ни ягадка по блюдичку катается.
с. Архангельское Красночикойского р-на Читинской обл., 1997 г.
Исполнители: П.Е. Михайлова, 1939 г.р.; С.Ф. Самсонова, 1935 г.р.; А.А. Сидорова, 1936 г.р.; А.Е. Сетова, 1929 г.р.; В.Ф. Негодяева, 1934 г.р.; А.И. Негодяева, 1930 г.р.; М.Ф. Шекунова, 1940 г.р. (все род. в Архангельском.); А.Т. Титова, 1939 г.р. (род. в с. Александровка).
Запись: В.Л. Кляус, Л.Н. Ильюшенкова, В.С. Левашов.
ФЭ ИМЛИ, 1997/98 (Забайкалье)CD № 5. Аудиозапись опубликована в [Кляус 2001а].
Варианты: [ОПРСС 1981: № 238; Экспедиции 2003: 1: 14].

70. Ох, молодка моя.
с. Конкино Красночикойского р-на Читинской обл. 1997 г.
Исполнители: Т.И. Алексеева, 1932 г.р., Е.Г. Воровская, 1906 г.р., Е.Н. Никифорова, 1906 г.р., В.Н. Климова, 1914 г.р., Е.Н. Сутемнева, 1925 г.р. (все род. в Хилкотое).
Запись: В.Л. Кляус, Л.Н. Ильюшенкова.
ФЭ ИМЛИ, 1997 (Забайкалье)CD № 1.

71. Полетим, кукушка, в тёмный лес гулять.
с. Куйтун Тарбагатайского р-на Бурятии, 2000 г.
Исполнители и запись см. № 68.
Личный архив В.Л. Кляуса. Аудиозапись опубликована в [Кляус 2001а].
Варианты: [Фольклор 1963: 124; Дорофеев 1989: №№ 69, 74; Зенкова, Кирюшкина 2001: № 72].

72. Эх, зимушка зима.
с. Хилкотой Красночикойского р-на Читинской обл., 1997 г.
Исполнители: М.В. Алексеева, 1922 г.р., Е. Никифорова, 1924 г.р., Е.М. Емельянова, 1924 г.р., Е.А. Никифорова, 1930 г.р., Т.А. Вдовина, 1915 г.р., А.С.Лисихина, 1934 г.р., А.И. Капустин, 1927 г.р. (все род. в Хилкотое).
Запись: В.Л. Кляус, Л.Н. Ильюшенкова, В.С. Левашов.
ФЭ ИМЛИ, 1997/98 (Забайкалье)CD № 2. Аудиозапись опубликована в [Кляус 2001а].
Варианты: [Фольклор 1963: №№ 142, 311].

73. Ох, звала, звала девка парня.
с. Хилкотой Красночикойского р-на Читинской обл., 1997 г.
Исполнители и запись см. № 72.
ФЭ ИМЛИ, 1997/98 (Забайкалье)CD № 2.
Варианты: [Фольклор 1963: №№ 142, 311].

74. Калина-малина рано расцвела.
с. Альбитуй Красночикойского р-на Читинской обл., 1997 г.
Исполнители: А.Г.Филатова, 1917 г.р., Е.Михайлова, С.Волошина, М.Андреевская Н.М.Соснина, Л.Ланоцова.
Запись: В.Л.Кляуса, Л.Н.Ильюшенковой, В.С.Левашова.
ФЭ ИМЛИ, 1997/98 (Забайкалье)CD № 4.
Варианты: [Фольклор 1963: № 164, 166, 169, 213; Дорофеев 1989: № 64; Волков 1996: № 4; Зенкова, Кирюшкина 2001: № 35, 83].

75. Течет реченька, она быстрая.
с. Десятниково Тарбагатайского р-на Бурятии, 2001 г.
Исполнители: В.П. Черных, 1938 г.р., Е.П. Матвеева, 1935 г.р., А.И. Матвеева, 1934 г.р., Л.И. Павлова, 1938 г.р., Т.П. Пискунова, 1929 г.р., М.О. Чистякова, 1930 г.р.
Запись: В.Л. Кляус
Личный архив В.Л. Кляуса.
Варианты [Фольклор 1963: № 141, 328; Зенкова, Кирюшкина 2001: № 77].

76. Ой, горы-та мои, закубастые.
с. Укыр Красночикойского р-на Читинской обл., 2000 г.
Исполнители: А.Д. Евсевлеева, 1922 г.р.; О.М. Карелова, 1934 г.р.; А.И. Арефьева, 1918 г.р. Т.П. Афанасьева, 1943 г.р.; Е.Е. Михайлова, 1932 г.р.; П.А. Карелова, 1925 г.р.; У.Я. Афанасьева, 1942 г.р.; М.Е. Зорина, 1926 г.р.; А.Д. Арефьева, 1935 г.р.; М.И. Арефьева, 1928 г.р.; Ф.С. Арефьева, 1926 г.р.; Е.Ф. Арефьева, 1911 г.р.
Запись: В.Л. Кляус, Л.Н. Ильюшенкова, М.Ю. Щапова, Marcus Levitt, Camille Perkins, Natalie Ross, Richard McIlvery, Amy Deng.
Личный архив В.Л. Кляуса. Аудиозапись опубликована в [Укыр 2001].
Варианты: [Фольклор 1963: № 130; Дорофеев 1989: № 17; Болонев, Выхристюк 2002: 108–109]

77. Забелели снеги.
с. Хилкотой Красночикойского р-на Читинской обл., 1997 г.
Исполнители и запись см. № 72.
ФЭ ИМЛИ, 1997/98 (Забайкалье)CD № 3.
Варианты: [Фольклор 1963: № 172; Дорофеев 1989: № 25; Зенкова, Кирюшкина 2001: № 87; Болонев, Выхристюк 2002: 146–152].

78. Под окошечком сидел добрый молодец.
с. Укыр Красночикойского р-на Читинской обл., 2000 г.
Исполнители и запись см. № 76.
Личный архив В.Л. Кляуса. Аудиозапись опубликована в [Укыр 2001].
Вариант: [Зенкова, Кирюшкина 2001: № 17].

79. Ой, да по ту сторону Байкала.
с. Малоархангельское Красночикойского р-на Читинской обл., 2000 г.
Исполнители: А.М. Иванова, 1927 г.р.; Е.А. Иванова, 1938 г.р.; А.С. Иванова, 1936 г.р.; Л.И. Жукова, 1937 г.р.; В.А. Васильева, 1940 г.р.; Е.Н. Михайлова, 1932 г.р.; П.В. Ведерникова, 1931 г.р.

Запись: В.Л. Кляус, Л.Н. Ильюшенкова, М.Ю. Щапова, Marcus Levitt, Camille Perkins, Natalie Ross, Richard McIlvery, Amy Deng.
Личный архив В.Л. Кляуса. Аудиозапись опубликована в [Кляус 2001а].
Варианты: [Старый фольклор 1939: № 177; Фольклор 1963: № 263; Дорофеев 1989: № 72; Волков 1996; № 18; Зенкова, Кирюшкина 2001: № 49].

80. Ой, да ты калинушка.
с. Десятниково Тарбагатайского р-на Бурятии, 2001 г.
Исполнители и запись см. № 75.
Личный архив В.Л. Кляуса. Аудиозапись опубликована в [Кляус 2001а].
Варианты: [Старый фольклор 1939: № 180; Фольклор 1963: № 260].

81. Уж ты удаль, моя удаль.
с. Укыр Красночикойского р-на Читинской обл., 2000 г.
Исполнители и запись см. № 76.
Личный архив В.Л. Кляуса.
Варианты: [Старый фольклор 1939: № 184; Фольклор 1963: № 173, 178].

82. Замот-та ли замот.
с. Укыр Красночикойского р-на Читинской обл., 2000 г.
Исполнители и запись см. № 76.
Личный архив В.Л. Кляуса. Аудиозапись опубликована в [Укыр 2001].
Вариант: [Зенкова, Кирюшкина 2001: № 7].

83. Плыла-та ли, плыла птица по морюшку.
с. Укыр Красночикойского р-на Читинской обл., 1998 г.
Исполнители: А.Д. Евсевлеева, 1922 г.р.; А.Ф. Арефьева, 1931 г.р.; В.И. Арефьева, 1938 г.р., А.Д. Арефьева, 1935 г.р.; А.П. Михайлова, 1940 г.р.; О.М. Карелова, 1934 г.р.; П.А. Карелова, 1925 г.р., А.И. Арефьева, 1918 г.р.; М.И. Арефьева, 1928 г.р. (все род. в Укыре.); Т.П. Афанасьева, 1943 г.р. (род. в д. Шонуй.).
Запись: В.Л. Кляус, Л.Н. Ильюшенкова, М.Ю. Щапова.
ФЭ ИМЛИ, 1997/98 (Забайкалье) CD № 7.
Варианты: [Фольклор 1963: 138; Зенкова, Кирюшкина 2001: №№ 10, 66; Болонев, Выхристюк 2002: 106-107].

84. Ой, распевала-та пташечка.
с. Укыр Красночикойского р-на Читинской обл. 2000 г.
Исполнители и запись см. № 76.
Личный архив В.Л. Кляуса. Аудиозапись опубликована в [Укыр 2001].
Вариант: [Зенкова, Кирюшкина 2001: № 16].

85. Ах, похожу-ка я млада.
с. Укыр Красночикойского р-на Читинской обл. 1998 г.
Исполнители и запись см. № 83.
ФЭ ИМЛИ, 1997/98 (Забайкалье) CD № 4.
Вариант: [Зенкова, Кирюшкина 2001: № 3].

86. Сохнет, вянет во полюшке травушка.
с. Архангельское Красночикойского р-на Читинской обл., 2002 г. (запись сделана в Москве).
Исполнители: А.Т. Титова, 1939 г.р.; А.И. Негодяева, 1930 г.р.; А.А. Титова, 1949 г.р.; Т.П. Коновалова, 1949 г.р.; А.И. Кондратьева, 1936 г.р.; П.К. Шекунова, 1937 г.р.; А.Е. Сетова, 1929 г.р.
Запись: В.Л. Кляус.
Личный архив В.Л. Кляуса
Вариант: [Зенкова, Кирюшкина 2001: № 41].

87. Уезжает, едет милый, оставляет.
с. Архангельское Красночикойского р-на Читинской обл., 2000 г.
Исполнители: С.Ф. Самсонова, 1935 г.р.; А.А. Сидорова, 1936 г.р.; П.Е. Михайлова, 1929 г.р.; А.Д. Михайлова, 1949 г.р.; М.Ф. Шекунова, 1940 г.р.; П.К. Шекунова, 1937 г.р.; В.Ф. Негодяева, 1934 г.р.; А.Т. Титова, 1939 г.р.; Е.А. Сетова, 1929 г.р.; А.И. Кондратьева, 1936 г.р.
Запись: В.Л. Кляус, Л.Н. Ильюшенкова, М.Ю. Щапова, Marcus Levitt, Camille Perkins, Natalie Ross, Richard McIlvery, Amy Deng.
Личный архив В.Л. Кляуса.
Варианты: [Фольклор 1963: № 56; Волков 1996: № 53].

88. Уж вы, кумушки.
с. Архангельское Красночикойского р-на Читинской обл., 2000 г.
Исполнители и запись см. № 87.
Личный архив В.Л. Кляуса.

89. Мамонька моя бранится.
с. Большой Куналей Тарбагатайского р-на Бурятии, 2001 г.
Исполнители: М.П. Васильева, 1940 г.р., Н.Г. Кушнарева, 1940 г.р., А.К. Федоров, 1932 г.р., И.В. Галиндухина, 1934 г.р., Г.А. Рымарева, 1940 г.р., Л.П. Назарова, 1926 г.р., Н.Ф. Кушнарева, 1970 г.р.
Запись: В.Л. Кляус.
Личный архив В.Л. Кляуса.

90. Ой, да просвяти, месяц.
с. Большой Куналей Тарбагатайского р-на Бурятии, 2001 г.
Исполнители и запись см. № 89.
Личный архив В.Л. Кляуса.
Варианты: [Старый фольклор 1939: № 150; Фольклор 1963: № 65, 66].

91. Сады мои, сады.
с. Бичура Бичурского р-на Бурятии, 2000 г.
Исполнители: Т.С. Нестерова, 1931 г.р., Е.Н. Григорьева, 1936 г.р., Н.П. Скуратова, 1940 г.р., М.А. Борисова, 1924 г.р., М.С. Зорикова, 1933 г.р., М.П. Слепнев, 1935 г.р., М.К. Слепнева, 1938 г.р.
Запись: В.Л. Кляус, Л.Н. Ильюшенкова, М.Ю. Щапова, Marcus Levitt, Camille Perkins, Natalie Ross, Richard McIlvery, Amy Deng.
Личный архив В.Л. Кляуса.
Варианты: [Фольклор 1963: № 1; Дорофеев 1989: № 84].

92. По борочку брала, брала ягодку земляниченку.
с. Архангельское Красночикойского р-на Читинской обл., 2000 г.
Исполнител и запись см. № 87.
Личный архив В.Л. Кляуса.
Варианты: [Старый фольклор № 144; Фольклор 1963: № 170; Зенкова, Кирюшкина 2001: № 50]

93. Гуляла Машенька по садочку.
с. Куйтун Тарбагатайского р-на Бурятии, 2000 г.
Исполнители и запись см. № 68.
Личный архив В.Л. Кляуса.
Вариант: см. № 92.

94. Во субботу день ненастный.
с. Архангельское Красночикойского р-на Читинской обл., 2002 г. (запись сделана в Москве).
Исполнители и запись см. № 86.

Личный архив В.Л. Кляуса.
Вариант: [Зенкова, Кирюшкина 2001: № 36].

95. Развевайся ты, берёза,
с. Покровка Бичурского р-на Бурятии, 2004 г.
Исполнители: М.А. Андрианова, 1962 г.р.; Е.И. Пантелеева, 1937 г.р.,; М.И. Васильева, 1943 г.р.; К.Я. Качалова, 1933 г.р.; К.А. Пантелеева, 1929 г.р.
Запись: Н.А. Антропова, Т.М. Анахова, В.Л. Кляус.
Личный архив В.Л. Кляуса.
Варианты: [Фольклор 1963: № 55а, 176; Дорофеев 1989: № 78; Волков 1996: № 50; Зенкова, Кирюшкина 2001: № 55].

96. Три я года за девушкой ухаживал.
с. Покровка Бичурского р-на Бурятии, 2004 г.
Исполнители и запись см. № 95.
Личный архив В.Л. Кляуса.

97. Погасло солнце за горой.
с. Судутуй Бичурского р-на Бурятии, 2004 г.
Исполнители: В.А. Калашникова, 1934 г.р., (род. в Петропавловке, в Судутуе с 1958 г.), А.О. Калашникова, 1935 г.р., (род. в Петропавловке, в Судутуе с 1955 г.)
Запись: Н.А. Антропова, Т.М. Анахова, В.Л. Кляус.
Личный архив В.Л. Кляуса.

98. Ой, ты, мамонька, моя, родимая.
с. Укыр Красночикойского р-на Читинской обл., 2000 г.
Исполнители и запись № 76.
Личный архив В.Л. Кляуса. Аудиозапись опубликована в [Укыр 2001].
Варианты [РСПС 1979: № 271; Зенкова, Кирюшкина 2001: № 2].

99. Ой, да ни па реченьки лябёдушка плывет.
с. Архангельское Красночикойского р-на Читинской обл., 1997 г.
Исполнители и запись см. № 69.
ФЭ ИМЛИ, 1997/98 (Забайкалье)CD № 5. Аудиозапись опубликована в [Кляус 2001а].
Варианты: [РСПС 1979: № 273; Зенкова, Кирюшкина 2001: № 32].

100. Ой, дороженька, ну, мая.
с. Бичура Бичурского р-на Бурятии, 2000 г.
Исполнители и запись см. № 91.
Личный архив В.Л. Кляуса.
Вариант: [Экспедиции 2003: 26].

101. Там дороженька лежит.
с. Укыр Красночикойского р-на Читинской обл., 2000 г.
Исполнители и запись см. № 76.
Личный архив В.Л. Кляуса. Аудиозапись опубликована в [Укыр 2001].
Вариант: [Зенкова, Кирюшкина 2001: № 73].

102. О чём задумался, ой, служебный.
с. Альбитуй Красночикойского р-на Читинской обл., 1997 г.
Исполнители и запись см. № 74.
ФЭ ИМЛИ, 1997/98 (Забайкалье)CD № 4.
Вариант: [Фольклор 1963: № 221].

103. Полно вам, снежочки, на крутой горе лежать.
с. Хилкотой Красночикойского р-на Читинской обл., 1997 г.
Исполнители и запись см. № 72.
ФЭ ИМЛИ, 1997/98 (Забайкалье)CD № 3. Аудиозапись опубликована в [Кляус 2001а].
Вариант: [Фольклор 1963: № 258].

104. Вы послушайте, стрелочки.
с. Хилкотой Красночикойского р-на Читинской обл., 1997 г.
Исполнители и запись см. № 72.
ФЭ ИМЛИ, 1997/98 (Забайкалье)CD № 3.
Вариант: [Фольклор 1963: № 236].

105. Ох, не туман с моря поднялся.
с. Укыр Красночикойского р-па Читинской обл., 2000 г.
Исполнители и запись см. № 76.
Личный архив В.Л. Кляуса. Аудиозапись опубликована в [Укыр 2001].

106. Ой, я малым.
с. Архангельское Красночикойского р-н Читинской обл., 1997 г.
Исполнители и запись см. № 69.
ФЭ ИМЛИ, 1997/98 (Забайкалье)CD № 5.
Варианты: [Старый фольклор 1939: № 111; Фольклор 1963: № 211; Хороводные... 1985: №248 Дорофеев 1989: № 82; Волков 1996: № 40].

107. Ой, соловей ты, наш маленький.
с. Архангельское Красночикойского р-н Читинской обл., 2000 г.
Исполнители и запись см. № 87.
Личный архив В.Л. Кляуса.
Вариант: [Зенкова, Кирюшкина 2001: № 44].

108. «Ивушка».
с. Конкино Красночикойского р-на Читинской обл., 1997 г.
Исполнители и запись см. № 70.
ФЭ ИМЛИ, 1997/98 (Забайкалье)CD № 1. Аудиозапись опубликована в [Кляус 2001а].
Варианты: [Фольклор 1963: № 6, 325; Дорофеев 1989: № 43; Болонев, Выхристюк 2002: 118 119; Экспедиции 2003: 2: 15].

109. Ох, не ходи-ка, мил кудрявый.
с. Укыр Красночикойского р-на Читинской обл., 2000 г.
Исполнители и запись см. № 76.
Личный архив В.Л. Кляуса. Аудиозапись опубликована в [Укыр 2001].
Варианты: [Фольклор 1963: № 299; Дорофеев 1989: №№ 80, 96].

110. В ледях вижу белый снег напал.
с. Укыр Красночикойского р-на Читинской обл., 2000 г.
Исполнители и запись см. № 76.
Личный архив В.Л. Кляуса. Аудиозапись опубликована в [Укыр 2001].

111. Ой, веселая голова.
с. Архангельское Красночикойского р-на Читинской обл., 2000 г.
Исполнители и запись см. № 87.
Личный архив В.Л. Кляуса.
Варианты: [Волков 1996 № 42; Зенкова, Кирюшкина 2001: № 54].

112. Ой, да по озеру туман.
с. Архангельское Красночикойского р-н Читинской обл., 2000 г.

Исполнители и запись см. № 87.
Личный архив В.Л. Кляуса.

113. «Варварушка».
с. Укыр Красночикойского р-на Читинской обл., 2000 г.
Исполнители и запись см. № 76.
Личный архив В.Л. Кляуса. Аудиозапись опубликована в [Укыр 2001].
Вариант: [Зенкова, Кирюшкина 2001: № 78].

114. Ромадушка белая.
с. Гутай Красночикойского р-на Читинской обл., 2000 г.
Исполнитель: Д.А. Арефьева, 1925 г.р.
Запись: В.Л. Кляус, Л.Н. Ильюшенкова, М.Ю. Щапова, Marcus Levitt, Camille Perkins, Natalie Ross, Richard McIlvery, Amy Deng.
Личный архив В.Л. Кляуса.

115. Не с кем в поле-то работать.
с. Малоархангельское Красночикойского р-на Читинской обл., 2000 г.
Исполнители и запись см. № 79.
Личный архив В.Л. Кляуса. Аудиозапись опубликована в [Кляус 2001а].

116. Ой, узоры, узоры узорчистые.
с. Малоархангельское Красночикойского р-на Читинской обл., 2000 г.
Исполнители и запись см. № 79.
Личный архив В.Л. Кляуса.
Варианты: [Волков 1996: № 44; Зенкова, Кирюшкина 2001: № 90].

117. Вот приехали два братца.
с. Укыр Красночикойского р-на Читинской обл., 2000 г.
Исполнители и запись см. № 76.
Личный архив В.Л. Кляуса. Аудиозапись опубликована в [Укыр 2001].
Вариант: [Зенкова, Кирюшкина 2001: № 26].

118. Было у тёщеньки семеро зятей.
с. Укыр Красночикойского р-на Читинской обл., 2000 г.
Исполнители и запись см. № 76.
Личный архив В.Л. Кляуса. Аудиозапись опубликована в [Укыр 2001].
Варианты: [Фольклор 1963: № 284; Зенкова, Кирюшкина 2001: № 27].

119. «Заловки-калатовки» (другое название песни «Монашенька»).
с. Конкино Красночикойского р-на Читинской обл. 1997 г.
Исполнители и запись см. № 70.
ФЭ ИМЛИ, 1997/98 (Забайкалье)CD № 1.

120. Собрал я пирушку.
с. Конкино Красночикойского р-на Читинской обл. 1997 г.
Исполнители и запись см. № 70.
ФЭ ИМЛИ, 1997/98 (Забайкалье)CD № 2. Аудиозапись опубликована в [Кляус 2001а].

121. Эх, на дубе, на дубе.
с. Бичура Бичурского р-на Бурятии, 2000 г.
Исполнители и запись см. № 91.
Личный архив В.Л. Кляуса.

122. Трубка, трубка пеньковая.
с. Конкино Красночикойского р-на Читинской обл. 1997 г.
Исполнители и запись № 70.
ФЭ ИМЛИ, 1997/98 (Забайкалье) CD № 1.

123. Фонарики-сударики.
с. Бичура Бичурского р-на Бурятии, 2000 г.
Исполнители и запись № 91.
Личный архив В.Л. Кляуса.

124. Развесёлый был у нас подрядчик.
с. Малоархангельское Красночикойского р-на Читинской обл., 2000 г.
Исполнители и запись № 79.
Личный архив В.Л. Кляуса. Аудиозапись опубликована в [Кляус 2001а].

125. Взайди-ка, туча грозная.
с. Архангельское Красночикойского р-на Читинской обл., 1997 г.
Исполнители и запись № 69.
ФЭ ИМЛИ, 1997/98 (Забайкалье)CD № 4. Аудиозапись опубликована в [Кляус 2001а].
Варианты: [Фольклор 1963: № 394; Зенкова, Кирюшкина 2001: № 34].

126. Кармалютка парень бравый.
с. Большой Куналей Тарбагатайского р-на Бурятии, 2001 г.
Исполнители и запись см. № 89.
Личный архив В.Л. Кляуса.
Варианты [Фольклор 1963: № 380; Дорофеев 1989: № 33; Болонев, Выхристюк 2002: 155–156].

127. «Папиросочка»
с. Большой Куналей Тарбагатайского р-на Бурятии, 2001 г.
Исполнители и запись см. № 89.
Личный архив В.Л. Кляуса.

128. За рекой, да за речкой.
с. Альбитуй Красночикойского р-на Читинской обл., 1997 г.
Исполнители и запись см. № 74.
ФЭ ИМЛИ, 1997/98 (Забайкалье)CD № 4. Аудиозапись опубликована в [Кляус 2001а].
Варианты: [Старый фольклор 1939: № 1; Фольклор 1963: № 419, 420].

Бурятские песни в исполнении семейских

129. Хадаханш үндэрэйм оройдо [На вершине высокой горы].
с. Петропавловка Бичурского р-на Бурятии, 2004 г.
Исполнитель: М.А. Болдырева, 1932 г.р.
Запись: Н.А. Антропова, Т.М. Анахова, В.Л. Кляус.
Расшифровка и перевод текста А.Г. Гомбожапова.
Личный архив В.Л. Кляуса.

130. Хангал мүрэнэй(гэ) гургалдай лэ [Жаворонок скалистой реки].
с. Петропавловка Бичурского р-на Бурятии, 2004 г.
Исполнитель, запись, расшифровка и перевод см. № 129.
Личный архив В.Л. Кляуса.

131. Үүрэй(л) сэлыдоо [Ранним утром]
с. Петропавловка Бичурского р-на Бурятии, 2004 г.
Исполнитель, запись, расшифровка и перевод см. № 129.
Личный архив В.Л. Кляуса.

132. [Песня о женихе].
с. Судутуй Бичурского р-на Бурятии, 2004 г.
Исполнители: Г.С. Калашников, 1932 г.р., род. в с. Судутуй (родители – мать из Бичуры, отец из Мухоршибири – приехали в Судутуй в 20-е гг.); В.А. Калашникова, 1934 г.р., (род. в с. Петропавловка, в Судутуе с 1958 г.), А.О. Калашникова, 1935 г.р., (род. в с. Петропавловка, в Судутуе с 1955 г.).
Запись: Н.А. Антропова, Т.М. Анахова, В.Л. Кляус.
Личный архив В.Л. Кляуса.
Песня дается без расшифровки на бурятском языке. Основное содержание текста пересказано на русском языке одним из исполнителей – Г.С. Калашниковым.

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ ПЕСЕН

Песни русскоустьинцев

Александр Македонской ужасен был в миру. № 65.
Баю, баю, мое дитятко. № 4.
Бекренев-от бешится. № 44.
Бул я мальчик, бул свободен. № 45.
Бывал я в доме пребогатом. № 27.
Ви поля, мои поля пришиpокие. № 8.
Виноградье красно-зелено. № 1.
Вниз по Волге-реке. № 66.
Во саду ли, в огороде. № 41.
Возвишилась луна. № 21.
Вот за реченька слободушка стоит. № 30.
Вот мчится тройка удалая. № 60.
Выше стоку жить на швете. № 6.
Где там речка протекла. № 28.
Девченочка плачат. № 13.
Девчоночка плачет. № 15.
Девчоночка плачет над быстрой рекой. № 14.
Дело сделалось, спуштилось. № 20.
Добро шепотко серденьской. № 33.
Как большея сестра. № 9.
Как сидела Мария Ивановна. № 26.
Куда скрылись, удалились. № 49.
Летал голубь, летал седый со голубушкою № 42.
Молодой монашенько. № 32.
На курганчике огонек горыт. № 7.
Не нажиться нам с тобой. № 18.
Один бул юноша несчасный. № 50.
Один был мальчик, был свободен. № 46.
Один враг лукавый. № 11.
Ой, по мосту, по калиному. № 35.
Омувались тры девчонки холонной водой. № 17.
Омуканчик № 40.
Остань, остань, тоска, на врэмо. № 57.
От грома, от шнегу. № 63.

От грома, от шнегу. № 64.
По мосту-мосточку. № 34.
Пойду с горя в монастырь. № 55.
Поляк начал бунтовать. № 16.
Пора за порою, мой миленький с другой. № 51.
Пора за порою. № 52.
При долине. № 61.
Птичка божия не знала. № 56.
Разлилась Волга широко. № 25.
Разливалась мать Камышенка река. № 36.
Рашти, моя рябина. № 48.
Свисток свистит далече. № 58.
Силиванов казачёк. № 43.
Скажи, моя маминька. № 12.
Со навечеру порошка шла. № 3.
Соловей кукушечку уговаривал. № 5.
Стой, Гаврюша, на робей. № 37.
Там на фабричках чулочки. № 38.
Ти рашти, моя рябина. № 47.
У зори у зореньки. № 24.
У лисички есть гнездо. № 54.
Уродилась девица. № 53.
Черный ворон, что ты вьешься. № 67.
Что ж ты, пташка, приуныла. № 22.
Что за горницею за поварницею. № 31.
Что не стук стучал у терема. № 2.
Что ты зажурился, без доли родился. № 29.
Шел бы парень ко девчине. № 23.
Шумел камыш, деревья гнулись. № 62.
Эх, когда начинал с тобой гулять. № 19.
Яхал из ярмарки ухарь купец. № 59.
Яхали дворане из Новгорода. № 39.
Яхали солдаты. № 10.

Песни семейских

Ах, похожу-ка я млада. № 85.
Было у тёщеньки семеро зятей. № 118.
В ледях вижу белый снег напал. № 110.
Варварушка. № 113.
Взайди-ка, туча грозная. № 125.
Во субботу день ненастный. № 94.
Вот приехали два братца. № 117.
Вы послушайте, стрелочки. № 104.
Гуляла Машенька по садочку. № 93.
За рекой, да за речкой. № 128.
Забелели снеги. № 77.
Заловки-калатовки. № 119.
Замот-та ли замот. № 82.

Инушка. № 108.
Калина-малина рано расцвела. № 74.
Кармалютка парень бравый. № 126.
Мамонька моя бранится. № 89.
Не с кем в поле-то работать. № 115.
О чём задумался, ой, служебный. № 102.
Ой, веселая голова. № 111.
Ой, горы-та мои, закубастые. № 76.
Ой, да ни па реченьки лябёдушка плывет. № 99.
Ой, да по ту сторону Байкала. № 79.
Ой, да по озеру туман. № 112.
Ой, да просвяти, месяц. № 90.
Ой, да ты калинушка. № 80.
Ой, дороженька, ну, мая. № 100.
Ой, распевала-та пташечка. № 84.
Ой, соловей ты, наш маленький. № 107.
Ой, узоры, узоры узорчистые. № 116.
Ой, я малым. № 106.
Ох, звала, звала девка парня. № 73.
Ох, молодка моя. № 70.
Ох, не туман с моря поднялся. № 105.
Ох, не ходи-ка, мил кудрявый. № 109.
Ой, ты, мамонька, моя, родимая. № 98.
Папиросочка. № 127.
Плыла-та ли, плыла птица по морюшку. № 83.
По борочку брала, брала ягодку земляниченку. № 92.
Погасло солнце за горой. № 97.
Под окошечком сидел добрый молодец. № 78.
Полетим, кукушка, в тёмный лес гулять. № 71.
Полно вам, снежочки, на крутой горе лежать. № 103.
Пущу стрелу да вдоль по улице. № 68.
Развевайся ты, берёза. № 95.
Развесёлый был у нас подрядчик. № 124.
Ромадушка белая. № 114.
Сады мои, сады. № 91.
Собрал я пирушку. № 120.
Сохнет, вянет во полюшке травушка. № 86.
Там дороженька лежит. № 101.
Течет реченька, она быстрая. № 75.
Три я года за девушкой ухаживал. № 96.
Трубка, трубка пеньковая. № 122.
Уезжает, едет милый, оставляет. № 87.
Уж вы, кумушки. № 88.
Уж ты удаль, моя удаль. № 81.
Фонарики-сударики. № 123.
Что ни ягадка по блюдичку катается. № 69.
Эх, зимушка зима. № 72.
Эх, на дубе, на дубе. № 121.

Бурятские песни в исполнении семейских

Хадаханш үндэрэйм оройдо *[На вершине высокой горы]* № 129.
Хангал мүрэнэй(гэ) гургалдай лэ *[Жаворонок скалистой реки]* № 130.
Үүрэй(л) сэлыдоо *[Ранним утром]* № 131.
[Песня о женихе] № 132.

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ ЗАПИСИ

Песни русскоустьинцев

с. Косухино № 3, 4. 6, 11, 13, 16, 20, 21, 22, 26-28, 36-38, 48-50, 56, 57, 64, 65
м. Кузмичево № 12. 14, 39
п. Полярный № 15, 19, 24, 25, 40, 52, 54, 60, 62, 66
м. Приморское № 5, 31, 33, 34, 43, 44, 55, 63
с. Русское Устье № 2, 9, 18, 45, 53, 59
м. Стариково № 7, 8, 10, 17, 23, 46, 47, 51, 58, 67
м. Хартыгыр № 1, 29, 30, 35
п. Чокурдах № 32, 41, 42, 61

Песни семейских

Республика Бурятия

с. Бичура (Бичурский район) № 91, 100, 121, 123
с. Большой Куналей (Тарбагатайский район) № 89, 90, 126, 127
с. Десятниково (Тарбагатайский район) № 75, 80
с. Куйтун (Тарбагатайский район) № 68, 71, 93
с. Петропавловка (Бичурский район) № 129-131
с. Покровка (Бичурский район) № 95, 96
с. Судутуй (Бичурский район) № 97, 132

Красночикойский р-н Читинской области

с. Альбитуй № 74, 102, 128
с. Архангельское № 69, 86-88, 92, 94, 99, 106, 107, 111, 112, 125
с. Гутай № 114
с. Конкино № 70, 108, 119, 120, 122
с. Малоархангельское № 79, 115, 116, 124
с. Укыр № 76, 78, 81, 82-85, 98, 101, 105, 109,110, 113, 117, 118
с. Хилкотой № 72, 73, 77, 103, 104

СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

ААМ – Андреева А.М., 1908 г.р., православная, род. в с. Урлук. Запись 1997 г. Урлук Красночикойского р-на Читинской обл. (В.Л. Кляус).

АМА – Андрианова М.А., 1962 г.р., род. в с. Покровка. Запись 2004 г. Покровка Бичурского р-на Бурятии. (Н.А. Антропова, Т.М. Анахова, В.Л. Кляус).

АНФ – Афанасьев Н.Ф., 1930 г.р., род в с. Новосретенка (родители в 1922 г. приехали из Бичуры) Запись 2004 г. Новосретенка Бичурского р-на Бурятии. (Н.А. Антропова, Т.М. Анахова, В.Л. Кляус).

АПК – Афанасьев П.К., 1924 г.р., род. в с. Новосретенка (родители в 1922 г. приехали из Бичуры). Запись 2004 г. Новосретенка Бичурского р-на Бурятии. (Н.А. Антропова, Т.М. Анахова, В.Л. Кляус).

ВМИ – Васильева М.И., 1943 г.р., род. в с. Покровка. Запись 2004 г. Покровка Бичурского р-на Бурятии. (Н.А. Антропова, Т.М. Анахова, В.Л. Кляус).

ИВИ – Иванова В.И., 1959 г.р., род. в с. Петропавловка. Запись 2004 г. Петропавловка Бичурского р-на Бурятии. (Н.А. Антропова, Т.М. Анахова, В.Л. Кляус).

КГС – Калашников Г.С., 1932 г.р., род. в с. Судутуй. Запись 2004 г. Судутуй Бичурского р-на Бурятии. (Н.А. Антропова, Т.М. Анахова, В.Л. Кляус).

КВА – Калашникова В.А., 1934 г.р., род. в с. Петропавловка (в Судутуй вышла замуж в 1958 г.). Запись 2004 г. Судутуй Бичурского р-на Бурятии. (Н.А. Антропова, Т.М. Анахова, В.Л. Кляус).

ПФИ – Пыткина Ф.И., 1919 г.р., православная, род. в с. Урлук. Запись 1997 г. Урлук Красночикойского р-на Читинской обл. (В.Л. Кляус).

Соб. – собиратель.

УКАЗАТЕЛЬ НОМЕРОВ ПЕСЕН, ПОМЕЩЕННЫХ В АУДИОПРИЛОЖЕНИИ

(номер записи на аудио-CD соответствует номеру текста, опубликованному в приложении к книге)

Песни русскоустьинцев	№№ 40, 42.
Песни семейских	№№ 68–128.
Бурятские песни в исполнении семейских	№№ 129–132.

УКАЗАТЕЛЬ ЛОКАЛИЗМОВ

Песни русскоустьинцев

Лексема	страница
Барабан	60
Берчени	63, 78
Борзуменовский, бурзуменский, бурзоменский, борзуменсковый	77
В оларет	72
Вальянский	63, 78
Ветка	61
Галянский, гальянский	63, 78
Горный	61
Елынчата	78
Калиберес, каливерец, кашверец	73
Камешивый	63
Картушка	66
Коливерт	63
Корточка	67
Кубуточки	63
Кучинуха, кучумиха, кичунуха	77
Магяра	78
Манкрут	63, 78
Мать калиный, меж калчновый	63, 73
Медерный	63
Миткалевый	73
Монный	82
Мошколиновый, мошкалиновый	63, 73
Оларет	63
Омуканчик	83
Парута	79
Патрэчики	63
Пеганый	63
Петроня	74
Плащ	61
Пличча	63
Полечки	79
Пофитовый, похвидовый, похвитовый	73
Рата	80
Сарадочки, сардонки	82
Сердень, серденьский	63, 79
Стапер	63, 76
Стох	76
Сюря-буря	67
Тальнинский, тальянский	63, 78
Убуточки	63
Чукучен	83
Шеранея, шерапея	79
Шшапер	76

Песни семейских

Лексема	страница
Балентoчки	67
Блюдить, блюшить	74
Болина	69
Ватычёк	69
Венерский	79
Вир, ликтур, чур	71
Вскокоченый	63
Вылистенький	69
Вящи	70
Галенец	65, 69
Галец	65
Гардиста	63
Давора	72
Дараскистный	63
Дулевый	65
Дулить	69
Желтырь	64
Житеика	66
Заворки	70
Зазноблешенек	63, 70
Закубастый	63
Запурхаться	63
Иман, имануха	84
Калатовки	67
Карманэ, карнанэ,	71
Клучи	70
Косятческий	63
Кубастый	63
Кудрияны	63
Куканеночек	63
Лавайка	63
Лея	73
Лити	66
Лястюха	68
Манзур	81
Матница	63
Матовина	63
Медкалиновый	63
Навистный	63
Нарывны	63
Начёкать	66
Некрут, некрутский	63
Ненерский	79
Обсывлять	63
Павальница	64
Палатица	70

Лексема	страница
Палашок	63
Перьстецкой	63
Пешехотой	64
Покрас	64
Покурьер	64
Полорот	74
Прогаровать	64
Разрюхаться	64
Рамадушка	75
Раскарымычиха, раскарымычка	84
Расчучовый	75
Ремода	76
Руя	71
Садвоя	72
Систи-мести	68
Скылабаться	64
Сполавный	66
Стрихня	70
Тарнанэ, нанэ	71
Татенький	64
Уваю	64
Утольки	64
Ухач	70
Фанты	61
Фыр дал под-заверду, кур дал придалын далын	71
Ханжина	85
Хвабара, хвайбара	64
Чебирики, чебярики	64
Чеверики	64
Челина	69
Чибартной	64
Шавёры	64
Шепетуха	81
Шилдарянычка	70, 76
Шолука	68
Юхта	64
Ялистинький	69

АУДИОПРИЛОЖЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава I. РУССКУСТЬИНЦЫ И СЕМЕЙСКИЕ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ИНОЭТНИЧЕСКИМИ КУЛЬТУРАМИ **8**

1.1. Русскоустьинцы Якутии 8

1.2. Семейские Забайкалья 17

1.3. К характеристике песенного фольклора русскоустьинцев и семейских 39

Глава II. ЛЕКСИКА ПЕСЕН РУССКОУСТЬИНЦЕВ И СЕМЕЙСКИХ В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ БЫТОВАНИЯ В ИНОЭТНИЧЕСКОМ ОКРУЖЕНИИ 51

2.1. Сравнение словников песен русскоустьинцев и семейских Забайкалья со словниками фольклорных текстов других регионов России 54

2.2. Выявление лексем, не отмеченных в словарях 56

2.3. Локализмы песен русскоустьинцев Якутии и семейских Забайкалья 58

Вместо заключения. ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ПЕСЕННОЙ ЛЕКСИКОЙ ДРУГИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТРАДИЦИЙ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ 87

Список сокращений 94

Библиографический список 95

Приложение

1. Песни русскоустьинцев 113
2. Песни семейских 146

Комментарии к текстам 190

Указатель названий песен 205

Указатель мест записи 208

Список исполнителей 209

Указатель номеров песен, помещенных в аудиоприложении 209

Указатель локализмов 210

Аудиоприложение 213

Кляус Владимир Леонидович
Супряга Светлана Васильевна

ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР РУССКОУСТЬИНЦЕВ ЯКУТИИ И СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Материалы к изучению бытования в иноэтническом окружении

Научное издание

Редактор Н.Д. Собина

Подписано в печать 20.12. 2005 г.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 14,2 Тираж 300 экз.

Изд-во Регионального открытого социального института
305009, г. Курск, ул. Маяковского, 85

Отпечатано

ЧП Гнездилов Ю.Л. «Копир-центр»
г. Железногорск, ул. Курская, 33
Заказ № Тираж 300 экз.

Кляус Владимир Леонидович родился в Чите. После окончания в 1985 году филологического факультета Дальневосточного государственного университета работал в Институте общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР (ныне Институт монголоведения, тибетологии и буддологии БНЦ СО РАН). Закончил аспирантуру Института славяноведения и балканистики АН СССР. В 1994 году защитил кандидатскую диссертацию, в 2001 - докторскую, в которых рассматриваются проблемы истории, бытования и поэтики заговорно-заклинательных традиций славян и коренных народов Сибири. Обе защищены в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

В.Л. Кляус - автор более 110 научных работ, в том числе двух книг, посвященных сюжетике заговорных текстов славян, составитель справочно-библиографического мультимедийного диска «Традиционная культура старообрядцев (семейских) Забайкалья» (2001) и аудио CD «Песни семейских Укыра» (2001).

В.Л. Кляус ведет активные полевые исследования. С 1985 по 2005 гг. как руководитель и участник почти трех десятков фольклорно-этнографических экспедиций работал в Бурятии, Удмуртии, Читинской, Калужской и Тульской областях, Красноярском, Приморском краях, на Алтае, в Белоруссии и Литве.

Живет и работает в Москве - заведующий отделом источниковедения и информационных технологий ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, ведущий научный сотрудник Института мировой культуры МГУ им. М.В. Ломоносова, преподает в Учебно-научном центре социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета.

Супряга Светлана Васильевна родилась в Курске. В 1996 году окончила с красным дипломом филологический факультет Курского государственного педагогического университета, затем - в 1999 году - аспирантуру при кафедре русского языка КГПУ. В 2000 году защитила в Орловском государственном университете диссертацию на тему «Лексика русской народной лирической песни в иноэтническом окружении».

В 2001 и 2004 гг. была награждена дипломами Министерства образования РФ за победу в конкурсах на соискание индивидуальных и коллективных грантов в области общественных и гуманитарных наук.

С.В. Супрягой опубликовано более 50 научных работ, в том числе две монографии, посвященные изучению лексики русского фольклора, длительное время бытующего в иноэтническом окружении.

В период с 2000 г. по 2005 г. работала главным редактором издательского отдела и преподавала культурологию в Курском государственном университете. В настоящее время - доцент кафедры иностранных языков и русской филологии Регионального открытого социального института, а также преподает культурологию в Курском государственном медицинском университете. Работает над докторской диссертацией.